

Kajkybaszewa Aizada Keldibaevna

**PRZYMIOTNIKI JĘZYKA
NIEMIECKIEGO I KIRGISKIEGO
W ASPEKCIE PARADYGMATYCZNO-
SYNTAGMATYCZNYM**

Monografia (w języku po rosyjsku)

Kajkybaszewa Aizada Keldibaevna

**PRZYMIOTNIKI JĘZYKA
NIEMIECKIEGO I KIRGISKIEGO
W ASPEKCIE
PARADYGMATYCZNO-
SYNTAGMATYCZNYM**

MONOGRAFIA
w języku po rosyjsku

Warszawa - 2023

УДК 494.3-25: 43-25
ББК 81
К-14

Отвественные редакторы:

Мирзахидова М.И. - доктор филологических наук., профессор;

Дарбанов Б.К. - доктор филологических наук., профессор.

Рецензенты:

Зуллукаров К.З. - доктор филологических наук, профессор;

Сайидырахимова Д.С. - кандидат филологических наук., проф. РАЕ.

Кайкыбашева А.К., Имена прилагательные немецкого и кыргызского языков в парадигматико-синтагматическом аспекте. Монография. – Варшава: iScience Sp. z.o.o. – 2023. – 123 с.

В монографии рассматриваются грамматические категории прилагательных в немецком и кыргызском языках в парадигматико-синтагматическом смысле. Монография предназначена для аспирантов и магистров ВУЗов.

Цель настоящей монографии - сопоставительное рассмотрение имен прилагательных немецкого и кыргызского языков в плане их парадигматических и синтагматических свойств. Поставленная цель достигается путем решения следующих задач: первый круг задач связан с обзором научной и научно-методической литературы по теме исследования, в частности, с обзорно-теоретическим изучением грамматической природы и сущности имен прилагательных в германистике, в тюркологии и кыргызском языкознании, а также с состоянием изучения данной проблемы в сопоставительном языкознании; второй круг задач связан с непосредственным сопоставительным рассмотрением немецких и кыргызских имен прилагательных на парадигматическом уровне, а именно: с анализом особенностей их категориальной семантики и ее реализации в грамматических значениях кыргызского и немецкого языков, а также с изучением общих и частных парадигм данных прилагательных.

ISBN 978-83-66216-86-0
ББК 81

© А.К. Кайкыбашева, 2023
© iScience Sp. z o. o.

UDC 494.3-25: 43-25
BBK81
K-14

Odpowiedzialni redaktorzy:

Mirzakhidova M.I. - Doktor filologii, profesor;

Dprbanov B.E. - Doktor filologii, profesor.

Recenzenci:

Zulpukarov K.Z. - Doktor filologii, profesor;

Sayidyrahimova D.S. - Kandydat nauk filologicznych, profesor RAE.

Kajkybaszewa A.K., Przymiotniki języka niemieckiego i kirgiskiego w aspekcie paradygmatyczno-syntagmatycznym. Monografia. – Warszawa: iScience Sp. z o.o. – 2023. – 123 s.

W monografii badane są kategorie gramatyczne przymiotników w języku niemieckim i kirgiskim w aspekcie paradygmatyczno-syntagmatycznym. Monografia przeznaczona jest dla studentów studiów magisterskich.

Celem niniejszej monografii jest badanie porównawcze przymiotników w języku niemieckim i kirgiskim pod kątem ich właściwości paradygmatycznych i syntagmatycznych. Cel osiąga się poprzez rozwiązanie następujących zadań: pierwszy zestaw zadań związany jest z przeglądem literatury naukowej i naukowo-metodologicznej dotyczącej tematu badań, w szczególności z przeglądem i teoretycznym badaniem natury gramatycznej i istoty przymiotników w germanistyce, turkologii i językoznawstwie kirgiskim, a także podobnie jak stan badań nad tym problemem w językoznawstwie porównawczym; drugi zestaw zadań wiąże się z bezpośrednim porównawczym rozważaniem przymiotników niemieckich i kirgiskich na poziomie paradygmatycznym, a mianowicie: z analizą cech ich semantyki kategoriowej i jej implementacją w znaczeniach gramatycznych języka kirgiskiego i niemieckiego, a także podobnie jak w przypadku badania ogólnych i szczegółowych paradygmatów tych przymiotników.

ISBN 9967-23-478-4
BBK 81

© A.K. Kajkybaszewa, 2023
© iScience Sp. z o. o.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ГЕРМАНСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ	7
Сопоставительное языкознание как одно из направлений лингвистической науки	7
Имя прилагательное в германском и немецком языкознании	11
Имя прилагательное в тюркском и киргизском языкознании	22
О сопоставительных грамматических исследованиях в киргизско-германском языкознании	29
ВТОРАЯ ЧАСТЬ. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ НЕМЕЦКИХ И КЫРГЫЗСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ	39
Значение имён прилагательных в немецком и киргизском языках	39
Образование имён прилагательных в немецком и киргизском языках	47
Степени сравнения имён прилагательных в немецком и киргизском языках	63
Склонение имен прилагательных в немецком и киргизском языках	69
ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ. СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В НЕМЕЦКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ	76
Синтаксические функции имён прилагательных в немецком и киргизском языках	76
Падежное управление немецких имён прилагательных и их соответствия в классе киргизских прилагательных	86
Предложное управление немецких имён прилагательных и соответствующие им явления в классе киргизских имён прилагательных	91
Валентностные свойства немецких и киргизских прилагательных	96
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	105
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	109

ВВЕДЕНИЕ

В последние двадцать лет в постсоветских государствах активно разрабатываются проблемы национальных языков, которые стали изучаться с точки зрения их типологического устройства, функционирования в различных сферах человеческой деятельности и др. С укреплением позиций государственных языков неизбежно вставали вопросы об их роли, месте и взаимоотношениях с другими языками, в частности, языками тех народов, которые далеко продвинулись в различных областях человеческого знания и инновационных технологий.

Чтобы быть успешными, современная молодежь стремится овладеть западными языками, в том числе и немецким языком как языком, который сохранил в себе ценности греко-римской цивилизации и оказался способным аккумулировать в себе многие достижения и технологии XXI столетия. В этой связи перед специалистами стоит задача сравнить эти языки в теоретическом аспекте, чтобы обосновать не только вопросы их типологического устройства, но и (эта задача представляется более важной) решить практические задачи обучения иностранным языкам.

Парадигматические и синтагматические отношения в языке, как известно, являются краеугольными камнями устройства языковой системы. Поэтому знание парадигматики и синтагматики прилагательных – одной из ведущих частей речи в кыргызском и немецком языке – закладывает серьезные теоретические основания как для типологии, так и для повышения эффективности изучения иностранных языков и их преподавания в кыргызской аудитории.

Адъективные лексемы в немецком и кыргызском языках, их структура, сходства и различия рассматривается в парадигматико-синтагматическом аспекте.

В монографии автор старается - сопоставить и рассмотреть имена прилагательные немецкого и кыргызского языков в плане их парадигматических и синтагматических свойств. Автор ставит задачу достигнуть цель путем решения следующих задач: первый круг задач связан с обзором научной и научно-методической литературы по теме исследования, в частности, с обзорно-теоретическим изучением грамматической природы и сущности имен прилагательных в германистике, в тюркологии и кыргызском языкознании, а также с состоянием изучения данной проблемы в сопоставительном языкознании; второй круг задач связан с непосредственным сопоставительным рассмотрением немецких и кыргызских имен прилагательных на парадигматическом уровне, а именно: с анализом

особенностей их категориальной семантики и ее реализации в грамматических значениях кыргызского и немецкого языков, а также с изучением общих и частных парадигм данных прилагательных. третий круг задач связан с сопоставительным изучением немецких и кыргызских имен прилагательных на синтагматическом уровне, а именно: с изучением грамматической категории немецкого и кыргызского имени прилагательного в разрезе проявления его синтаксических функций и грамматического управления (падежного, предложного и послеложного), а также его валентностных свойств в предложении; четвертый круг задач связан с лингвометодическим обоснованием практики обучения немецкому языку кыргызских учащихся на базе полученных результатов.

Монография заключается, во-первых, в сопряжении парадигматического и синтагматического аспектов, позволяющих объёмно рассмотреть лексико-грамматические свойства прилагательных столь разных в типологическом отношении языков, во-вторых, в привлечении для анализа материалов кыргызского и немецкого языков и, в третьих, в разработке методических рекомендаций для преподавателей немецкого языка в кыргызской аудитории.

Методы и приемы парадигматико-синтагматического изучения частей речи в сопоставительном плане могут стать методологической базой для изучения других частей речи не только для кыргызского и немецкого языков, но и для других языковых систем.

Положения и выводы монографического исследования могут быть использованы в вузовских курсах сопоставительной грамматики немецкого и кыргызского языков, типологического языкознания, введения в языкознание, общего языкознания и теории перевода, а также при написании курсовых, дипломных и магистерских работ на факультетах иностранных языков.

Личный вклад автора монографии состоит в сборе фактического языкового материала, в его теоретическом осмыслении и классификации, а также в проведении сопоставительного анализа и лингвометодической интерпретации.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ГЕРМАНСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Сопоставительное языкознание как одно из направлений лингвистической науки

В языкознании сложилось мнение, что сопоставительное языкознание – это одно из перспективных направлений в лингвистике, которое выделилось в последней трети XX века сравнительно-исторического языкознания.

Сравнение – универсальный прием научного познания. Известно, что все познается в сравнении, а ценность всякого элемента, его место в системе однопорядковых единиц также устанавливается путем сравнения.

Желание сравнить, а затем и классифицировать языки лежало в основе первоначального интереса к изучению языков и явилось общим методом известных направлений общего и прикладного языкознания, сравнительно-исторической, типологической, ареальной, сопоставительной, конфронтативной, контрастивной и других направлений современной лингвистики. Лингвистика основывается на том факте, что если возможна переводимость текстов с одного языка на другой, перехода с одного языкового кода на другой, то между языками, несмотря на их индивидуальные различия, есть достаточно общих свойств, обеспечивающих возможность их сравнения, описания и классификации. Подчеркивая важность сравнения и классификации при изучении языков, Э. Бенвенист утверждал: «И при этом наука о языках позволила заложить основу классификации, но, наоборот, именно с классификации, сколь наивна и туманна она ни была вначале, начинается развитие науки о языке» [Бенвенист, 1974: 37]. Создание сравнительно-исторического метода положило начало научному изучению языков. Сравнение было для него средством систематизации языкового материала, а исторический подход к языку стал главным принципом исследования.

Успехи компаративистики более чем очевидны. Эта теория обладает, как и надлежит истинной теории, не только объяснительной силой, но и в известной степени была способна прогнозировать путем сравнения появление неизвестных форм в родственных языках. Истории науки известны блестящие работы, когда ученым путем сравнений удавалось реконструировать архаические, давно вышедшие из употребления формы, а также и выдвинуть при помощи

теоретических умозаключений гипотезы о существовании тех или иных фактов в древних языках, которые впоследствии целиком подтверждались. Достаточно вспомнить Фердинада Соссюра, который еще в молодом возрасте, открыл путем использования метода сравнений неизвестные гласные хетского языка.

Таким образом, сравнительно-историческое языкознание можно считать предтечей для возникновения типологической лингвистики и сопоставительного метода изучения языков, между которыми имеются определенные различия как в целях, так и результатах исследования.

Если лингвистическая типология за основу сравнения берет отдельные компоненты системы, но изучает их во всех языках или по мере возможности в более широкой общности языков, то сопоставительная лингвистика привлекает для сравнения только два языка, но по всем элементам данного уровня. Отличаются эти два направления и своими задачами. В задачу лингвистической типологии входит установление языкового типа с целью определения его места в классификации языков. Задача сопоставительной лингвистики заключается в сравнении двух языков с целью обнаружения схождений и расхождений для того, чтобы глубже описать языковые явления одного языка на фоне другого. В отличие от лингвистической типологии сопоставительная лингвистика преимущественно направлена на решение задач прикладного характера, как: участие в решении вопросов методики преподавания неродного языка, разработка вопросов теории и практики перевода и др. [Гак, 1980: 7].

У истоков возникновения сопоставительного направления в языкознании, или сопоставительного языкознания, стоят имена таких известных лингвистов, как Ш. Балли и Б. Потье, Е.Д. Поливанов, А.А. Реформатский, Дж. Гринберг, В.Г.Гак, В. Н.Ярцева, Е. Косериу, Г. Никкель и др., которые самым непосредственным образом способствовали становлению сопоставительного языкознания как науки со своим объектом, предметом и методами исследования.

Во-первых, эти учёные перевели плоскость изучения языка и языков из диахронии в синхронию. Именно в аспекте синхронии, к примеру, выявляется, что французский язык имеет существенные отличия от немецкого языка. Французский язык различается как язык аналитического синтаксического строя, а немецкий – как синтетического. «Французский язык тесно соединяет элементы, которые естественно притягиваются друг к другу, вместо того чтобы

пользоваться столь излюбленным немецким языком разьединением» [Балли, 1955: 397].

Во-вторых, такой синхронный подход к сопоставительному анализу сравниваемых языков закономерным образом привёл к тому, что стали исследоваться не столько языки родственные, а сколько языки совсем неродственные, такие, как, например, немецкий и кыргызский языки, или же находящиеся в очень отдалённой степени родства, такие, как например, английский и русский языки. Для синхронного подхода к сопоставлению языков, с одной стороны, было абсолютно безразлично генетическое происхождение языков, с другой же стороны, данный подход учитывал тот простой факт, что родство в происхождении языков обуславливает схожесть основных параметров в грамматическом строении, а, следовательно, в типологии языков.

В-третьих, выяснилось, что сопоставительное языкознание предоставляет в руки исследователя новые материалы и наблюдения, что даёт дополнительные возможности для языковой типологии

В-четвёртых, сопоставительное языкознание большей частью обусловлено в своём становлении и развитии практическими языковыми задачами. Ведь оно и возникло-то именно благодаря постановке таких практических, прикладных языковых задач, обусловленных потребностями преподавания иностранных языков в условиях родного и потребностями адекватного перевода с одного языка на другой. Так, стало очевидным, что лингвистическая методика преподавания, обучения и изучения неродных и иностранных языков в условиях родного имеет чисто лингвистическую основу и базируется на данных сопоставительного языкознания. Стало абсолютно ясным, что «...контрастивная лингвистика сравнивает языки, как правило, с чисто прикладной целью – для усовершенствования методов и повышения результативности преподавания языков. Контрастивная лингвистика охватывает значительно больший диапазон языковой структуры по сравнению с традиционным сравнительно-историческим языкознанием, соответственно отличаются и её методы» [Никкель, 1989: 351].

Так же стало очевидным и ясным, что в данном сопоставительном языкознании нуждается теория и практика перевода. Адекватный перевод с языка оригинала на переводящий язык предполагает аналогичную передачу некоего смысла, с сохранением как можно большего диапазона семантических коннотативных нюансов и оттенков. Если рассматривать перевод только как простую передачу смысла с языка на язык и, соответственно, межъязыковую операцию,

ориентированную на поиски эквивалентов в обозначениях, то сопоставительное языкознание в этом направлении должно заниматься двумя языками как грамматическими и словарными системами, обеспечивающими «языковую технику». Но это не так, отмечается в сопоставительном языкознании. «Перевод ведь не просто «передача», не просто применение хорошо разработанной техники установления эквивалентностей в обозначениях средствами отдельных языков, но он одновременно – хотя и в разной степени зависимости от переводимых текстов - это «перевод» (то, что часто называется искусством перевода). И в этом отношении он обусловлен не столько конкретным языком, сколько – и это в первую очередь – «текстом». Данное обстоятельство накладывает ряд ограничений на необходимое, в иных случаях даже незаменимое использование контрастивной лингвистики в практике перевода» [Козериу, 1989: 77].

В-пятых, данные и результаты конкретных сопоставительных исследований, особенно языков, принадлежащих к разным языковым типам и ареально отдалённым друг от друга, стали жизненно необходимыми для сопоставления самых разнообразных компьютерных программ, предназначенных для всех сфер человеческой деятельности. В конце прошлого века такие компьютерно-языковые программы и их использование называлось «машинный перевод». «Контрастивная лингвистика пригодна не только для обучения иностранным языкам. Она может быть использована для машинного перевода» [Никкель, 1989: 351].

Вопросы сопоставительного языкознания интенсивно разрабатываются и в Кыргызстане. В центре внимания исследователей такие языки в парах, как кыргызский и русский, кыргызский и английский, кыргызский и немецкий, русский и германский языки, кыргызский и турецкий языки и др. Причем, исследования ведутся не только в традиционном, системно-структурном аспекте, но и в русле новых направлений антропоцентрического языкознания, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика и др. Известны сопоставительные работы таких специалистов, как К.З. Зулпукаров, З.К. Дербишева, М.Дж. Тагаев, У.Дж. Камбаралиева, А. Бекбалаев, А. Джолдошбеков, З.К. Караева, П.К. Кадырбекова и др.

В качестве заключения к данной части работы, отметим, что сопоставительные исследования должны носить не абстрактно-умозрительный характер, а ставить конкретные теоретические и практические задачи, которые В.Г. Гаком сформулированы следующим образом: сопоставительное языкознание 1) выявляет схождения и

расхождения в использовании языковых средств различными языками; 2) позволяет лучше определить особенности каждого из сопоставляемых языков, которые могут ускользать от внимания исследователя при одном лишь «внутреннем» изучении языка; 3) непосредственно связано с различными видами прикладного языкознания, прежде всего с преподаванием неродного языка, где оно позволяет предвидеть и преодолеть нежелательную интерференцию, а также с теорией перевода, для которой оно дает надежную лингвистическую базу [Гак, 1989:9].

Имя прилагательное в германском и немецком языкознании

С точки зрения языковой типологии для характеристики имени прилагательного в немецком языке важно определить типологическую значимость этой части речи в германских языках. С этой целью мы обратились к фундаментальному исследованию Е.С. Кубряковой, посвященному анализу данной части речи [Кубрякова, 1977]. Это позволит определить ведущие признаки этого класса слов и выделить их отличительные грамматические особенности. При этом важными из этих признаков следует считать место данной части речи среди категории имен, для которых присущи одни и те же грамматические значения. Так, например, категории рода, падежа и числа характеризуют как имена прилагательные, так и существительные. Рассмотрение прилагательных в контексте других частей в совокупности разноуровневых свойств и анализ их морфологических признаков предполагает изучение данной части речи в парадигматическом и синтагматическом аспектах.

В теории языкознания существуют различные точки зрения относительно грамматической природы прилагательного. Некоторые ученые полагают, что прилагательные не образуют отдельной части речи, так как их можно достаточно просто отнести к категории имени или глагола. Другие специалисты, наоборот, считают, что имя прилагательное является одной из ведущих частей речи. Поэтому вполне понятно, что анализ этих позиций может помочь решить вопрос о том, что представляют собой прилагательные немецкого языка с типологической точки зрения и как следует их изучать.

Отличает прилагательное от других признаков слов (причастий, глаголов) способность выражать непроцессуальный признак, т.е. такой признак, который не может быть помещен в рамки грамматического времени. Так, например, *gross* не обладает

временными характеристиками. Обозначая признак в самом широком смысле, прилагательное может выступать в качестве именной части сказуемого или определения. Что же касается качественных прилагательных, то они могут проявлять себя в той или иной степени интенсивности, обозначая признак в большей или меньшей степени. Совокупность семантических, синтаксических и словообразовательных свойств имени прилагательного позволяют считать данный класс слов самостоятельной частью речи.

Лексико-грамматические свойства прилагательных германских языков объясняются прошлыми состояниями германских языков, в которых они выступают в качестве самостоятельного грамматического класса. Некоторые исследователи выдвигают мысль о том, что древних германских языках прилагательные и существительные существовали как единый, нерасчлененный класс слов.

Е.С. Кубрякова считает главной типологической особенностью древне германских прилагательных тот факт, что они функционировали в качестве отдельной части речи и в этой связи “прилагательное следует рассматривать как класс слов, обособившийся от имени существительного” [Кубрякова, 1977: 289]. В то же время нельзя говорить о морфологическом тождестве имен прилагательных и существительных, поскольку такой вывод основан лишь на некоторых формальных признаках слов этих частей речи.

Прилагательные образуют многочисленные словоформы, которые образуют различные типы парадигм, как общие, так и частные, образуя при этом парадигмы сильного, слабого или смешанного склонения, парадигмы словоизменения по родам или числам, а также парадигмы по степеням сравнения. Совокупность всех этих частных парадигм составляет общую парадигму прилагательного. Причем, двусклоняемость германских прилагательных является типологическим свойством этой части речи, которое позволило объединить германские языки в одну подгруппу с балтийскими и славянскими языками.

Категориальным значением прилагательных являлось обозначение качества, свойства или признака. Это общее значение получало оформление через грамматические значения рода, числа и падежа и другие характеристики. Каждая грамматическая форма прилагательного выражала одновременно до 5 грамматических значения: одно из трех родовых, одно из четырех или пяти падежных, значение определенности или неопределенности и, наконец, значение положительной, сравнительной или превосходной степени. Выражая

названные значения, имя прилагательное выступала как склоняемая часть речи, способная образовывать различные типы парадигм.

Грамматические значения рода, числа и падежа по-разному проявляются у имен прилагательных и существительных. Если у существительных данные категории отражают реально существующие явления и потому они независимы от контекста, то у прилагательных они носят зависимый, согласованный с формами существительного характер. Так, например, использование множественного или единственного числа существительного зависит от количества предметов во внеязыковой действительности, а форма прилагательного уже зависит и согласуется с формой имени существительного. В то же время род для существительного – это классификационная категория, которая показывает распределение имен по тем или иным классам, а прилагательное, в отличие от существительного, категория словоизменяемая, форма которой избирается соответственно роду существительного.

Что же касается выбора определенной или неопределенной формы прилагательного, то это предопределяется не формой существительного, а того, что мы думаем или какой образ складывается в нашем сознании об этом предмете.

Таким образом, прилагательное в германских языках оказывается такой частью речи, которая может передавать как собственные независимые значения (категориальное значение непроцессуального признака), так и зависимые, согласовательные значения.

Грамматические значения прилагательного реализуются или через сильную, или через слабую форму прилагательного, входящие в определенную парадигму. И сильные, и слабые формы с набором определенных грамматических значений могут быть выражены не иначе как через парадигму.

Такая характерная особенность прилагательных, как двусклоняемость не была способом разграничения парадигматических особенностей, а выражала различие определенных и неопределенных форм. С синхронной точки зрения смысл этой категории заключается именно в передаче грамматического значения определенности/неопределенности. Прилагательное в определенной или неопределенной форме обозначало оценку, осмысление и восприятие признака как определенного или неопределенного.

Выбор сильной или слабой формы зависел от нескольких факторов: 1) зависимость от наличия/отсутствия местоимения артикля;

- 2) зависимость от синтаксической функции данного прилагательного;
- 3) зависимость от понимания значимости данного признака как временного/постоянного, типичного/нетипичного и др.

Важно отметить, что в современных германских, кроме английского, действительным оказывается только один фактор – наличие или отсутствие местоимения или артикля, которые обуславливают выбор сильной или слабой формы. Добавим к сказанному, что в немецком языке атрибутивные функции прилагательного противопоставляются предикативным, поскольку в предикативной функции используются сильные формы с нулевыми окончаниями.

Тенденции развития категории прилагательных в германских языках привела к выделению двух групп языков: 1) языки, в которых произошла деморфологизация категории прилагательных (английский, нидерландский); 2) языки, в которых сохранились морфологические признаки имени прилагательного. Несмотря на это, как считает Е.С. Кубрякова, “отдельные группы германских языков следует рассматривать,... как последовательные звенья единого с типологической точки зрения процесса – упрочения прилагательного как отдельной части речи по всем показателям, кроме морфологических, т.е. как бы вопреки возможной утрате морфологических характеристик” [Кубрякова, 1977: 331]. Таким образом, современный немецкий язык сохранил семантику и основные морфологические черты имени прилагательного древнегерманских языков.

Общепринятым в общем языкознании является мнение о сущности прилагательного как о «...лексико-семантическом классе предикатных слов, обозначающих непроецессуальный признак (свойство) предмета, события или другого признака, обозначенного именем. Прилагательное обозначает либо качественный признак предмета, вне его отношения к другим предметам, событиям или признакам, либо признак относительный, обозначающий свойство предмета через его отношение к другому предмету, признаку, событию» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:397].

Однако, несмотря на кажущуюся законченность вышеприведенной дефиниции о сущности и природе прилагательного в общем языкознании, в общей теории германского языкознания, в собственно немецкой теоретической грамматике, а также и в теоретической (академической) грамматике кыргызского языка, возникает ряд вопросов, касающихся общей характеристики прилагательного. Перечислим в нижеследующей последовательности,

по принципу ниспадания абстрагированности и категоризации языковых форм, такие возникающие вопросы, а затем попытаемся дать на них по возможности точные и адекватные ответы:

1) К какой группе частей речи, к полнозначным или неполнозначным словам, относится класс слов имен прилагательных вообще и в германских языках, в частности?;

2) Почему лексико-семантический класс слов прилагательных относят к словам предикатного типа и возможно ли такая «предикатизация» в собственно немецкой грамматике?;

3) Какие такие непроцессуальные признаки (свойства) предмета, событий или даже другого признака в состоянии обозначать класс предикатных имен прилагательных?;

4) Обозначаемые прилагательным непроцессуальные признаки относятся к самым разнообразным явлениям внеязыковой действительности, какой-либо один признак, или некоторые признаки должны обыкновенно в аналогичных случаях превалировать, что это за доминирующие признаки?;

5) В вышеприведенной дефиниции представлен только семантический (содержательный, смысловой, понятийный) критерий выделения лексико-семантического класса слов прилагательных, а какие грамматические, а точнее, морфологические и синтаксические, критерии позволяют адекватным образом идентифицировать прилагательные?

Возникают в связи с вышеприведенной дефиницией и другие, более частные вопросы; их мы назовём попутно в ходе нашего теоретико-обзорного анализа и там же попытаемся ответить на них.

1) В лексико-грамматическом аспекте все слова любого языка принято подразделять на два больших разряда: слова полнозначные, знаменательные и слова неполнозначные, вспомогательные. Первые составляют систему самостоятельных частей речи, а вторые - служебных.

Обычно в германистике к самостоятельным частям речи относят: имя существительное (das Substantiv), имя прилагательное (das Adjektiv), имя числительное (das Numerale), местоимение (das Pronomen), глагол (das Verb), наречие (das Adverb), междометие (das Interjektion), а к служебным: предлог (die Präposition) и союз (die Konjunktion). В основу такого подразделения кладут обычно чисто семантический критерий – способность слова именовать отдельные, дискретно воспринимаемые внеязыковые сущности [см.: Бергман,

Натанзон, 1957:7; Арсеньева, Балашова, Берков и др.; 1980:46-49; Bussman, 1990: 850-851].

Однако имеются и модификации в данном подразделении. Добавив к семантическому критерию синтаксический, некоторые ученые-германисты отметили и выделили в германских языках, например, в английском, особый класс слов, стоящих вне предложений, «... которые занимают в языке особое место и отличаются от всех групп слов тем, что они не имеют органической связи с предложением и не входят в его состав» [Смирницкий, 1959:391; ср.: Беляева, 1977:4]. К таким словам, стоящим вне предложения, вышеназванные авторы отнесли слова вводные (конечно, естественно) и модальные (мог бы, хотел бы), слова общего утверждения и отрицания (да, нет) и междометия (Ах!, Удивляюсь!).

Что же касается анализируемых в данной работе имён прилагательных, то они во всех возможных классификациях словарного состава по частям речи отнесены к словам самостоятельным. Вопрос, поставленный в нашей работе, возникает по поводу лишь одного ракурса классификации: полноточности – неполноточности имен прилагательных. «Как мы уже видели выше, во многих случаях возможность деления на слова полноточные и служебные вообще является сомнительной» [Смирницкий, 1959:388].

Возникший вопрос обусловлен следующими обстоятельствами. Служебные слова характеризуются в плане содержания семантической недостаточностью, неполноценностью, а в плане выражения – синтаксической несамостоятельностью. Вопрос возникает скорее в логико-грамматическом аспекте: если прилагательное обозначает непроцессуальный признак обозначаемого предмета речи, может ли данный признак восприниматься как объект отдельной, самостоятельной мысли. Если признать непроцессуальный признак объектом самостоятельной мысли, то поставленный вопрос снимается. Если же не признать его объектом самостоятельной мысли, то тогда возникает сомнение в правомерности причисления имени прилагательного к типу самостоятельных частей речи. В последнем случае не будет соблюден основной постулат семантического критерия членения словарного состава на самостоятельные и служебные части речи, который гласит: «Классификация по линии служебности и полноточности основывается на семантическом весе слова и исходит из того, как в том или ином конкретном случае выступает мысль о данном явлении - как второстепенная, существующая при чём-то ещё, или же как самостоятельная» [Смирницкий, 1959:389].

В нашем исследовании будем придерживаться традиционной точки зрения, общепринятой в германистике и в немецком языкознании, о принадлежности лексико-семантического класса слов к типу самостоятельных, полнозначных частей речи, поскольку обозначаемые качества и свойства предметов онтологически все же принадлежат к природе самого данного предмета, а вместе с ним конституирует самостоятельную мысль, представление о предмете [см.: Нидерквель, 1978: 27-28; Kleine Enzyklopädie: Deutsche Sprache, 1983:159-161; Arssenjewa, Zyganowa, 2002:78-79].

2) Второй поставленный в настоящем разделе вопрос о предикатном характере имён прилагательных также требует развёрнутого и обстоятельного пояснения.

Под предикатом обычно в языкознании понимается член предложения, занимающий функциональную позицию сказуемого, и, следовательно, выполняющий роль сказуемого суждения: «Предмет мысли, составляющий содержание предикации: мыслимое содержание, являющееся основой соотнесения высказываемого с действительностью и получающее языковое выражение в форме сказуемого» [Ахманова, 1966:345]

Обычно в функциональной позиции сказуемого бывает задействованная часть речи глагол, и потому нередко для подчёркивания тесной связи части речи глагола и члена предложения сказуемого употребляют сложносоставной термин «глагол-сказуемое». Термина же «прилагательное-сказуемое» не имеется, но это не означает, что прилагательное не употребляется в функциональной позиции сказуемого. Они употребляются в предложении в такой функции, например, в английском языке:

«Прилагательное может также быть частью составного сказуемого - предикативным членом, который стоит после глагола - связки:

The sea was still, the sky was clear, the sun was hot.

The weather is getting cold» [Грузинская, Черкасская, 1956:37]

Аналогичным образом прилагательное может быть предикативным членом - частью составного сказуемого и стоять после глагола - связки в шведском языке [см.: Маслова-Лашанская, 1972:157] и в анализируемом нами немецком языке [см.: Bartschaft, Conrad, Heinemann u.a., 1975:21]. Но, все же, все германисты единодушны в том, что основная функция имени прилагательного состоит в выполнении роли определения при имени, выраженным существительным или же субстантивированной формой не существительного [см.: Грузинская,

Черкасская, 1956:37; Маслова - Лашанская, 1972:157; Bartschaft, Conrad, Heinemann u.d., 1975:21].

Что же касается непосредственно анализируемого нами немецкого языка, как прилагательное склоняется и согласуется в роде, числе и падеже с тем существительным, к которому оно относится:

Unser schöner Betrieb.
Unsere schöne Stadt.
Unser schönes Haus } *liegt am Ufer eines großen Flusses.*

[Бергман, Натанзон, 1957:87].

Таким образом, имя прилагательное в немецком языке не относится к словам предикативного типа, хотя и нельзя полностью отрицать у него наличие предикативности. Скорее, и это было бы более справедливо, считать имя прилагательное атрибутивными (определятельными) словами, поскольку основная его синтаксическая функция состоит в исполнении роли определения при существительном - и особенно такое суждение важно для грамматической структуры немецкого языка, где происходит согласование его с соотнесённым именем существительным в роде, числе и падеже.

И поэтому, во избежание разнотолков, мы не будем в нашей работе отмечать и выделять предикативный характер имени прилагательного.

3) Вопрос о непроецессуальных признаках (свойствах) предмета речи, обозначенного именем прилагательным, также требует расширенного и подробного пояснения.

Обычно среди частеречных классов слов процессуальными считаются глаголы, которые обозначают во внеязыковой реальности процессы, распадающиеся в конкретном приложении к предмету на действие и состояние. С этих позиций имена прилагательные трактуются как слова, обозначающие не процессуальные признаки предмета, и такое утверждение на первый взгляд не противоречит кажущейся действительности. Но если встать по позицию непосредственной семантики самого прилагательного, то ответ уже не представляется таким однозначным. И в самом деле, как толковать значение таких прилагательных, как «быстрый, медленный, молниеносный», имеется ли в их содержательных структурах понятие процесса, например, в таких атрибутивных сочетаниях, как: быстрая ходьба, медленный шаг, молниеносный удар?

В германистике предлагается такое разрешение данного вопроса: глаголы с процессуальным значением действия и состояния следует считать центральной частью (ядром) грамматического поля

процессуальности, а прилагательные типа «быстрый, медленный» следует отнести к периферии данного грамматического поля процессуальности, при наличии тенденции, что «...рассмотренное синтаксическое поле обнаруживает значительную устойчивость, а также к количественному росту и постоянному расширению своих контуров за счет периферии» [Филичева, 1978:138; ср.: Адмони, 1988: 175-176].

4) Немаловажен вопрос о языковом преломлении внеязыковых признаков, лежащих в основу семантики прилагательного как части речи с непроцессуальным характером значения. Для разрешения данного вопроса надо встать на точку зрения полного отрицания процессуальных моментов в значении прилагательного и признать его непроцессуальный характер. В этом случае семантический оттенок процесса или действия в семантической структуре прилагательного следует считать не процессуальным признаком, а признаком качественным. Прилагательные типа «быстрый, медленный» следует рассматривать в одном ряду с такими прилагательными, как: хороший, отличный, плохой, худший.

Качественные прилагательные имеют оценочную направленность, понятие «хороший, отличный, плохой, быстрый» выявляются только в результате оценочных умозаключений, когда воспринимаемый органами чувств признак сравнивается с признаком-конструктом, с эталонным признаком, и на этой основе оценивается предмет речи. С этих позиций деление прилагательных в германском языкознании на прилагательные качественные и прилагательные относительные является, строго говоря, условным, поскольку «семантической основой прилагательного является понятие качества» (В. В. Виноградов). Качественный признак доминирует в значении прилагательного, которое легко развивает качественные семьи, ср. «деревянный стул»- «деревянная походка». Прилагательное само по себе не имеет денотации и соотносится с денотатами только через посредство определяемого имя существительного» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990:397; ср.: Шрамм, 1979:22].

Таким образом, при семантическом анализе немецких, а также и кыргызских, имён прилагательных мы будем иметь в виду, что глубинная семантическая основа прилагательного как части речи - это выражение качественного признака предмета речи.

5) Значимым также является вопрос о структурно-грамматической идентификации прилагательных в германских языках. Данный вопрос должен быть трансформирован в вопрос о наличии у

прилагательного тех или иных грамматических категорий, поскольку в данной части в различных германских языках, например, в немецком и английском не наблюдается единообразия структурно - грамматических категории.

Поскольку метаязыком нашего сопоставительного немецкого - кыргызского исследования является русский язык, да и к тому же и написана она на русском языке, в качестве третьей судьбы для разрешения проблем прилагательных можно привлечь данные о прилагательном из русского языка. В этой связи небезынтесным представляется мнение известного русского советского русиста В.В. Виноградова, который различал у русского прилагательного три грамматические категории: рода, числа и падежа.

«В тесной грамматической связи с именами существительными находятся имена прилагательные. Имя прилагательное – это грамматическая категория, формирующая и объединяющая слова, которые означают признак предмета (качественный, относительный или указательно-определятельный) и которые являются определяющими имена существительные и обычно согласуемыми с ними в роде, числе и падеже частями речи» [Виноградов, 1947:182].

Немецкий язык, также как и русский, принадлежит к общей индоевропейской большой семье языков и является с позиции лингвистической типологии языком флективного грамматико-морфологического строя. И поэтому полное совпадение номенклатуры грамматических категорий прилагательных немецкого и кыргызского языка является ожидаемым. В немецком языке «имя прилагательное – самостоятельная часть речи, обозначающая качества или свойства предметов. Прилагательные изменяются по родам, падежам и числам» [Бергман, Натанзон, 1957:87; ср.: Bussmann, 1990:47].

Английский же язык так же, как и русский и немецкий языки, принадлежит к большой семье индоевропейских языков и так же, как и немецкий язык, является языком германской группы. Но в английском языке имя прилагательное не обладает грамматическими категориями рода, числа и падежа. «Имена прилагательные в английском языке не изменяются по родам, числам и падежам» [Беляева, 1977:31; ср.: Смирницкий, 1959:150].

Такое различие в номенклатурах германского немецкого и германского английского прилагательных обусловлено тем фактом, что первый является с позиций лингвистической типологии языком флективным, а второй уже не является таковым. Его относят к так называемым аналитическим языкам, а именно, к языкам

аналитического синтаксического строя, в которых слова приобрели укороченную корневую основу, отбросили большинство своих грамматических флексий (суффиксов, окончаний, грамматических внутрисловных связей) и приблизились к языкам аморфного (изолирующего) грамматико-морфологического языкового типа.

«Как мы уже указали выше, система английского языка в своем историческом развитии подвергалась большим изменениям. Это даёт основание отдельным языковедам говорить о том, что английский язык в ходе своей истории перешёл из флективного типа в аналитический.... История развития английского языка и некоторых других индоевропейских языков показывает, что генетическая общность языков является консервативной по сравнению с морфологическим типом, последний можно считать более подвижным» [Буранов, 1983:173; см. также: Хелимский, 1990: 33].

В связи с такой несовпадающей структурно-грамматической характеристикой имён прилагательных даже в генетически родственных языках - немецком и английском, думается, что представит интерес в аспекте сопоставления сравнить грамматические данные германского немецкого прилагательного и прилагательного тюркского кыргызского.

Можно обобщить высказанные в данном разделе лингвистические данные и мысли нижеследующим образом.

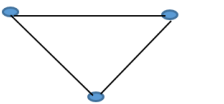

Имя прилагательные, всецело входя в грамматический строй соответствующего языка на правах полнозначной, знаменательной, самостоятельной части речи, в германских языках не отличается единообразием грамматических форм, например: в немецком и английском, они имеют различный набор грамматических категорий, если немецкое прилагательное изменяется по числам, родам и падежам, то английское прилагательное никак не изменяет своих грамматических форм.

В германистике имеются также и некоторые другие вопросы, касающиеся сущности, природы и структуры прилагательных, но, думается, наше отношение по данным вопросам мы уже высказали в данном разделе, а именно, по вопросам: частеречной принадлежности германских, в том числе немецких прилагательных, о предикативном характере прилагательных, о не процессуальных значениях прилагательных, о семантической основе содержания прилагательных и о структурно-грамматических категориях имён прилагательных.

Чтобы определить типологические особенности прилагательных германских языков, в частности немецкого и

английского, представим таблицу, составленную по методике Е.С. Кубряковой, в которой знак «+» указывает на наличие признака, знак «-» обозначает отсутствие признака, и сравним эти языки с древнегерманским языком на предмет того, в какой мере признаки прилагательного сохранились в современных языках.

Таблица №1

Категории	Языки		
	Др.-герм.	немецкий	английский
Степени сравнения		+	+
Определенность/неопределенность		+	-
Род		+	-
Число		+	-
Падеж		+	-

Как видно из таблицы, немецкий язык сохранил в полном виде модель парадигматики прилагательного, которая функционировала в общегерманском языке. Английский язык, напротив, значительно отклонился от данной модели, оставив только возможность компаративного словоизменения имен прилагательных, что привело к деморфологизации данного языка.

Таким образом, немецкий язык в отличие от других германских языков является языком, в котором богато представлены словоизменяемые формы имен прилагательных в системе частных и общих парадигм.

Имя прилагательное в тюркском и кыргызском языкознании

Обзорно-теоретическое рассмотрение соответствующей научной литературы, в которой рассматривалась проблема имён прилагательных, показывает, что в этой сфере грамматики в тюркских языках, в том числе в кыргызском, можно выделить три круга вопросов:

1) Выделение имён прилагательных в качестве самостоятельной знаменательной части речи, что связано с адекватным применением существующих лингвистических критериев (семантического, морфологического и синтаксического);

2) Грамматический состав и строение имён прилагательных, что связано с функциональной ориентированностью тюркских морфем при образовании и функционировании класса прилагательных;

3) Синтаксическо-дистрибутивное употребление и функционирование тюркских прилагательных, занимающих строго определенные дистрибутивно-валентностные позиции в структуре словосочетания.

Попытаемся в данном разделе работы поэтапно осветить вопросы и проблемы, поскольку последующий круг вопросов вытекает и базируется на предыдущем.

1) Выделение имён прилагательных в качестве самостоятельной части речи в тюркологии осложняется не отсутствием соответствующих критериев и принципов идентификации разрядов, групп, классов слов по сходным семантическим, морфологическим и синтаксическим признакам, а отсутствием единой точки зрения на грамматико-семантическую структуру данного класса слов.

Для иллюстрации высказанной выше мысли приведем определение имени прилагательного из тюркского башкирского языка: «Имя прилагательное обозначает статический признак предмета, его качество, свойство, присущие или приписываемые ему, и противопоставляется, с одной стороны, наречию, выражающему динамический и статический признак действия, с другой стороны – существительному, как обозначению самого предмета» [Грамматика современного башкирского языка, 1981: 168].

Дело в том, что в тюркских языках выделение имени прилагательного сопряжено с большими трудностями. Даже, несмотря на попытки противопоставления прилагательного наречию и существительному, оно зачастую формально-грамматически уподобляется им, как, например, в башкирском языке.

Чисто морфологические критерии при выделении имён прилагательных в особый самостоятельный класс слов никак не срабатывают, поскольку они большей частью выступают без каких-либо морфологических показателей. Например, в том же самом башкирском языке: «В морфологическом отношении имя прилагательное чаще всего выступает, как и в других тюркских языках, в словарной (нулевой) форме – *ауыр* ‘тяжелый’, *бейек* ‘высокий’, *етез*

‘*быстрый*’» [Грамматика современного башкирского языка, 1981: 168-169].

Аналогичное наблюдается в узбекском языке: «Имена прилагательные не имеют системы формообразования» [Ходжиев, 1997: 431]. Такое же наблюдается и в туркменском языке: «Имена прилагательные являются грамматически неизменяемыми» [Чарыяров, Назаров, 1997: 420].

В силу морфологической неизменяемости в синхронии и в статике является сложным идентифицировать имя прилагательное в тюркских языках и непосредственным образом отличить его как от наречий, с одной стороны, так и от существительных, с другой, не только с позиций морфологии, но также и с позиций семантики. Например, в башкирском словосочетании «*Көн йылы*» может восприниматься без конкретизации ситуации двояко: «*день теплый*» и «*теплота дня*» [Грамматика современного башкирского языка, 1981: 169].

Применение синтаксического критерия, казалось бы, должно снимать все вопросы частичечной идентификации прилагательных. Однако в ряде случаев не помогает и синтаксический критерий. Всё дело в том, что в тюркских языках существует так называемый изафет или изафетная конструкция: «Изафет – это такая определительная группа, в которой определяемое, выраженное всегда именем существительным, определяется с точки зрения или принадлежности другому предмету, или различных форм отношения к нему» [Серебренников, Гаджиева, 1986:261].

Основная суть понимания тюркского, в том числе и кыргызского, изафета состоит в том, что вначале как бы изафетные отношения возникают между двумя именами существительными, один из которых является определяемым, а другой определением, а всё словосочетание приобретает характер определительного словосочетания. Синтаксические позиции между определяемым существительным и существительным в роли определения распределяются так: на первой позиции стоит определение, на второй определяемое. И при этом «первый член изафетной конструкции фактически по своему значению превратился в прилагательное» [Серебренников, Гаджиева, 1986:261].

В тюркских языках, в том числе и в кыргызском, имеются три типа изафетных конструкций: 1) и у определения, и у определяемого полностью отсутствуют морфологические показатели: *темир жол* – *железная дорога*; 2) у второго главного члена словосочетания – у

определяемого наличествует морфологический показатель аффикс принадлежности: *кыргыз маданияты – кыргызская культура*; и 3) и у определения, и у определяемого имеются морфологические показатели – у определения аффикс родительного падежа, а у определяемого – аффикс принадлежности: *үйдүн бийиктиги – высота дома*. И во всех данных типах определения являются, с одной стороны, существительными и проявляют лексическое значение существительного, а с другой стороны, они входят в разряд прилагательных и исполняют синтактико-семантические функции прилагательных [см.: Сапарбаев, 1997: 130-131; Ибрагимов, 2002: 15-16]. И такое смещение семантики существительного и прилагательного в синтаксической структуре словосочетания не может способствовать четкостью в идентификации разряда тюркского, в том числе кыргызского.

2) Грамматическое строение тюркских прилагательных, в том числе кыргызских, и понимание морфолого-аффиксного состава данных прилагательных осложнено наличием в системе тюркской морфологии словообразовательных и словоизменяемых аффиксов. С одной стороны, мы уже упоминали факт морфологической неизменяемости ряда тюркских и кыргызских прилагательных. «Признак изменяемости / неизменяемости не одинаково «работает» в разных языках и не присущ той или иной части речи как таковой» [Атакулова М., 2010: 55]. С другой стороны, кыргызские прилагательные обладают лексико-семантическими группами, даже специальными аффиксами, которые указывают прилагательное как часть речи.

Например, более 80% башкирских прилагательных образуются посредством деривативной аффиксации [Грамматика современного башкирского языка, 1981: 171]. Так, авторы академической грамматики современного башкирского языка насчитывают в аффиксной системе башкирских прилагательных 19 продуктивных аффиксов, каждый с фонетическими 2-3 вариантами, 54 малопродуктивных аффикса с вариантами, 32 непродуктивных аффикса с вариантами, 17 сложных аффиксов с вариантами и даже 20 заимствованных аффиксов также с фонетическими вариантами» [Грамматика современного башкирского языка, 1981: 171-187].

Аналогичное наблюдается и в современном кыргызском языке, где «морфологический способ (аффиксация) является ведущим способом словообразования в классе имён прилагательных» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 161].

Тюркские аффиксы, образующие морфологическую систему, некоторым образом отличаются от аффиксов германских, в том числе и от немецких. Если германский аффикс может совмещать в себе много значений, как грамматических, так и лексико-семантических, то тюркский аффикс всегда имеет только одно значение. Например, в германском английском слове *teacher*, в германском немецком *Lehrer*, и даже в русском славянском «*учитель*», аффиксы английский и немецкий – *er*, а также русский – *тель*, соединяют в себе синтетически грамматические значения (1. показатель имени существительного, 2. показатель единственного числа, 3. показатель именительного (общего в английском) падежа, и 4. показатель рода – мужского), чисто семантические значения (1. субстанциональность, 2. одушевлённый), а также и лексико-семантические значения (1. действующее лицо, 2. профессия, 3. связанная с системой обучения); т.е. один и тот же самый аффикс проявляет много самых разнонаправленных значений [см.: Арутюнова. 1968; 63 - 64; Ярцева, 1968; 31- 32; Абрамов, 2001:47].

В кыргызском языке каждый аффикс, независимо от словообразования или словоизменения имеет только одно грамматическое или семантическое значение. «Все аффиксы, как правило, однозначны по своему значению, но однозначность аффиксов включает два аспекта значения – лексический и грамматический» [Баскаков, 1979: 108; ср.: Закиев, 1997: 363].

Однако во многих группах прилагательных, как в кыргызском языке, так и в других тюркских языках, как уже отмечалось, наблюдается отсутствие каких-либо аффиксов, как словообразовательных, так и словоизменительных. Тогда в системе прилагательных на передний план выступает другое членение: прилагательные непроизводные – прилагательные производные. К непроизводным относят такие прилагательные, которые с точки зрения современного состояния кыргызского языка представляют собой одновременно и морфему, и корень, и основу, т.е. с синхронных позиций сегодняшнего дня их производность никак невозможно установить, например: *бат* – *быстрый*, *оор* – *тяжелый*, *жаман* – *плохой*, *жаакшы* – *хороший* и др.

К производным прилагательным в кыргызском и в других тюркских языках отнесены такие, в которых прослеживается их производство на основе присоединения как словообразовательных, так зачастую и словоизменительных аффиксов, например: *акылдуу* – *умный*, *таштуу* – *каменистый*, *жылдык* – *годовой*, *сөзмөр* – *красноречивый* и др. [Абдувалиев, 2008: 105-106; ср.: Кононов, 1997: 252].

Все вышеперечисленные вопросы грамматико – морфологического строения тюркских и кыргызских имён прилагательных до сегодняшнего дня не нашли в тюркологии и в кыргызоведении, как будет показано ниже в данной работе, окончательного и единообразного решения. И потому думается, что сопоставительное их изучение, посредством сравнения с германскими и немецкими прилагательными, предоставит хорошую возможность для адекватного освещения их в том или ином ракурсе.

3) Неадекватная возможность применить при идентификации имён прилагательных в тюркских языках грамматического морфологического критерия, понятийного семантического критерия побудила тюркологов- грамматистов больше внимания уделять грамматическо - синтаксическому критерию идентификации частей речи, в том числе имен прилагательных. Но, как мы показали выше, в ряде случаев не срабатывает при идентификации тюркских имён прилагательных и грамматический синтаксический критерий, что связано с явлением изафета, при котором сочетаются два имени.

Напомним, что «в тюркологии термин «изафет» обозначает именные определительные сочетания, оба члена, которые выражены существительными...» [Эдельман, Поцелуевский, 1990: 172]. Таким образом, не до конца ясно, какую часть речи мы имеем в изафетной конструкции: имя существительное или же имя прилагательное. Это обусловлено тем, что, хотя изафету уделялось немало внимания в тюркологических исследованиях, «...однако нельзя признать, что природа тюркского изафета достаточна раскрыта. Особенности этого типа синтаксических отношений кроются не только в его своеобразной природе, восходящей за рамки всех атрибутивных отношений, но и в его нестандартном проявлении в отдельных тюркских языках» [Серебренников, Гаджиева, 1986: 260 – 261; ср.; Гапырова, 2010: 11-12].

Даже комплексное применение трёх лингвистических критериев идентификации частей речи: семантического, морфологического и синтаксического – не дает надлежащей достоверности в выделении в тюркском, в том числе в кыргызоведении, класса имён существительных как разряда признаково-атрибутивных слов [см.; Сартбаев, 1981: 45-46; Дербишева, 2000: 64-65]. Касательно этого вопроса следует отметить, что в кыргызском языкознании предложено, а также конкретно проведено частеречное разбиение всего словарного состава с применением не только трех означенных выше критериев: семантического, морфологического и синтаксического, но также и с добавлением добавочных критериев: морфологических и

фонетических. «Отсюда, под частями речи понимаются структурно-семантические классы слов, отличающиеся друг от друга набором семантических, морфологических, синтаксических, а иногда морфонологических и фонетических признаков» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 106].

Но всё же, самым адекватным критерием идентификации тюркских прилагательных, которые по своему грамматическому строю, многим функциональным предрасположенностям, а также зачастую и по обобщенной семантике, является синтактико-дистрибутивный, т.е. помещение идентифицируемой лексемы в конкретную речевую ситуацию и употребление её в составе или минимального контекста, или развёрнутого распространённого предложения. Именно минимальный контекст или развёрнутые распространённые предложения приводятся при отнесении киргизских прилагательных как самостоятельного частеречного разряда слов в киргизских академических грамматиках, изданных на киргизском и русском языках [см.: Кыргыз адабий тилинин грамматикасы, 1980: 222 – 235; Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 156-169].

Например, киргизское прилагательное «шар» - «*быстрый*» и киргизское же наречие «бат» - *быстро* являются непроизводными, корневыми, одноморфемными лексемами, и даже могут ввиду близости семантики заменять друг друга. Но в конкретной речевой ситуации выявляется, что первое является именем прилагательным, а второе – наречием, поскольку в минимальном контексте «...‘шар’ выступает только в роли определения к имени существительному, а ‘бат’ – только в роли определителя к характеру действия: Шар сөз жакшы болот – *Решительное слово хорошо; Айшакан бат келди – Айшакан быстро пришла*» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987; 158-159].

В связи с синтактико–дистрибутивной идентификации киргизских прилагательных становится актуальным понятие валентности имени прилагательного. К примеру, данный вопрос уже обозначился в киргизском языкознании в 80-е годы прошлого столетия, поскольку имя прилагательное в синтаксической позиции определения «...обычно находится перед определяемым словом и с определяемым словом не согласуется» [Чонбашев, 1980: 116]. И в то же самое время киргизские прилагательные, также как и киргизские числительные, местоимения, причастия, существительные, регулярно сочетаются с существительными, образуя с ними типизированные словосочетаниями.

Как показывают современные исследования в этой области, дистрибутивная валентность кыргызских прилагательных в качестве ядерного слова предусматривает их сочетание в структуре словосочетания с существительными, глаголами и наречиями. И то немаловажно, даже выступая в качестве ядерного слова в структуре словосочетания, кыргызское прилагательное не является синтаксически самостоятельным. «Исследование сочетательных способностей прилагательных должно проводиться на уровне словосочетания, что диктуется его синтаксической несамостоятельностью» [Найманова, 2004: 69].

Таким образом, обзорно-теоретическое рассмотрение научной литературы, в которой в той или иной связи затрагивается проблема сущности, структуры и употребления кыргызских имён прилагательных, выявило, что в этой области лингвистической науки имеется ещё много не только не разрешённых практико-лингвистических вопросов, но и вопросов теоретико-лингвистического характера. Во-первых, ещё нет единообразного мнения в очерчивании круга кыргызских прилагательных в качестве частеречного разряда, что связано с аморфной семантикой данных прилагательных. Во-вторых, грамматическое строение кыргызских имён прилагательных требует всестороннего изучения и конкретизации ввиду производного и непроизводного типов грамматической структуры данных прилагательных. И, в-третьих, адекватную идентификацию класс имён прилагательных может получить только в дистрибутивно - валентностном его освещении, когда будет приниматься во внимание минимальный контекст или хотя бы простое распространённое развёрнутое предложение.

О сопоставительных грамматических исследованиях в кыргызско-германском языкознании

В сопоставительном кыргызско-германском языкознании, а именно, кыргызско-немецком и кыргызско-английском языкознании, уже изучались грамматические вопросы сопоставления различных частеречных разрядов, классов и группировок слов. При этом распределение слов по частям речи – знаменительным и служебным – принималось в той классификации и интерпретации, как это было предложено в исходном языке сопоставления. Из 15 подвергнутых обзорно-теоретическому анализу сопоставительных работ, в которых бы в той или иной связи затрагивались бы вопросы сравнения

частеречных классов слов, только в одной исходным языком сравнения являлся тюркский кыргызский язык, в остальных же исходным языком сравнения являлись германские немецкий или же английский языки. Такой работой, в которой в качестве исходного языка сравнения избран кыргызский язык, является сопоставительное исследование Рыскуловой Ч.Ж., посвященное выявлению английских функциональных соответствий для грамматического класса кыргызских послелогов [Рыскулова, 2008].

Таким образом, в подавляющей части проанализированных нами сопоставительных работ, проведенных на материале германских немецкого и английского и тюркского кыргызского языков, в качестве исходных избраны не только данные германские языки, но и наличествующие в них частеречные классификации и подразделения слов. В этой связи следует заметить, что в германском языкознании нет единого мнения разбиении слов по частям речи. Так, к примеру, в германском немецком языкознании ученые выделяют от 4-х и до 14-ти самостоятельных частей речи. «Die Zahl der Wortklassen, die von den einzeln Linguisten aufgegliedert werden, schwankt für das Deutsche zwischen 4 und 14. Am häufigsten werden 9-10 Wortklassen erwähnt» [Абрамов, 2001:26]

Такое аналогичное деление наблюдается в английском языкознании, так как амплитуда разброса составляют от двух до четырнадцати частеречных классов [см: Кубряков, 1972:180]

Но как бы то ни было, т.е. какое члененное слово на части речи не предпринималось бы, основным фактором разбиения словарного состава языка является распределение его на два больших частеречных класса – на слова знаменательные, полнозначные и слова незначительные, служебные, т.е. вся частеречная классификация сводится выделению частей речи знаменательных и частей речи служебных. При этом во всех германских языках знаменательные части речи имеют свою основную классификацию. «Основное деление в системе частей речи английского языка - это деление их на два больших класса или даже, если можно так сказать, «сверхкласса» слов - имя и глагол» [Смирницкий, 1959:105].

И потому, видимо, не случайно в сопоставительном кыргызско-немецком языкознании представлены в наибольшем количестве работы – 6 работ, в которых исходной частью речи сопоставления являлись бы английский и немецкий глаголы, а сопоставляемыми явлениями выступали бы функционально соотнесённые кыргызские глаголы

[Атакеева, 2007; Чокубаева, 2007; Мамбетова, 2008; Шекеева, 2009; Мукарапова, 2010; Курганова, 2011;]

В виду аналитичности языкового типа английского языка, в котором большинство глаголов выражены морфемно - корневыми основами, данные глаголы показывают многозначность (мультипликативность) своего значения. Основная тенденция такой мультипликативности, что в разных речевых ситуациях реализуются разные оттенки значения или даже разные значения одного и того же английского глагола. И потому, для сопоставительного изучения исходных английских и сравниваемых кыргызских глаголов лексико-семантический анализ семантики и структуры глагольных форм представляется наиболее привлекательным.

Так, анализируя в сопоставительном плане глаголы движения в исходном английском языке и в сравниваемом кыргызском, исследователь Чокубаева А. К. выявляет, что для английского языка основы выражения глагольного движения составляют только два основных глагола *to go* и *to come*, в то время как «в кыргызском языке базовыми глаголами, имеющими значение «движение в пространстве», являются более 20 односложных глагольных корней, выражающие разнообразные аспекты движения в пространстве» [Чокубаева, 2007:17].

Исследователь Шекеева Ч.А изучает в сопоставительном плане многозначный английский полнозначно-служебный глагол *to get*, который в различных речевых ситуациях может реализовывать до 20 лексических, фразеологических и служебно-грамматических значений, и выявляет их кыргызские функциональные соответствия в зависимости от смысла ситуации. Так же выявляется, что «полисемичный глагол *to get* и его соответствия в кыргызском языке обладают широкой сочетаемостью с существительным, как в денотативном, так и в конотативном статусе» [Шекеева, 2009:19].

Исследователь Мукарапова А. К. изучает в сопоставительном плане собственно мультипликативные английские и кыргызские глаголы, под которыми она понимает не только глаголы с множественными лексическими значениями, но также и глаголы со значением множественности действия. Множественность глагольного действия в обоих языках - английском и кыргызском - выражается самыми различными способами: повторением действия через некоторое время, продолжительностью действия в ограниченный период времени, новым начинанием ранее приостановленного действия и другими способами. Выявляется, что «в английском языке значение

множественности в глаголе имеется у нескольких видов глагола... значение мультипликативности в кыргызском языке возникает на всех уровнях на лексическом, на морфологическом и синтаксическом» [Мукарапова, 2010:20].

Исследователь Курганова Н.В. изучает в сопоставительном плане семантику инхоативности (начальности) глагольного действия в исходном английском и сравниваемом кыргызском языках. Инхоативность реализуется в сопоставляемых языках тройным способом: 1) как первоначальное единое действие, 2) как первоначальное повторяющееся действие и 3) как начальный этап раннее приостановленного действия. Автор выявляет, что семантическое ядро инхоативности представлено в английском языке «... глаголами, принадлежащими к категории фазового аспекта и аналитическими конструкциями с данными глаголами. Ядерная зона исследованного ФСП кыргызского языка, в силу своей полицентрической структуры, обладает большим разнообразием средств выражения инхоативных значений» [Курганова, 2011:20].

В немецком языке, который характеризуется с точки зрения грамматической типологии как язык флективного морфологического строя, глаголы имеют большой удельный вес собственно грамматических средств: флексий, суффиксов, префиксов, окончаний, соединительных элементов, которые регламентируют их семантическое применение в кыргызских исследованиях, значения глаголов анализируются только на основе соотнесения их грамматических форм.

Так, исследователь Атакеева А. А. при сопоставительном изучении глаголов лексико-семантической группы чувства «любить» немецкого и кыргызского языков вначале сравнивает их формально-грамматические стороны, и только затем, на основании выявленных грамматических моделей словообразования, переходит к изучению их семантик: денотативной и коннотативной. Выявляется, что данная лексико-семантическая группа глаголов чувства «любить» детерминирован своей основе внеязыковыми психолингвистическими факторами: «сходства между группами немецких и кыргызских слов наблюдается там, где на первый план выдвигается семантика; если же в основе рассматриваемого уровня лежит семантический принцип, здесь выявляется наибольшее количество различий» [Атакеева, 2007:19].

Мамбетова З.К. изучает временные формы исходных немецких глаголов в сопоставительном плане с кыргызским. Автор показывает, что различие этих языков в типолого-морфологическом строе: немецкий язык является флективным, а кыргызский агглютинативным.

Оба языка обладают глагольно-временными грамматическими системами. В кыргызском языке глагольно-временные грамматические формы преобладают в количественном отношении – девять кыргызских против шести немецких. Выявляется, что в обоих изучаемых языках «грамматическая категория времени глагола занимает самое важное место в системе его грамматических категорий, поскольку именно через спряжение глагола в определенном времени проявляется и все другие его признаки: число, лицо, наклонение и залог» [Мамбетова, 2008:15]

В сопоставительном кыргызско-германском языкознании имеются ещё две работы, в которых сопоставлены знаменательные части речи. Так, исследователь Калыгулова С. Ш. исследовала в сопоставительном плане английские и кыргызские наречия. Отнеся к наречиям в сравниваемых языках лексико-грамматический класс неизменяемых слов, выражающих признаки действий, состояний, признаки других признаков, и выступающих в семантической функции различного рода обстоятельств, определения, иногда сказуемого, автор распределила их по 7 группам: 1. наречия характеризующие, 2. наречия градуирующие, 3. наречия пространственные, 4. наречия темпоральные, 5. наречия аспектуальные, 6. наречие таксиса и 7. наречия причинно-следственные. Важным представляется умозаключение исследователя, «...что основным и общим критерием выделения наречий в двух генетически неродственных и структурно разносистемных английском и кыргызском языках может быть только семантический, проявляющийся через общекатегориальное значение адвербиальных языковых единиц» [Калыгулова, 2001:17].

Исследователь же Шамурзаев А.Ж. сопоставляет ещё одну знаменательную часть речи в английском и кыргызском языках - местоимение. Понимая под местоимениями синсемантические слова, значение которых всегда раскрывается на основании чего-либо внешнего по отношению к самим местоимениям: либо благодаря опоре на ситуацию, либо благодаря тезаурусу знаний коммуникантов или реципиента текста, либо благодаря отсылке к самому тексту, - автор отличает их усложненный характер в обоих языках. Усложненность их структуры обеспечивается их соотносением с тремя лицами, действующими в тексте: «я», «ты» и «он», с одной стороны; с другой же стороны, они имеют и иную парадигматику: личные, притяжательные, указательные и др. Важным представляется теоретическая предпосылка, изложенная в начале работы: «Рассмотрение различных точек зрения по проблемам частей речи позволяет нам сделать вывод, что части речи невозможно классифицировать отдельно в

морфологическом, семантическом и синтаксическом критериях» [Шамурзаев, 2000:3].

Что же касается служебных частей речи, то здесь приоритет принадлежит индоевропейскому германскому предлогу, который не имеет прямых предложных аналогов в тюркском кыргызском языке. Три сопоставительные работы посвящены этой проблеме в кыргызском языкознании; две из них относятся к собственно кыргызскому и германскому языкознанию, поскольку в одной кыргызские языковые средства анализируются в сопоставлении с немецкими, а в другой они анализируются в сопоставлении с английскими. Третья работа относится, строго говоря, к кыргызско-романскому языкознанию, поскольку в ней сравниваются языковые средства кыргызского и французского языков.

Исследователь Джолдошбеков А. изучает немецкие предлоги и выявляет их функциональные соответствия в кыргызском языке [Джолдошбеков, 1969], исследователь Ысакулов К. анализирует английские пространственные предлоги и выявляет их функциональные соответствия в кыргызском языке [Ысакулов, 1995]. Эти две сопоставительные работы относятся к кыргызско-германскому языкознанию.

Что же касается сопоставительного исследования Сагынбаева К., в которой изучаются французские предлоги со значением пространства и выявляются их функциональные соответствия в кыргызском языке, то оно относится уже к кыргызско-романскому языкознанию; но мы привлекли её в нашем кыргызско-германском исследовании в связи с совпадением изучаемой проблематики сопоставления частеречных классов [Сагынбаев, 1989].

В связи с отсутствием в кыргызском языке категории предлогов, присущих индоевропейским немецкому, английскому и французскому языкам, данная предложная категория, однако, передаётся в нём самыми разнообразными языковыми средствами. В кыргызском языке таких языковых средств насчитано четыре. Во-первых, «близким по значению к предлогам в кыргызском языке являются послелого. В типологическом плане общим между немецкими предлогами и кыргызскими послелогам является то, что они выражают синтаксические отношения, управляют падежными формами имён, управляются глаголами, являются служебными элементами и, наконец, участвуют в оформлении членов предложения» [Джолдошбеков, 1969:20-21; см. также: Ысакулов, 1995:14; Сагынбаев, 1989: 22].

Во-вторых, индоевропейским предлогам соответствуют кыргызские служебные имена. К примеру, основным функциональным соответствием английских пространственных предлогов в кыргызском языке являются не послелого, а служебные имена, а именно 14 служебных имён «арка, каршы, тегерек, асты» и др., которые, принимая аффиксы трёх пространственных падежей, выступают в 39 проявлениях» [Ысакулов, 1995:14-15; ср.: Джолдошбеков, 1969:21; Сагынбаев, 1989:22].

В-третьих, индоевропейские предлоги имеют в кыргызском языке соответствия в виде аффиксов падежных окончаний, которые функционально соответствуют предлогам самостоятельно, т.е. в морфологическом составе одного слова, а так же несамостоятельно в сочетании с послелогам и присоединяясь также к служебным именам [см.: Сагынбаев, 1989:22; ср. Джолдошбеков, 1969:21; Ысакулов, 1995:15].

И в-четвертых, «значение некоторых предлогов можно передать на киргизский язык при помощи словообразовательных средств. Хотя словообразовательные аффиксы в кыргызском языке служат для образования новых слов, эти аффиксы, с другой стороны, выражают отношения прибавляемого слова и к другим знаменательным словам. Так, аффикс *-сыз* выражает отношение лишения, а аффикс *-лык* служит для выражения определительных отношений и отношений ограничения» [Джолдошбеков, 1969:22].

Перекликается с вышеназванными тремя сопоставительными работами Джолдошбекова А., Ысакулова К. и Сагынбаева К. сопоставительное исследование Рыскуловой Ч. Ш. Если первые три исследователи изучают категорию индоевропейского предлога и выявляют их функциональные соответствия в кыргызском языке, то вторая, Рыскулова Ч. Ш., напротив, начинает свое изучение с исходного кыргызского послелога, который является по большому счёту главным функциональным соответствием индоевропейского предлога. В результате сопоставительного анализа 42 кыргызских послелогов были «... выявлены их английские эквиваленты. Это: а) прежде всего, предлоги английского языка, полностью соответствующие кыргызским послелогам (*жөнүндө-about*): б) английские предлоги, имеющие семантическую неоднозначность по отношению к кыргызским послелогам (*чейин-to, before, until; кийин-in, after*); наречие (*сыяктуу-like, менен-as, сайын-every*): предложные и др. сочетание имён (*чейин-as far as, жараша-according to*) [Рыскулова, 2008:16].

В связи с избранием кыргызского языка в качестве исходного представляет также интерес сопоставительное исследование Айдыралиевой Г. М., которая изучает кыргызские служебные имена и выявляет их функциональные соответствия в кыргызском языке. Напомним, что кыргызские служебные имена являются вторыми по значимости функционально-соотнесёнными единицами, эквивалентными индоевропейскими предлогами, а для групп индоевропейских предлогов со значением пространства даже первыми [ср.: Ысакулов, 1995:14].

Исследователь Айдыралиева Г. М. выявляет, что в английском языке имеется широкий круг языковых средств, соответствующих кыргызским служебным именам: «В английском языке это могут быть имена существительные, имена прилагательные и наречия, а также различные герундиально-причастные конструкции; главное условие для них – это наличие у них пространственного (локального, локативного, местного) значения, поскольку исходные кыргызские служебные имена проявляют в основном пространственную семантику. С точки зрения кыргызско-английского языкознания, можно выделить в качестве основного функционального соответствия для кыргызских пространственных служебных имён в английском языке предлоги с пространственными значениями: *below, before, near, outside, around* и др.» [Айдыралиева, 2001:20].

В сопоставительном кыргызско-английском языкознании имеется ещё одно интересное и теоретически значимое сопоставительное исследование – это работа исследователя Маккамбай У., в которой изучается грамматическая категория английского артикля и выявляются его функциональные эквиваленты в кыргызском языке. Здесь всё дело состоит в том, что в самом исходном английском языке грамматическая категория артикля трактуется неоднозначно. Одни учёные считают артикль всего-навсего грамматическим показателем при существительном, который выражает субстантивность, падеж и число существительного; другие же учёные выделяют английский артикль в качестве самостоятельной служебной части речи. [см.: Маккамбай, 2011:6-7]. Но в любом случае представители обеих точек зрения единодушны в том, что артикль в английском языке выражает грамматическую категорию определённости – неопределённости: определённый артикль *one* употребляется при первом и неактуализированном упоминании о предмете речи, определённый же артикль *the* – при повторном, или же актуализированном обозначении предмета речи.

В кыргызском языке не имеется грамматической категории артикля, присущего английскому языку, поскольку «лексико-грамматическая (или грамматическая) категория определённости – неопределённости выражается в кыргызском языке другими лексико-грамматическими средствами...» [Маккамбай, 2011:18]. Это может быть форма количественного числительного «бир» как соответствие английского неопределённого артикля *one*, или это может быть форма указательных местоимений «ал, ошол, бу, бул» как соответствие английского определённого артикля *the*. В кыргызском языке грамматическая категория определённости - неопределённости трансформируется в категорию установленности - неустановленности предмета речи, обозначённого существительным: «...такими лексико-грамматическими средствами, выражающими в кыргызском языке определённость (установленность) и неопределённость (неустановленность) предмета речи и потому функционально соотносящихся с категорией английского артикля, являются: для определённого английского артикля «**the**» полные формы родительного и винительного падежа, аффиксы принадлежности и указательные местоимения, для неопределённого артикля «**a (an)**»- большей частью лексема со значением числительного «бир» (один)» [Маккамбай, 2011:17].

Но наиболее близко к теме нашего сопоставительного исследования стоит работа Наймановой Ч. К., которая сравнивает прилагательные английского и кыргызского языков. Думается, что общими моментами, которые являются релевантными для обоих языков: германского аналитического английского и тюркского агглютинативного кыргызского - являются два: 1) возможность применить для выделения данной знаменательной части речи в обоих языках в конкретном порядке три разнонаправленных критерия: семантический, морфологический и синтаксический; и 2. грамматическая форма прилагательных, когда «прилагательные английского и кыргызского языков не изменяются ни по родам, ни по числам, ни по падежам и не согласуются с существительными, к которым относятся» [Найманова, 1995:9]. Главное отличие нашей работы от работы Наймановой Ч. К. состоит не столько в избрании в качестве исходного языка английского при сопоставлении его с кыргызским, а сколько в различии грамматических форм английского прилагательного от немецкого. Немецкое прилагательное изменяется по числам, родам и падежам при согласовании его с соотнесённым существительным. И такое отличие грамматических форм немецкого

прилагательного обуславливает другую методологию и, соответственно, методику его анализа при сравнении его с прилагательным кыргызского языка.

Теоретико-обзорный анализ сопоставительных грамматических исследований в кыргызско-германском языкознании, касающихся проблем частеречного сопоставления материала, показал, что здесь можно выделить три момента:

1. Большинство работ в этой области посвящено сопоставлению английского и кыргызского языков - 12 исследований [Найманова; 2004; Ысакулов, 1995; Шамурзев, 2000; Калыгулова, 2001; Атакеева, 2007; Чокубаева, 2010; Рыскулова, 2008; Шекеева, 2009; Мукарапова, 2010; Айдаралиева, 2011; Курганова, 2011; Маккамбай, 2011]; всего две работы – сопоставлению немецкого и кыргызского языков [Джолдошбеков, 1969; Мамбетова, 2008]; к данным работам мы причислили также еще одну работу из кыргызского - романского языкознания, в которой сходная проблематика изучается на материале сопоставления французского и кыргызского языков [Сагынбаев, 1989].

2. В области знаменательных частей речи приоритет отдаётся сопоставлению глаголов как полнозначной части речи, проявляющей активные синтаксические признаки – 6 работ [Атакеева, 2007; Чокубаева, 2007; Мамбетова, 2008; Шекеева, 2009; Мукарапова, 2010; Курганова, 2011]. В области служебных частей речи наиболее изученным представляется в сопоставительном плане категория предлога - 3 работы [Джолдошбеков, 1969; Сагынбаев, 1989; Ысакулов, 1995].

3. В сопоставительном кыргызско-германском языкознании имеется всего одно исследование Наймановой Ч. К., в котором сравниваются грамматические категории английского и кыргызского языков. Основное отличие нашей работы от анализируемого исследования Наймановой Ч.К. кроется в предмете изучения: английское прилагательное, так же как и кыргызское, не изменяется по числам, родам и падежам, в то время как немецкое прилагательное претерпевает изменения в своей грамматической форме при согласовании с соотнесённым существительным.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ НЕМЕЦКИХ И КЫРГЫЗСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Значение имён прилагательных в немецком и кыргызском языках

Парадигматический подход к таким языковым проявлениям прилагательных, в нашем случае немецкого и кыргызского языков, как их значение, их образование, их степени сравнения и их склонение, представляется вполне оправданным по нижеследующим причинам. Во-первых, парадигматика, представляя собой в современном языкознании, ассоциативный план языка, предполагает «рассмотрение единиц языка как элементов его системы, как совокупности структурных единиц, объединённых в памяти и связанных отношением противопоставления...» [Ахманова, 1966: 310], то есть выдвигает в центр внимания план содержания языка, а в вышеназванных языковых проявлениях немецких и кыргызских прилагательных превалирует именно план содержания языка. Во-вторых, парадигматика соединяет в сознании пользующихся языком языковые единицы, несмотря на невозможность их реального объединения в акте речи, не только в границах системы и структуры одного языка, но и в пределах двух контактирующих и взаимодействующих языков.

«Для подтверждения этого достаточно немногих примеров. Французское слово *mouton* «баран», «баранина» может совпадать по значению с английским словом *sheep* «баран», не имея с ним одинаковой значимости, и это по многим основаниям, в частности потому, что говоря о приготовленном и поданном на стол куске мяса, англичанин скажет *mutton*, а не *sheep*. Различие в значимости между англ. *sheep* и франц. *mouton* связано с тем, что в английском наряду с *sheep* есть другое слово, чего нет во французском» [Соссюр, 1977: 31-271].

Парадигматика выявлялась и определялась в истории языкознания в самом истоке своего зарождения, в начале XX в. в знаменитом труде Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики», как понятийная связь слов по ассоциации, а именно по ассоциации по смыслу (в отличие от синтагматики, трактуемой как: ассоциация по смежности): «Образуемые в нашем сознании ассоциативные группы не ограничиваются сближением членов отношения, имеющих нечто общее, - ум схватывает, характер связывающих их в каждом случае отношений и тем самым создаёт столько ассоциативных рядов, сколько

есть различных отношений... налицо, таким образом, либо общность, как по смыслу, так и по форме, либо только по смыслу. Любое слово всегда может вызвать в памяти всё, что способно тем или иным способом с ним ассоциироваться» [Соссюр, 1977: 158].

Таким образом, значение прилагательных, как немецких, так и кыргызских, требует только ассоциативного, т.е. только парадигматического, подхода.

Мы уже определяли часть речи прилагательного как группировку слов, обозначающих качества или свойства предметов. И это определение действенно как для немецкого языка, так и для кыргызского.

В немецком языке имя прилагательное определяется как самостоятельная часть речи, обозначающая качества или свойства предметов [см.: Бергман, Наталзон.1957: 87; Jung, 1971: 302; Schendels, 1979: 189].

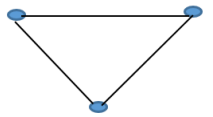

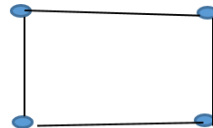
В кыргызском языке имя прилагательное также определяется как самостоятельная часть речи, объединяющие слова, обозначающие относительно постоянные, статичные признаки и качества предмета или таковые, предполагаемые у него [см.: Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 156; Биялиев, 2002:217].

Для точного выявления общих и различающихся фактов в структуре значения немецких и кыргызских прилагательных необходимо соотнести имеющиеся у них в данных языках грамматические категории.

В парадигматическом аспекте немецкие имена прилагательные изменяются по родам, падежам и числам, а также и по степеням сравнения. В синтагматическом же аспекте немецкие имена прилагательные употребляются в составе предложения как определение или же именная часть сказуемого. Но поскольку нас интересует в данном разделе и в данной главе нашей работы только парадигматическая сторона прилагательных, постольку мы суммируем только парадигматические признаки немецкого прилагательного в нижеследующей таблице:

Таблица №2

Категории	Языки		
	Др.-герм.	немецкий	кыргызский
Степени сравнения	●—————●—————●	+	+
Определенность/ неопределенность	●—————●	+	-

Род		+	-
Число		+	-
Падеж		+	-

В кыргызском же языке имена прилагательные являются неизменяемой частью речи и не изменяются ни по числам, ни по падежам. Что же касается грамматической категории рода, то таковая вообще отсутствует в кыргызском языке. В кыргызском языке у имени прилагательного наличествует только грамматическая категория степени сравнения.

Значение прилагательных в обоих сопоставляемых языках - немецком и кыргызском – было определено как выражение качества или свойства предмета. И в самом деле, это так, например:

1) *unsere **schöne** Hauptstadt ist das Zentrum des kulturellen Lebens in unserem Lande.*

В данном немецком примере 1) прилагательное немецкого языка *schöne* обозначает свойство предмета речи *Hauptstadt*; для такого обозначения избран признак предмета, воспринимаемый говорящим как таковой, т. е. данное обозначение является наименованием качества, присущего обозначаемому предмету.

2) *Кун **алтындай** нурун чачыратты.*

В данном примере также употреблено языковые качества или свойства предмета речи «*алтындай*», которое характеризует предмет обозначения «*нурун*».

Конечно, общим для имён прилагательных в обоих сопоставляемых языках, а также и в других языках, является, как отмечается в лингвистической литературе, семантика качества. «Семантической основой имени прилагательного является понятие качества» [Виноградов, 1947: 182].

И в самом деле, в обоих приведённых выше примерах, в немецком 1) и в кыргызском 2) прилагательные «*schöne*» и «*алтындай*» обозначают признаки предмета речи с качественной основой.

В связи с понятием качества, являющегося семантической основой имени прилагательного в немецком и кыргызском языках, следует отметить, что термин «качество» принимается в лингвистике при описании прилагательных ещё в одном ракурсе: при описании подразделения прилагательных на прилагательные качественные и прилагательные относительные.

В обоих языках, немецком и кыргызском, качественные прилагательные называют свойства предмета речи (собственно предмета или лица) непосредственно, без соотнесения с чем-либо, при этом данные свойства обозначаются как собственные свойства предметов, присущие им изначально; например, к таким свойствам могут относиться цветовые (*weißes Hemd – ак көйнөк*), пространственные (*hiesiger Einwohner – жергиликтүү тургун*), временные (*langer Tag – узун күн*), физические признаки (*tauber Junge – дүлөй жигит*) и др.

К относительным прилагательным в обоих языках относятся такие лексические единицы, которые обозначают свойства предмета речи непосредственно, через соотношение с чем-либо, при этом данные свойства не воспринимаются как собственные признаки обозначаемого предмета; например, это может быть опосредованный признак материала, из которого изготовлен предмет (*eiserner Kessel – темир казан*), признак времени (*die gestrige Versammlung – кечеге чогулуш*), признак места (*ein städtisches Leben – шаардык турмуш*) и др. [см.: Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 159; Абрамов, 2001: 251 - 252].

Как же следует различать качественные прилагательные от относительных в обоих сравниваемых языках? Кроме вышеупомянутой семантики, специфичной в немецком и кыргызском языках для имён прилагательных, они показывают и другие структурно-семантические признаки, которые отличают их друг от друга.

Во-первых, в обоих сравниваемых языках, немецком и кыргызском, только качественные прилагательные обладают степенью сравнения (*weiß – weißer – am weißesten; ак – агыраак – абдан ак*), в то время как относительные прилагательные степенями сравнения не обладают (например, *eiserner Kessel- темир казан* не могут быть употреблены ни с какой степенью сравнения).

Во-вторых, в каждом из языков имеются свои специальные способы ограничения качественных прилагательных от относительных.

«Краткая форма качественного прилагательного в немецком языке употребляется как предикатив (*Diese Frage ist wichtig*), как

постпозитивное определение (*Kirschen, rot und saftig, lagen im Korb*), как предикативное определение к субъекту (*Er liegt müde auf dem Sofa*) и в определённых случаях к объекту (*Ich finde diesen Vortrag vortrefflich*). Как архаизм встречается в качестве определения (*jung Siegfried*)» [Абрамов, 2001: 252].

В кыргызском же языке «в силу тех же причин многие качественные прилагательные присоединяют специальные аффиксы, указывающие на степень полноты качества, и путём редупликации образуют интенсив: *сары* 'жёлтый', *саргыч* 'желтоватый', *сапсары* 'жёлтый - жёлтый'.

Качественные прилагательные, особенно непроезводные, часто имеют омонимичные им наречия, что не наблюдается у прилагательных относительных» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 159].

Таким образом, семантическую структуру имён прилагательных в обоих языках, вне всякого сомнения, входят, если не в качестве ведущих содержательных компонентов, то хотя бы в качестве коннотативных семантических нюансов, смысловые элементы (семя) качества и относительности.

Однако вернёмся к грамматическим категориям рода, падежа, числа и степени сравнения немецкого прилагательного и грамматической категории степени сравнения кыргызского прилагательного, а именно к вопросу того, влияют ли данные грамматические категории на полноту значения этого класса частеречных слов в анализируемых языках.

Во-первых, сразу обособим отдельно грамматическую категорию степени сравнения, поскольку она в обоих языках нашего сопоставления (немецком и кыргызском) не присуща всему частеречному классу прилагательных, а присуща только качественным прилагательным.

Во-вторых, при таком обособлении грамматической категории степеней сравнения в обоих языках – немецком и кыргызском – в сопоставляемом кыргызском языке имя прилагательное остаётся полностью без никаких грамматических маркеров при его употреблении в составе предложения, например:

3) *Бардык жер ак кар менен капталып, эч качан эрибейт.*

Имя прилагательное «ак» (белый) не имеет никаких грамматических маркеров (показателей), которые указывали бы на род, падеж и число, как это наблюдается в немецком языке.

Таким образом, в кыргызском языке имя прилагательное укладывается в рамки традиционной дефиниции, имеющей место в тюркологии и гласящей, что оно является грамматически неизменяемым словом, обозначающим статическое качество или свойство [ср.: Закиев, 1997:365; Ходжиев, 1997: 431-432; Чарыяров, Назаров, 1997: 420].

В-третьих, мы показали выше, что по сравнению с кыргызским прилагательным аналогичная часть речи в немецком языке называет три грамматические категории: рода, падежа и числа. Немецкое прилагательное соответствует традиционному определению, данному ему в индоевропейском языкознании: «Часть речи, характеризующаяся категориальным значением признака, грамматическими категориями степеней сравнения, рода, падежа, числа (выражаемых в форме согласования), синтаксическим употреблением в функции определения (атрибутивная функция) и предикативного члена и развитой системой словообразовательных моделей» [Ахманова, 1966: 357; ср.: Бондерман, 1972:111]. В такой трактовке напрашивается имплицитный вопрос: влияют ли означенные выше грамматические категории рода, падежа и числа прилагательных на значение самого прилагательного в немецком языке?

Для ответа на данный имплицитно возникающий вопрос приведём некоторые немецкие примеры на употребление имён прилагательных:

4/ *Im Herbst ziehen die **meiste** Vögel in **wärmere** Länder;*

5/ *In **großen** Schwärmen fliegen sie nach dem **heißen** Süden;*

6/ ***Dichte** Nebel bedecken abends und morgens die **feuchte** Erde.*

В немецком примере 4/ прилагательные *meiste*, *wärmere*, и в немецком примере 5/ прилагательное *großen* не выражает категории рода, но выражает две другие грамматические категории: числа и падежа. В примере 4/: *die meisten Vögel* имеет место множественное число и именительный падеж (der Nominativ), и в этом же примере *in wärmere Länder* – также Nominativ и винительный падеж (der Akkusativ). В примере же 5/: *in großen Schwärmen* также имеет место множественное число и дательный падеж (der Dativ) у употреблённого прилагательного.

В примерах же 4/: *nach dem heißen Süden* и 5/: *dichte Nebel* и *die feuchte Erde* уже проявляются все три присущих немецкому прилагательному грамматические категории: рода, падежа и числа. Так, во всех трёх прилагательных: *heißen*, *dichte* и *feuchte* проявляются единственное число. В примере 4/: *nach dem heißen Süden*

прилагательное употреблено в мужском роде и в Dativ, а в примере 5/: *dichte Nebel u die feuchte Erde* оба прилагательные употреблены в женском роде и в Nominativ.

Однако можно заключить, что немецкие имена прилагательные в данных примерах 4/: *nach dem heißen Süden*, 5/: *dichte Nebel* и 5/: *die feuchte Erde* выражают грамматические категории рода, падежа и числа, которые не присущи им, а свойственны соотнесённым с ними существительным. Такое же суждение можно высказать и о прилагательных из примеров 4/: *die meisten Vögel*, 4/: *in wärmere Länder* и 5/: *in großen Schwären*, которые показывают грамматические категории числа и падежа. То есть данные грамматические категории рода, падежа и числа, приписываемые немецким именам прилагательным, им никак не принадлежат, а принадлежат сочетающимся с ними именам существительным. Они могут быть эксплицированы у имён прилагательных только вследствие грамматического их согласования с соотнесёнными существительными, которым они всецело принадлежат. Таким образом, данные грамматические категории, приписываемые прилагательным, являются лишь грамматическими показателями имён существительных, которые, кстати, доминируют в составе соответствующего словосочетания.

По большому счёту можно опустить все грамматические показатели рода, числа и падежа у прилагательных немецкого языка в примерах 4/, 5/ и 6/, и тогда они могут быть трансформированы в нижеследующей усечённой структуре:

- 4 – I/ *Im Herbst ziehen die **meisten** Vögel in **wärmere** Länder;*
- 5 – I/ *In **großen** Schwärmen fliegen sie nach dem **heißen** Süden;*
- 6 – I/ ***Dichte** Nebel bedecken abends und morgens die **feuchte** Erde.*

В этом случае мы получаем такие усечённые структуры прилагательных немецкого языка, которые обыкновенно употребляются в речи иностранцев, особенно англичан, пытающихся выразить свои мысли на немецком языке и не знающих систему склонения немецких прилагательных. Но главная задача в конструировании таких усечённых трансформаций в немецких примерах 4 – I/, 5 – I/ и 6 – I/ всё же является достигнутой – коммуникация между говорящим и слушающим имеет место быть. Несмотря даже на усечение грамматических форм прилагательных, слушающий полностью понимает смысл трансформированных предложений. Такое явление в теории перевода называют «когнитивной переводческой теорией освоения кода», когда и говорящий, и слушающий, используя «...перевод как средство, а не как

самодовлеющую цель ... преодолевают различия и противоречия на семантическом и синтаксическом уровнях, с осознанием этих различий и противоречий» [Кёрквуд, 1989: 343].

В этой связи вспомним, что в индоевропейском германском английском языке имя прилагательное не имеет при себе никаких грамматических показателей и не изменяется ни по родам, ни по падежам, ни по числам. Как отмечается в исторической англистике, дольше всего – до конца XIX в. – никак не исчезал последний аффикс английского прилагательного – редуцированное – *e*. «В национальном языке – *e* исчезает одновременно с его редуцией в других частях речи. В эпоху Чосера оно уже может, не произносится (хотя остаётся в написании), а в дальнейшем отпадает совершенно, и прилагательное приобретает неизменяемую форму» [Иванова, Чахоян, 1976: 129].

Таким образом, из всего вышеизложенного по вопросу грамматических категорий рода, падежа и числа, присущих немецким прилагательным, можно заключить, что они не являются необходимым атрибутом содержания данных прилагательных, а лишь являются грамматическими показателями сочетающегося с прилагательным существительного.

В связи с нашим таким умозаключением уместно привести расширенное суждение известного русского советского лингвиста В. В. Виноградова по данному вопросу, однако, при освещении материала русского языка:

«Однако формы рода, числа и падежа имён прилагательных выражают не внутренние оттенки качественных значений, а лишь указывают на синтаксическую связь прилагательных с именами существительными в процессе речи. Эти основные формы имён прилагательных являются формами синтаксических отношений, формами грамматического согласования» [Виноградов, 1947:182].

Итак, наше сопоставительное изучение материала немецких и кыргызских прилагательных показывает, что они оба обладают лишь одной сходной грамматической категорией – степенями сравнения, которая проявляется только в соответствующей речевой ситуации.

В отличие от кыргызского прилагательного, прилагательные немецкого языка проявляют три грамматические категории: рода, падежа и числа, - которые, однако, в план содержания данного немецкого частеречного класса никак не входят и его значение не конституируют.

Значение немецких и кыргызских прилагательных, несмотря на принадлежность первых к индоевропейскому германскому

флексивному языку, а вторых – к урало-алтайскому тюркскому агглютативному языку, представляются идентичными: они оба, и в немецком, и в кыргызском языках, отображают внеязыковые признаки атрибутивности (признаковости), проявляющиеся через идентификацию качества или свойства предмета речи.

Образование имён прилагательных в немецком и кыргызском языках

Парадигматические отношения свойственны не только чисто семантической стороне языка, в нашем случае, значениям немецких и кыргызских прилагательных, но в большей степени они свойственны формально – грамматической стороне языка, которая, также конституируется на содержательном плане языка. Так называемые немецкие *Wortfamilie* (семья слов, словесная группа с общим корнем) представляют собой не что иное, как словообразовательную парадигму, объединяющую различные словообразовательные модели, например, элемент *stark* объединяет 19 самостоятельных (отдельных) цельноформленных лексем:

Stärke, Stärkung, Verstärkung;

stärkere, stärkste;

stärken, sich stärken, verstärken, sich verstärken;

bestärken, erstarcken, stärkend, bestärkend, erstarckend, verstärkend, gestärkt, bestärkt, erstart, verstärkt.

Таким образом, словообразование, в нашем случае образование имён прилагательных в немецком и кыргызском языках, представляет собой парадигматическое проявление в языке, поскольку в этом случае срабатывает принцип «ассоциации по сходству», а именно, по сходству грамматических форм [см.: Городникова, Розен, 1967:103-104; Яблокова, 2006: 158-159].

Ещё раз напомним, что исходным языком нашего сопоставительного анализа является немецкий язык, и, следовательно, рассмотрение следует начинать с исходных немецких прилагательных и сравнивать с ними соответствующие им функционально кыргызские прилагательные.

Образование немецких прилагательных, а также и кыргызских, зависит от их строения в синхронии и в статике. В синхронии на современном этапе развития сопоставляемых немецкого и кыргызского языков, а также конкретным образом в статике, немецкие и кыргызские имена прилагательные делятся на слова корневые, слова производные и

слова сложные. «Естественно, что виды прилагательных в обоих языках не всегда совпадают, так как немецкий и кыргызский языки относятся к различным системам и отличаются основательно по своей структуре» [Фиш, 1967: 28].

Начнём наше сопоставительное немецко-кыргызское парадигматико-словообразовательное изучение имён прилагательных с корневых лексических единиц.

Корневые прилагательные

В немецком языке, а также и в кыргызском, корневые прилагательные являются качественными прилагательными и, следовательно, обладают категорией сравнения.

По своему морфологическому строю немецкие корневые прилагательные в своём подавляющем большинстве являются односложными, в кыргызском же языке только малая часть корневых прилагательных является односложной [см.: Фиш, 1967: 28; ср: Степанова, Чернышева, 1962: 82; Орузбаева, 1994: 52]; например: *jung* – *жааш*, *groß* – *чоң*, *blau* – *көк*, *weiß* – *ак*.

Большей частью немецким односложным прилагательным соответствуют в кыргызском языке прилагательные двусложные, и трёхсложные; например, *neu* – *жаңы*, *lang* – *узун*, *hell* – *жарык*, *gut* – *жакшы*, *schön* – *сулуу*, *klein* – *кичине*.

«Но имеются и случаи, когда немецкие корневые прилагательные находят эквиваленты в киргизских производных, например: *stumm* – тилсиз, *süß* – таттуу и др.» [Фиш, 1967: 28].

Производные прилагательные

Словопроизводство прилагательных в немецком, а также в кыргызском языках бывают аффиксальным, когда употребляются суффиксы и префиксы, как в немецком языке или же только суффиксы, так в кыргызском, а также безаффиксным, когда не употребляется никаких аффиксов.

В немецком языке **безаффиксальное словопроизводство** предполагает переход слова из одной части речи в другую и обозначается как адъективизация.

«Адъективизация – способ словообразования прилагательных в немецком языке. Адъективизация состоит в том, что некоторые слова (существительные, причастия, наречия) в известных условиях переходят в класс прилагательных без помощи словообразовательных аффиксов» [Фиш, 1967: 43].

Адъективизация существительных не находит в немецком языке широкого распространения. Большой частью адъективизируются

такие существительные, которые ещё в древние периоды развития немецкого языка не имели ярко выраженной дифференциации и отличались бы от совпадающих по форме прилагательных, например: *laut* (перешло в разряд прилагательных из существительного *der Laut*), *wert* (*der Wert*), *licht* (*das Licht*). Таким адъективизированным немецким прилагательным в кыргызском языке соответствуют прилагательные на –луу, или же корневые прилагательные, например: *Laut* - үндүү, *Wert* - кымбаттуу (*кымбат*), *Licht* - ачык, жарык.

К типу адъективизированных существительных можно отнести несклоняемые прилагательные, образованные из наименований жителей стран и городов, например: (*der*) *Moskauer Metro* - Москва метросу, (*der*) *Wiener Wald* - Вена токойу, *die Berliner Straßen* - Берлин көчөлөрү и др. Можно видеть, что последнему типу немецких адъективизированных слов соответствуют кыргызские производные прилагательные на –лык (с его фонетическими вариантами).

Адъективизация немецких наречий также представляет собой нераспространённое явление, например: *der hintere Platz* - арткы орун, *der obere Stock* - үстүнкү кабат, *bange Ahnung* - коркунучтуу сезим. Адъективизированные наречия, как видно, переводятся на кыргызский язык производными прилагательными на –кы (вместе с его фонетическими вариантами).

«Наиболее продуктивна адъективизация немецких причастий. Адъективизированные причастия выражают качество вне связи со временем, залогом и видом. Они переводятся на киргизский язык прилагательными на –луу, корневыми прилагательными или описательно» [Фиш, 1967: 44]. Например: *ein bedeutender Wissenschaftler* – көрүнүктүү окумуштуу, *glänzender Redner* - мыкты оратор, *eine bestimmte Antwort* - ачык жооп.

К аффиксальному словопроизводству прилагательных относят в немецком языке суффиксацию и префиксацию, в кыргызском языке только суффиксацию, вследствие отсутствия в нем словообразующих префиксов.

Суффиксальное словопроизводство прилагательных обладает в немецком языке 9 продуктивными суффиксами, которые образуют прилагательные от основ различных других частеречных слов. Перечислим их по степени ниспадения продуктивности вместе с иллюстрирующими примерами:

–lich. С данным суффиксом –lich и с умлаутом корневого гласного имена прилагательных образуются:

1) от основ существительных; при этом прилагательное обозначает свойство или качество, характерное для лица или предмета, обозначенного данным существительным:

der Mann – *männlich* – эркектик;

das Weib – *weiblich* – аялдык;

der Wolf – *wölflich* карышкырча, бөрүчө;

2) от основ глаголов:

lachen – *lächerlich* – күлкүлүү;

begreifen – *bergreiflich* – түшүнүктүү;

ausführen – *ausführlich* - толук, майда – чүйдөсүнө чейин;

3) от других прилагательных; при этом новообразованное прилагательное приобретает значение ослабленного качества:

schwach – *schwächlich* - күчсүз; алсыз;

krank – *kränklich* – оорукчан, оорулуу;

rot – *rötlich* - кызыл, кызылдай;

- ig. Этот суффикс образует имена прилагательные в основном от основ существительных:

der Mut – *mutig* - эр жүрөк;

die Macht – *mächtig* - күчтүү;

der Trauer – *traurig* - аза; азалуу;

- bar. С данным суффиксом образуются немецкие прилагательные главным образом:

1) от основ существительных:

die Frucht – *fruchtbar* – түшүмдүү;

das Essen – *essbar* - жештүү;

die Fahrt – *fahrbar* – жүрүүгө жарактуу;

2) от основ глаголов; значение прилагательного в этом случае приобретает пассивный характер, т. е. определяемое слово называет предмет, могущий быть подвергнутым данному действию:

tragen – *tragbar* – көтөргөнгө жараган, ылайык;

trinken – *trinkbar* - ичимдүү;

fühlen – *fühlbar* - сезилген, сезимтал;

- haft. Этот суффикс образует в немецком языке имена прилагательные только от основ существительных:

der Fehler – *fehlerhaft* - жаңылыш, ката;

die Sage – *saghaft* – жомоктогудай;

- isch. При посредстве этого суффикса прилагательные образуются от основ существительных:

der Russe – *russisch* - орусча;

der Erfinder – *erfinderisch* - ойлоп табуучу;

der Kirgise – kirgisisch - кыргызча;

- sam. С данным суффиксом немецкие прилагательные образуются:

1) от основ существительных:

der Rat – ratsam - каалаган, көздөгөн;

die Frage – fragsam - сураганга болгон, ылайык;

die Arbeit – arbeitsam - ишмер;

2) от основ глаголов:

schweigen – schweigsam - унчукпаган, сүйлөбөгөн;

streben – strebsam - тырышчаак;

furchen – furchtsam - коркок;

3) от других прилагательных:

gemein – gemeinsam - бардыгы, баары;

lang – langsam - акырын;

grau – grausam - катаал, таш боор;

-en(-ern). С данными суффиксами немецкие прилагательные образуются от существительных вещественных:

das Gold – golden – алтын;

das Holz – hölzern – жыгач;

das Silber – silbern – күмүш;

-er. При помощи данного суффикса в немецком языке прилагательные образуются от названий городов, намного реже от названий стран:

Berlin – berliner – берлиндик;

Moskau – moskauer – москвалык;

Oesterreich – österreichischer – австриялык;

-los. При помощи данного суффикса образуются немецкие прилагательные от основ существительных со значением отсутствия:

die Sorge – sorglos – камсыз;

die Farbe – farblos – түссүз;

das Obdach – obdachlos – үйсүз.

Мы расположили вышеприведённые суффиксы немецких прилагательных именно в представленной выше последовательности, поскольку, как показывает обзорно–теоретическое рассмотрение немецкой литературы по вопросам словообразования, именно в этом случае срабатывает принцип продуктивности суффикса как словообразовательного элемента, а конкретно, принцип ниспадения (нарастания) продуктивности словообразовательного элемента, т.е. частотность его употребления [см.: Бергманн, Натанзон, 1957: 88-89;

Степанова, Чернышева, 1962: 90-92; Степанова, Фляйшер, 1984: 135-137].

Что же касается кыргызских аффиксов, а именно, суффиксов, участвующих в образовании прилагательных, то здесь не наблюдается единого мнения среди ученых. Так, Фиш М. Ш. сопоставляет словообразовательные системы немецкого и кыргызского языков и считает, что «в словообразовании киргизских прилагательных участвуют 8 продуктивных и свыше 20 малопродуктивных суффиксов. К продуктивным относятся следующие суффиксы (с соответствующими вариантами): - луу, - сыз, - кы, - уучу, - чыл, - лаиш, - дай, - лык. Малопродуктивными считаются следующие суффиксы (с соответствующими вариантами): - чан, - дак, - мер, - кор, - гыч, - ыңкы, - кер, - ык, - ак, - тыр, - чаак, - гын, - гыс, - арман, - аак, - даак, - ынды, - анак, - ымсак, - ылтым и др.» [Фиш, 1967: 28-29].

Авторы нормативной грамматики кыргызского языка относят к продуктивным кыргызским суффиксам уже 10 словообразовательных элементов (разумеется, с их фонетическими вариантами): - луу, - сыз, - чыл, - чан, - гы, - ык, - гак, - тыр, - ыңкы; все остальные суффиксы прилагательных авторы относят к суффиксам непродуктивным [Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975: 58-59].

Авторы академической грамматики кыргызского литературного языка относят к продуктивным суффиксам имён прилагательных 22 словообразовательных элемента с их фонетическими разновидностями: - луу, - сыз, - дай, - лык, - кы, - чыл, - чан, - дак, - гыч, - ыңкы, - ык, - тыр, - чаак, - калаң, -гыс, - гын, - арман, - анак, - ымсак, - аак, - ынды, - ан; к малопродуктивным они относят 14 словообразовательных элементов с их фонетическими разновидностями: - мер, - корр., - кар, -гол, -ылтым, -ылжым, -ылтыр, -ыш, -гыч, -омук, -жумаал, -чыл, -ча [Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 161-166].

Мы принимаем точку зрения, изложенную в нормативной грамматике кыргызского языка авторов Ахматова Т. К., Давлетова С. А., Жапарова Ш. Ж. и Захарова О. В., однако с небольшой поправкой. Как показывает обзорно-теоретическое ознакомление с научной литературой по словообразованию, кыргызский суффикс *-так* у прилагательного является фонетическим вариантом его же суффикса *-чак* /таарынчаак (обидчивый) – майышкак (гибкий). А суффикс прилагательного *-ыңкы* мы рассматриваем как малопродуктивный (бас – **басыңкы**). Также в ходе анализа мы доложим ещё о паре поправок

[см.: Дыйканов, 1990: 269; Абдувалиев, Садыков, 1997: 107-109; Орузбаева, 2000: 237-238].

В кыргызском языке специфика словообразовательного элемента – аффикса (суффикса) состоит в том, что он образует имена прилагательные только от слов определенной части речи; аналогичное наблюдается и в других тюркских языках [ср.: Поливанов, 1991: 345-346; Орузбаева, 1995:142]. Соответственно этой специфике 5 кыргызских суффиксов образуют прилагательные от имён существительных и других именных частей речи: - луу, - сыз, - чыл, - чан, - гы. Разумеется, все данные кыргызские суффиксы имеют в системе прилагательных многочисленные фонетические варианты. Это связано с тем, что вышеуказанные кыргызские аффиксы образуют имена прилагательные от всех именных частей речи. В кыргызском языке «к именным частям речи относятся имя существительные, имя прилагательное, имя числительное, местоимение и наречие» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 107].

К аффиксам, которые образуют прилагательные от глаголов, можно отнести: *-ык, -чак, и -тыр*.

При этом напомним, что мы имеем целеустановку работы, заключающуюся в выявлении сходных для исходных немецких прилагательных языковых структур, в данном разделе морфологических структур, в сопоставляемом кыргызском языке.

В настоящем разделе, мы представили переводные соответствия прилагательных немецкого языка при рассмотрении словообразовательных суффиксов последних. Мы попытаемся конкретизировать сопоставляемые кыргызские суффиксы прилагательных для экономности и иллюстративности описания используем контрастно-схематический метод анализа лексико-грамматического материала двух языков. «Это разновидность сравнительного познания, но его основной целью является изучение специфики языковых явлений в различных языках мира относительно друг друга. Иначе говоря, речь идет об установлении системной идиоматики (диаморфизма) отдельных языков. Он используется в синхронических исследованиях как родственных, так и неродственных языков, причем в большинстве случаев исследователи ограничиваются изучением одной пары языков (родного и неродного)» [Карлинский, 2009:68].

Начнем наше контрастно–схематизированное изучение привлекаемого материала из двух генетически неродственных и типологически разноструктурных немецкого и кыргызского языков с

суффиксов исходного немецкого языка, а именно, с суффиксов прилагательных, количество которых в образовании немецких прилагательных мы насчитали 9: *-lich*, *-ig*, *-bar*, *-haft*, *-isch*, *-sam*, *-en*, *-(-ern)*, *-er*, и *-los*.

Немецкому суффиксу прилагательных *-lich* соответствуют нижеследующие кыргызские продуктивные и непродуктивные суффиксы, а также и другие языковые (лексико-грамматические) средства:

Таблица №3

1.-lich	1.Продуктивные суффиксы (6):	-луу (glücklich - бактылуу), -лык(täglich – күндөлүк), -гы (alterdümlich -байыркы), -чаак (vergesslich - унутчаак), -чыл (nachdenklich - ойчул), -чан (kränklich - оорукчан).
	2.Непродуктивные суффиксы (7):	-ма (zerbrechlich - сынма), -ча (weisslich - агышча), -ыраак (hellbläulich – көгүрөөк), -гылт/ -ылтым/ (rötlich – кызгылт, кызгылтым), -дай(grünlich - жашылдай), -гыч (gelblich - саргыч), -ылтыр/ -ылжы (bläulich – көгүлтүр,көгүлжүм).
	3.Другие языковые средства (3):	А/описательно, или посредством словосочетания (herzlich – чын жүрөктөн); В/ существительным – определением, или именем действия (schriftlich - жазуу); С/ сочетанием существительного с послелогом «сайын» (wöchentlich – күн сайын).

Здесь необходимо дать два пояснения. Во-первых, с кыргызскими суффиксами прилагательных следует иметь в виду, что все они имеют многочисленные варианты, которые подчиняются закону

тюркского и кыргызского сингармонизма, а во-вторых, зависят также от глухости – звонкости согласного в исходе корневого слова (основы слова). Например, аффикс *-луу* имеет фонетические варианты (разновидности): *-луу, -дуу, -дуу, -туу, -туу*, а аффикс *-лык* имеет фонетические варианты: *-лик, -лук, -лук, -дык, -дик, -дук, -дук, -тык, -тик, -тук, -тук* [см.: Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 162].

Во-вторых, синхронно-статическая грамматическая форма типа «жазуу» понимается в кыргызском языке как существительное – определение, обладающее признаками прилагательного, а также зачастую они определяются как «имена действия – особые отглагольные образования, сочетающие в себе признаки глагола и имена существительного» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 310]. В дальнейшем мы будем использовать в отношении таких слов, типа: жазуу, окуу, иштөө и др.,

- термин существительное – определение, поскольку он более целенаправленно указывает на признаковый характер слова как прилагательного, особенно в сопоставительных исследованиях [ср.: Фиш, 1967: 32].

Таблица №4

II. <i>-ig</i>	1.Продуктивные суффиксы (3): <i>-луу</i> (<i>bergig – тоолуу</i>), <i>-чаак</i> , <i>leißig – тырышчаак</i>), <i>-ты</i> (<i>heutig – бүгүнкү</i>).
	2.Непродуктивные суффиксы(2): <i>-дак</i> (<i>eisig – муздак</i>), <i>-кер</i> (<i>tätig – ишкер</i>)
	3.Другие языковые средства (2): А/ корневые прилагательное (<i>schmutzig – кир</i>); В/ Описательно посредством словосочетаний (<i>beliebig – кайсы болбосун</i>).

Таблица №5

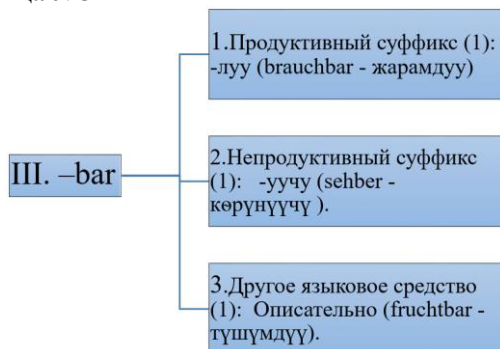
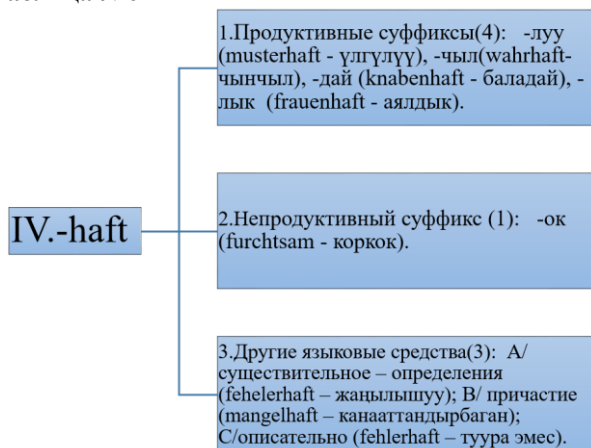

Таблица №6

Отметим, что кыргызский суффикс прилагательных *-дай* мы причисляем к продуктивным, поскольку этого требует современная языковая практика [ср.: Абдувалиев, 2009: 106].

Аффикс *-лык* мы также причисляем к аффиксам продуктивным, поскольку в кыргызской языковой практике он имеет сегодня большую частотность употребления [ср.: Абдувалиев, Сыдыков, 1997: 106].

Таблица №7

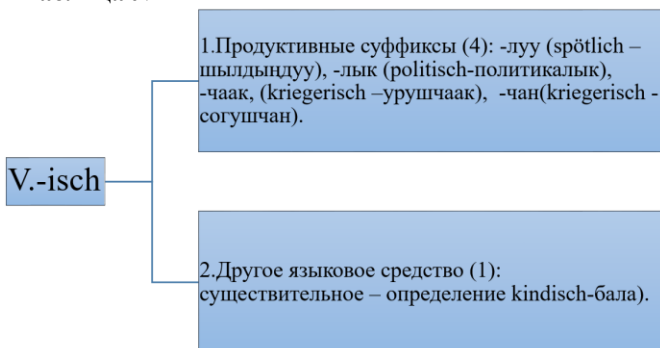

Таблица №8

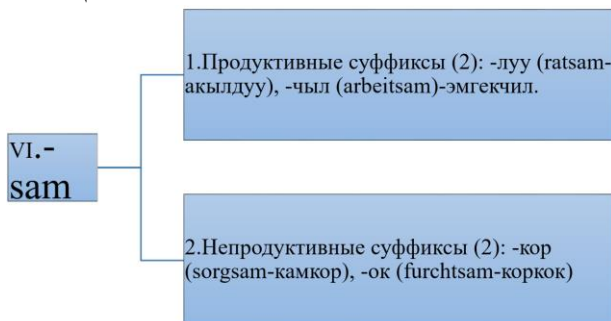

Таблица №9

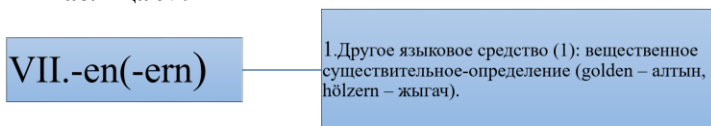
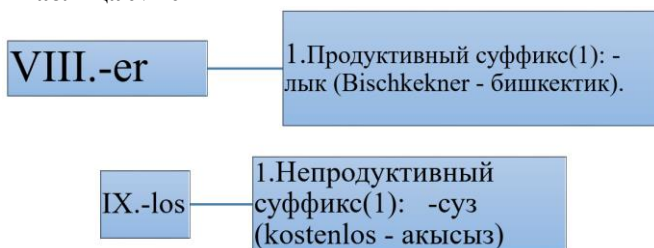

Таблица №10

Префиксальное словопроизводство представляет собой в немецком языке менее распространенный способ образования прилагательных, нежели чем суффиксальное. Немецкая система прилагательных располагает 4 префиксами, которые характеризуются различной частотностью употребления. По ниспадению частотности (продуктивности) употребления их можно расположить в нижеследующей последовательности: *un-*, *miß-*, *ur-*, *erz-*.

un-. Данный префикс присоединяется ко многим прилагательным и отрицает значение данного прилагательного:

gesetzlich - *ungesetzlich* - мыйзамсыз;

höflich - *unhöflich* - адепсиз;

endlich - *unendlich* - чексиз;

miß-. Данный префикс является синонимичным по отношению к предыдущему префиксу *un-*. Но если *un-* обобщает и выражает признак отрицательности вообще, без указания, каких – либо смысловых предпосылок, то слова «...с *miß-* выражают понятие чего-либо неудавшегося» [Степанова, 1957: 149].

gestimmt - *mißgestimmt* - көнүлсүз;

liebig - *mißliebig* - сүйбөгөн;

günstig - *mißgünstig* - жакшылык кылбаган;

ur-. Префикс *ur-* привносит в смысловую основу прилагательного понятие нечто древнего, первоначального [см.: Степанова, 1957: 150]:

alt - *uralt* - эзелки;

kundlich - *urkundlich* - документалдуу;

(*sprünglich*) - *ursprünglich* - алгачкы;

erz-. Наименее продуктивен в образовании прилагательных. «Восходит к греческому *arci-*, перешедшему в церковной латинии в *arci*. Этот префикс заимствован в немецком языке вместе с церковно–христианскими терминами, обозначавшими высший сан или ранг, например: *Erzpriester*, *Erzbischof*, *Erzengel* ...» [Степанова, 1957: 150]

dumm - *erzdumm* - абдан акмак;

faul - *erzfaul* - эң жалкоо;

gerüstet - *erzgerüstet* - абдан куралданган.

В кыргызском языке, вследствие его агглютинативно-грамматического языкового типа, не имеется префиксов.

«В составе прилагательных киргизского языка встречаются заимствованные из иранских языков префиксы *бей-*, *на-*, оба с отрицательным значением (синонимичны исконному аффиксу *-сыз*): *бейкаруу* ‘бессильный’, *бейтааныш* ‘незнакомый’, *бейкабар*

‘безвестный’, *натуура* ‘неверный, ошибочный’, *нааразы* ‘недовольный’. Префиксы вообще не свойственны тюркским языкам и являются непродуктивными в системе прилагательных» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 163-164].

Вышеназванные заимствованные в кыргызском языке иранские префиксы *бей* - и *на* - встречаются в очень ограниченном количестве слов, обычно также заимствованных. Они вообще малоупотребительны, нечастотны и непродуктивны. И поэтому их можно не принимать во внимание при выявлении кыргызских соответствий для префиксов немецких прилагательных.

Сопоставительное изучение немецких адъективных префиксов и их кыргызских функционально-переводных соответствий показывает, что здесь действует соотношение, в основном выражаемое схематизированным представлением: немецкий префикс – кыргызский суффикс (или другое постпозитивное языковое средство).

Сложные прилагательные

Что примечательно при сопоставлении немецких и кыргызских прилагательных, так это то, что в обоих языках имеются сложные прилагательные.

В системе немецкого языка сложные прилагательные образуют два структурно - семантических типа:

I. Основа существительного (прилагательного или глагола) + прилагательные; Например, *blutarm; hochrot; lesekundig*;

II. Основа существительного (прилагательного или глагола) + прилагательное - полусуффикс; Например, *welenartig, flugsfähig, kostenfrei*.

Что касается прилагательного – полусуффикса, что следует отметить, что такое вычленение прилагательного в качестве полусуффикса, или полусуффикса в качестве прилагательного, принято в германском языкознании [см.: Буранов, 1963: 7-8; Буянов, 1979: 8-9; Степанова, Фляйшер, 1984: 155-156]. Названные ученые признают полуаффиксами (полусуффиксами или полупрефиксами) языковые элементы типа: *-werk, -zeug, -artig* и др.; *Haupt-, Grund-, Heiden-*, и др., которые, с одной стороны, показывают этимологическую связь с самостоятельным словом, а с другой, тяготеют к выполнению серийной роли грамматического словообразовательного элемента.

Что же касается сложных прилагательных в кыргызском языке, то здесь также можно выделить, в соответствии с его смысловым выражением, два структурно – семантических типа:

I. Сочинительной тип связи: Прилагательное + прилагательное.

Сочинительная связь может быть самая разнообразная: антонимическая: *улуу-кичүү, ачуу-таттуу, жоон-ичке*; синонимическая: *жылуу-жумшак, эстүү-баштуу, аман-эсен*; уточнительная: *кара кашка, кызыл кашка, көк ала*; усилительная: *сары-сары (сапсары), узун-узун (упузун), көк-көк (көкмөк)*; ритмика – фонетическая: *кызыл-тазыл, эски -үскү, жаман-жуман*;

II. Подчинительной тип связи: Прилагательное + существительное.

В этом случае второе существительное претерпевает адъективизацию, например: *жылаңаяк, кара муртөз, ач көз*;

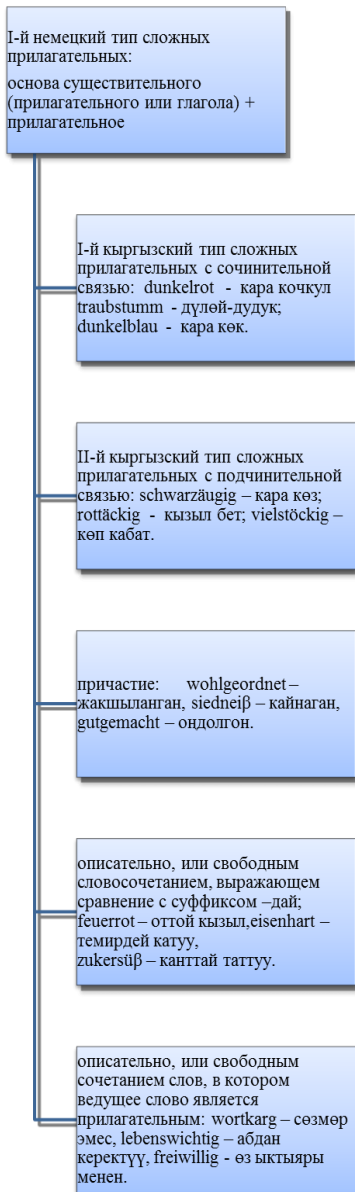
Существительное с аффиксом принадлежности 3-го лица + прилагательное. Например: *колу ачык, тили узун, ою кыска*.

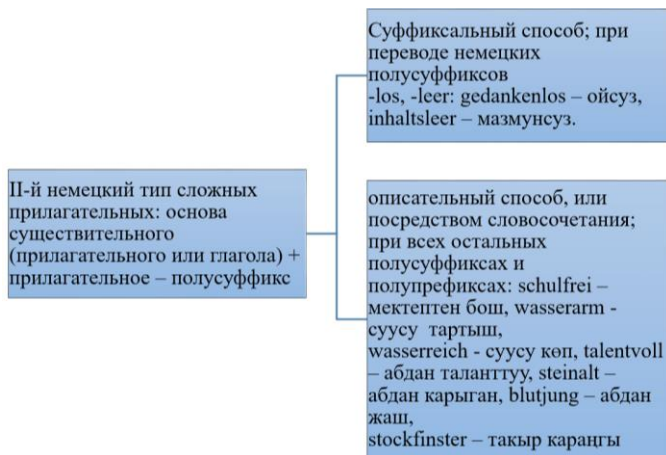
Такое подразделение сложных прилагательных кыргызского языка акцентирует семантический характер взаимосвязи их составных компонентов. «В их состав могут входить разные компоненты, которые представляют собой сочетания слов, объединенных сочинительной или подчинительной связью, и способных лексикализироваться в процессе речевой практики в единую единицу с обобщенным значением» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 166; ср.: Кыргыз адабий тилинин грамматикасы, 1980: 232-233].

Но поскольку в нашем сопоставительном немецко–кыргызском исследовании исходным является немецкий язык, а, следовательно, в качестве исходных языковых средств выступают немецкие имена прилагательные, нас интересует вопрос об их функциональных соответствиях в сравниваемом кыргызском языке. Наш сопоставительный анализ показал, что кыргызские сложные прилагательные оказываются не единственным функциональным соответствием для немецких сложных прилагательных. В кыргызском языке для передачи смысла немецких сложных прилагательных используются и другие языковые средства, кроме кыргызских сложных прилагательных, но все же последние представляются функционально более адекватными для передачи содержания исходных немецких единиц.

Пользуясь нашим контрастивно-схематическим приемом анализа лексико-грамматического материала двух сравниваемых языков – немецкого и кыргызского, проведём наше сопоставление:

Таблица №11

Словообразовательная парадигматика предусматривает наличие в обоих сопоставляемых языках (немецком и кыргызском), в их системах прилагательных наличие трех типов в этой части речи: 1. корневых прилагательных (например: *jung* – жаш, *groß* – чоң, *lang* – узун), 2. производных прилагательных (*männlich* – эркектик, *mütig* – жүрөктүү, *kirgisisch* – кыргызча), и 3. сложных прилагательных (*schwarzäugig* – кара көз, *feuerrot* – оттой кызыл, *wortbarg* – сөзмөр эмес).

Однако в системе словообразования немецких и кыргызских прилагательных не наблюдается прямого соответствия типов прилагательных. Зачастую получается так, что немецким цельюоформленным производным прилагательным, например, функционально соответствуют кыргызские словосочетания (*herzlich* – чын жүрөктөн, *fruchtbar* – түшүмдүү, *mißverständlich* – түшүнүксүз ойлорду жараткан).

Выявляется, что кыргызская система словообразования прилагательных намного, раза в три – четыре, богаче в количественном и качественном отношении, нежели чем таковая немецкая. Кыргызская словообразовательная система прилагательных в состоянии передать самые мельчайшие признаковые оттенки и нюансы обозначаемого прилагательным предмета речи.

Степени сравнения имён прилагательных в немецком и кыргызском языках

При реализации грамматической категории степеней сравнения прилагательных оба сопоставляемых языка - немецкий и кыргызский – показывают в самой основе явления полную схожесть – данная категория степеней сравнения является присущей и проявляется только у качественных прилагательных, значения которых отображают признаки предмета обозначения как их внутреннее свойство, вне связи с какими-либо другими предметами, явлениями, действиями. В самой семантике качественного прилагательного закладываются два момента, которые обуславливают появление и употребление данной грамматической категории. Во-первых, значение качественного прилагательного зависит только от самой его внелингвистической природы (*толстый человек, длинная палка, интересная книга*) и никак не связано со сдерживающим фактом зависимости от других внелингвистических явлений (*медная доска, американское посольство, годовой отчёт*). В этом случае «качественные прилагательные обладают способностью выражать большую или меньшую полноту признака предмета, что заложено уже в самой их семантике» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 159].

Во-вторых, только значение качественного прилагательного, обусловленное самой его неотъемлемой семантической природой и не связанное необходимостью быть зависимым от других внелингвистических признаков, действий и состояний других предметов, как это наблюдается у относительных прилагательных, может быть сравнено со значениями аналогичных объектов и явлений. «Мы можем сравнивать качество, присущее тому или иному предмету, с тем же качеством у другого или других предметов. Результат сравнения закрепляется в специальных грамматических формах, образующих сравнительную и превосходную степени» [Степанова, 1953:206]. Например, можно сравнить человека по толщине туловища с другим человеком: толще. Но нельзя сравнить предметы по относительному признаку: доска может быть только медной, но не «меднее».

При классификации степеней сравнения в обоих сопоставляемых языках – ни в германистике, ни в кыргызоведении – не наблюдается единодушия.

Так, в немецком языкознании, а именно, в немецкой теоретической грамматике, различают разное количество степеней

сравнения. «Большинство прилагательных могут показывать разную степень качества. Различают две степени сравнения: 1) сравнительную степень (den Komparativ) – *Mein Bruder ist junger als dieser Student*; 2) превосходную степень (den Superlativ) – *Meine Schwester ist die jungste*» [Бергман, Натанзон, 1957: 95].

Такой точки зрения – о наличии у немецких качественных прилагательных только двух степеней сравнения: сравнительной и превосходной степеней – придерживается ряд германистов [см.: Степанова, 1957:206; Arssenjewa, Gassilewitsch, Sambrishzkaja u. a., 1960:79; Moskalskaja, 1971:230].

Другая точка зрения однозначно считает, что в системе немецких прилагательных наличествует трехчастная парадигма: положительная степень (der Positiv), сравнительная степень (der Komparativ) и превосходная степень (der Superlativ). По мнению германиста Абрамова Б.А., качественные прилагательные обозначают такие свойства, которые большей частью проявляются у разных предметов в разной степени. «Различия в степени качества выражаются с помощью противочленов категорий степеней сравнения. Это категория трехчленна. В нее входят положительная (позитив), сравнительная (компаратив) и превосходная (суперлатив) степени» [Абрамов, 2001:254; ср.: Hellig, Buscha, 1974:272]. Правда, ученый делает интересную оговорку, сужая сферу применения положительной степени немецких качественных прилагательных: «Положительная степень выражает при сравнении двух предметов в утвердительном предложении одинаковую у них степень некоторого свойства (сладкий как сахар, труслив как заяц; süß wie Zucker, feige wie ein Hase)» [Абрамов, 2001:254].

Вопрос о количестве степеней сравнения в системе качественных немецких прилагательных – две или три – вытекает из того факта, какую степень следует признать исходной, первичной, начальной: положительную или сравнительную.

«Вопрос о том, какую степень - положительную (нейтральную) или сравнительную - следует считать семантически первичной, является спорным. Так, дом можно охарактеризовать как большой по сравнению с другими домами, большими или меньшими, и в этом случае исходной для приписывания признака является сравнительная степень, или как представляющий норму для данного класса предметов (больших домов), и в этом случае исходной оказывается положительная степень (нейтральный признак)» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990; 398].

В данном спорном вопросе имеется и третья точка зрения, как бы примеряющая обе выше цитированные точки зрения: положительную степень следует рассматривать как основную форму качественного прилагательного, которая служит платформой для образования сравнительной и превосходной степеней.

«Man unterscheidet bei der Komparation neben der Grundform des Adjektivs, dem Positiv (lat. positio=[normale] Stellung), zwei Steigerungsstufen:

der Komparativ (lat. comparare=vergleichen; die erste Steigerungsstufe oder die Mehrstufe),

den Superlativ (lat. superlatum = das über etwas Hinausgetragene; die zweite Steigerungsstufe, die Meiststufe oder Höchstufe)» [Jung, 1971:323; ср.: Шендельс, 1988:203; Арсеньева, Зуганова, 2002:87].

Мы присоединяемся к последней точке зрения, поскольку она представляется нам более соотнесенной с языковой реальностью: положительная степень акцентируется только при сравнении двух предметов, один из которых обозначается по признаку и этот признак сравнивается с признаком другого предмета; а в остальных же случаях положительная степень прилагательного находится как бы в свернутом, эллиминированном виде.

В кыргызском языке при рассмотрении вопроса о степенях сравнения прилагательных наблюдается аналогичная картина. Здесь также имеются три точки зрения на природу грамматической категории степеней сравнения прилагательных, но несколько в иной количественной пропорции. Одна группа ученых - авторы академических грамматик кыргызского литературного языка и некоторые другие, примкнувшие к ним, однозначно считают, что «качественные прилагательные образуют две степени сравнения: сравнительную и превосходную. Степени сравнения показывают различное проявление одного и того же признака у разных предметов» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 167-168; см. также: Кыргыз адабий тилинин грамматикасы, 1980:225; Биялиев, 2002:218].

Другая группа кыргызских ученых расширяет круг степеней сравнения у качественных прилагательных до трех: «Сын атоочтор берген маанисине карата үчкө бөлүнөт: жай сын (*ак, көк, кызыл, ачуу, жакшы, көңдөй, жумшак*), салыштырма сын (*чоңураак, жакшыраак, кызылтым, бозомук, көгүлжүм, саргыч*), күчөтмө сын (*өтө чоң, эң таза, кап-кара, абдан тайыз, чымкый көк, топ-томолок*)» [Дыйканов, 1990:270; ср.: Орузбаева, 1996:293].

Имеется ещё одна точка зрения, которая добавляет к вышеперечисленным трем степеням сравнения: положительную степень - жай даража, сравнительную степень (салыштырма даража) и превосходную степень (күчөтмө даража) - еще одну степень: «чамалама даража (приблизительная степень), которая обозначает предмет, приблизительное значение, т.е. ослабленную или, неполную меру качества или признака. Она образуется при помощи следующих аффиксов: - *ыш*, *ак* (*белый*) – *агыш* (*беловатый*), *көк* (*синий, голубой*) – *көгүш* (*синеватый, голубоватый*)...» [Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:60].

Кыргызские ученые, придерживающиеся этой точки зрения, указывают, что в образовании приблизительной степени (чамалама даража), кроме суффикса - *ыш* и его фонетических вариантов, принимает участие ряд других кыргызских суффиксов.

-**ЫШ**: *ак – агыш, көк – көгүш*.

-**ГЫЛ**; -**ГЫЛТ**: *кыр - киргил, кызыл-кызгылт, кызгылтым, сары - саргылт, сургулт, бозгул*.

-**ЫЛЖЫН**; -**ЫЛЖЫМ**: *көк-көгүлжүм, көгүлжүн, кара-каралжын*.

-**ЫЛТЫР**: *көк - көгүлдүр, көгүлтүр*.

-**АН**: *бош - бошоң*.

-**ГЫЧ**: *сары-саргыч, бозгуч*.

-**ЧА**: *ак-акча (акча бети нурданы)*

-**ОМУК**; **ОМТУК**: *боз - бозомук, бозомтук*.

-**ЧЫЛ**: *ак-акчыл (агыш), көк – көкчүл* [см.: Давлетов, Мукамбаев, Турусбеков, 1982:144-145; Абдувалиев, Садыков, 1997:101-102; Абдувалиев, 2008:101-102].

Отметим также, что данное понятие приблизительной степени передано в кыргызском языке двумя синонимичными терминами: «чамалама даража» [Ахматов, Давлетов, Капаров, Захарова, 1975:60; Давлетов, Мукамбаев, Турусбеков, 1982:144] и «басандатма даража» [Абдувалиев, Садыков, 1997:101; Абдувалиев, 2008:101]. Мы придерживаемся мнения, что первое терминологическое обозначение «чамалама даража» более нагляднее раскрывает сущность обозначаемого явления: «**Чамала** 1. Чамасын болжоо, болжолдоо. *Канаттан кабар берди го, Чамалап сенин алыңды* («Эр Табылды»). *Чамалап көрсө өзүнүн да сапары карый баштаптыр* (Стамов). 2. Жакындоо. *Кырктарга чамалап калган кызыл тору аял*» [Кыргыз тилинин сөздүгү, 2010:1305].

Мы присоединяемся к последней точке зрения о наличии в системе кыргызских прилагательных четырех степеней сравнения:

положительная степень (жай даража), приблизительная степень (чамалама даража, или басандатма даража), сравнительная степень (салыштырма даража) и превосходная степень (күчөтмө даража), поскольку в кыргызском языке, во-первых, положительная степень (жай даража) уже своей семантикой, даже без никакого сравнения, актуализирует положительную степень признака или качество предмета: «**Жай даража**. Заттын белгиси кандай нормада экендигин билгизип, атайын мүчөлөр аркылуу жасалбаган даража жай даража деп аталат: кызыл, сары, чон, кичине ж.б. калган даражалар жай даражадан жасалат» [Давлетов, Мукамбаев, Турусбеков, 1982:144]. А, во-вторых, приблизительная степень (чамалама даража, или в другой синонимичной терминологии басандатма даража) имеет реальное языковое выражение и существование: «Басандатма даража заттын сын-сыпат белгисин демейдегиден төмөндүгүн, демейдегине жете бербегендигин көрсөтөт» [Абдувалиев, 2008:101].

К тому же следует отметить, что в современной тюркологии была принята классификация степеней сравнения прилагательных именно по названным выше четырем видам. Так, в современном башкирском языке выделяются: 1. положительная степень, 2. сравнительная степень, 3. степень с ослабленным признаком (приблизительная степень) и 4. степень с формой усиления признака (превосходная степень) [см.: Грамматика современного башкирского языка, 1981:194-196].

В современном татарском языке выделяются так же четыре степени сравнения: 1. положительная степень, 2. сравнительная степень, 3. превосходная степень, 4. «Некоторые качественные прилагательные характеризуются также наличием умеренной степени (ачкылт - кисловатый, жылыса - тепловатый, салкынча - холодноватый)» [Закиев, 1997:365].

В современном туркменском языке имена прилагательные, являясь грамматически неизменяемыми словами, «...имеют степени сравнения: положительную, сравнительную, превосходную, уменьшительно-ласкательную» [Чарьяров, Назаров, 1997:420].

Таким образом, на данном этапе сопоставительного изучения грамматической категории степеней сравнения немецких и кыргызских имён прилагательных прослеживаются прямые соответствия трех пар степеней в обоих языках: положительная степень (der Positiv) – положительная степень (жай даража), сравнительная степень (der Komparativ) - сравнительная степень (салыштырма даража),

превосходная степень (der Superlativ) - превосходная степень (күчөтмө даража).

Что же касается кыргызской приблизительной степени сравнения прилагательных (чамалама даража), то как показывает наше сопоставительное рассмотрение, в немецком языке не имеется его прямых соответствий. Кыргызская приблизительная степень, представляя собой формы проявления качества в меньшей степени, чем в исходной, положительной, охватывает прилагательные, обозначающие признаки цвета, вкуса, физического состояния [см.: Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:60; ср.: Грамматика современного башкирского языка, 1981:196]. Если немецкая сравнительная степень дает усиление признака или интенсификацию качества, независимо от стороны направления – в большую (*länger, kälter, höher*) или в меньшую (*kürzer, jünger, niedriger*), то кыргызская приблизительная степень не дает усиления признака, она дает только представление о самой малой степени признака или качества, нежели чем в исходной форме прилагательного: *саргылт - жёлтоватый, кызгылтым - красноватый, көгүлтүр - синеватый*.

Поэтому, в силу несовпадения признаковых сущностей, кыргызская приблизительная степень не может быть передана в немецком языке сравнительной степенью, даже когда актуализируется снижение качества признака: *kürzer, jünger*. В немецком языке кыргызским прилагательным в приблизительной степени соответствуют немецкие прилагательные с суффиксом – *lich*.

«Прилагательные, образованные при помощи суффикса – *lich* от основ прилагательных, выражают большей частью ослабленную степень или оттенок качества или свойства, ср., *kränklich, rötlich, gelblich, säuerlich* и др.; прилагательные, образованные от основ глаголов, имеют большей частью активное, реже - пассивное значение. Ср., с одной стороны, *gedeihlich, dienlich, nachdenklich*, с другой стороны – *erklärlich* и некоторые другие» [Степанова, Чернышева, 1962:92].

Используя наш контрастно-схематический приём сопоставительного описания материала двух сравниваемых языков, можно в виде обобщения представить нижеследующую таблицу:

Таблица №13

Степени сравнения прилагательных в немецком и кыргызском языках

Немецкий язык	Кыргызский язык
<u>1. Положительная степень</u>	<u>1. Положительная степень</u>
-der Positiv: <i>weiß, schön, groß</i>	- жай даража <i>ак, кооз, чон.</i>
<u>2. Сравнительная степень</u>	<u>2. Сравнительная степень</u>
-der Komparativ <i>mächtiger, schwerer, kleiner</i>	-салыштырма даража <i>күчтүүрөөк, ооруураак, кичинерээк.</i>
<u>3. Превосходная степень</u>	<u>3. Превосходная степень.</u>
-der Superlativ <i>der schönste, am schönsten, der schlechteste, am schlechtesten, der dickste, am dicksten</i>	-күчөтмө даража <i>абдан сонун, өтө жаман, чылык семиз.</i>
<u>Прилагательные с суффиксом - lich:</u> <i>bläulich gelblich rötlich</i>	<u>4. Приблизительная степень</u> - чамалама даража <i>көгүлтүр саргыч, саргылт кызылтым, кызгылт</i>

Таким образом, грамматические категории степеней сравнения прилагательных в обоих сопоставляемых языках, не совпадая в формально-грамматическом аспекте, совпадают в содержательно-грамматическом направлении.

Склонение имен прилагательных в немецком и кыргызском языках

В нашем сопоставлении немецких и кыргызских прилагательных первые являются исходной категорией сравнения, и потому наш анализ склонения немецких и кыргызских прилагательных должен начинаться именно с классификации первых. В аспекте изучения склонения прилагательных в названных языках следует ещё раз акцентировать внимание на то, что в исходном немецком языке имена прилагательные изменяются по числам, падежам и родам, также обладают грамматической категорией сравнения, а в сопоставляемом кыргызском языке имена прилагательные, являясь неизменяемой частью слова, обладают лишь одной грамматической категорией сравнения.

В немецком языке склонение имён прилагательных представляет собой важное грамматическое явление, поскольку именно в склонении актуализируются грамматические категории числа, падежа и рода, присущие прилагательному. Однако по вопросу склонения имён прилагательных в немецком языкознании не наблюдается единообразного мнения. Так, одна группа германистов считает, что «в немецком языке существует два типа склонения имён прилагательных:

1. Слабое, или именное, с окончаниями имён существительных слабого склонения;
2. Сильное, или местоимённое, с окончаниями определённого артикля» [Бергман, Натанзон, 1957:90].

Основой для такой дуальной классификации является критерий присутствия или отсутствия перед прилагательным артикля, местоимения или числительного, которые, являясь грамматическими маркерами, могут придавать или не придавать главенствующему в словосочетании существительному определённые грамматические показатели: числа, падежа и рода. В случае присутствия таких грамматических маркеров в виде артикля, местоимения или числительного в составе словосочетания с прилагательным последнее склоняется по слабому типу прилагательных (*Schwache Deklination der Adjektive*). В случае же отсутствия таких грамматических маркеров в словосочетании прилагательное само выполняет функцию грамматического маркера и склоняется в этом случае по типу сильного склонения прилагательных (*Starke Deklination der Adjektive*) [см.: Бергман, Натанзон, 1957:91-92; Шендельс, 1988:197-198; Arssenjewa, Gassilewitsch, Sambrshizkaja u. a., 1960: 73-74; Jung, 1971: 308].

Названные учёные однозначно считают, что есть только два типа склонения немецких прилагательных, и что отнесение прилагательного к тому или другому типу склонения зависит только от наличия или отсутствия грамматического маркера (*Begleitwort*), который может быть выражен артиклем, местоимением или числительным (*Artikel, Pronomen, Zahlwort*). Грамматические маркеры показывают грамматическое свойство главного в словосочетании компонента - существительного, в случае их отсутствия их роль переходит к прилагательному. «Wenn das *Begleitwort* diese Funktion übernimmt, wird das Adjektiv **schwach** dekliniert: *der (dieser) große Dichter*. Fehlt das *Begleitwort* oder charakterisiert es das Substantiv nicht deutlich genug, so wird das Adjektiv **stark** dekliniert: *großer Dichter, ein großer Dichter* [Шендельс, 1988:198].

К сожалению, языковая практика не укладывается в данную дуальную классификацию склонения прилагательных по двум типам: слабого и сильного. Это вынуждены признать и вышеназванные учёные - германисты: «Die Begleitwörter *ein, kein, mein, ihr* u. a. sind in einigen Kasus endunguslos (Nom., Akk. Sing. Neutra; Nom. Maskulina), in den anderen Kasus besitzen sie deutlich ausgeprägte Endungen. Dementsprechend erhält das Adjektiv bald pronominale, bald nominale Endungen. So entsteht ein gemischtes Paradigma» [Шендельс, 1988:199].

«Во множественном числе неопределенного артикля нет, следовательно, прилагательные склоняются по сильному склонению. С притяжательными местоимениями и с *kein* прилагательные склоняются во множественном числе по слабому типу» [Бергман, Натанзон, 1957:94; см. также: Arssenjewa, Gassilewitsch, Sambrshizkaja u.a., 1960:76-77; Jung, 1971:312].

И потому, вследствие незаконченности вышеуказанной дуальной классификации склонения прилагательных, мы присоединяемся к другой, триодной точке зрения, которая признаёт наличие в немецком языке трёх типов склонения прилагательных: слабого, сильного, смешанного. «В грамматиках немецкого языка описываются три склонения прилагательных. В отличие от русского языка типы склонения не связаны с характером самого прилагательного. Типы склонения прилагательных в немецком языке разграничиваются в зависимости от употребления / неупотребления артиклевых слов при существительном» [Абрамов, 2001:255; см. также: Admoni, 1960:131; Helbig, Buscha, 1974:270-271; Arssenjewa, Zyganowa, 2002:85].

Если при наличии определенного артикля или его эквивалента, т.е. грамматических маркеров, прилагательное склоняется в немецком языке по слабому типу, а при отсутствии данных грамматических маркеров – по сильному, то «при употреблении неопределённого артикля и притяжательного местоимения в склонении используется именные и местоимённые окончания (*ein neuer Lehrer, eines neuen Lehrers, einem neuen Lehrer, einen neuen Lehrer*). Данный тип получил название смешанного» (Абрамов, 2001: 256).

Таким образом, в качестве исходной классификации типов склонения немецких имён прилагательных мы принимаем последнюю точку зрения, выделяющую три типа их склонения: слабое, сильное и смешанное.

Немецкие имена прилагательные склоняются по слабому типу в единственном и множественном числах, когда они употреблены, во-

первых, с определённым артиклем, а, во-вторых, с указательными местоимениями, выполняющими артиклевые функции: *dieser, jeder, jener, derjenige, derselbe, solcher, welcher*. И, в-третьих, со всеми притяжательными местоимениями *mein, dein, sein* и др., отрицательным местоимением *kein* и неопределёнными местоимениями *alle* и *beide*.

Приведём схему слабого склонения немецких прилагательных (*Schwache Deklination der deutschen Adjektive*).

Таблица №14
Схема слабого склонения прилагательных

Падеж	Единственное число			Множественное число
	Мужской род	Женский род	Средний род	
Nom.	der -[e]	die -[e]	das -[e]	die - en
Gen.	des - en	der - en	des - en	der - en
Dat.	dem - en	der - en	dem - en	den - en
Akk.	den - en	die -[e]	das -[e]	die - en

Как явствует из данной схемы, немецкие прилагательные в слабом склонении пользуются всего двумя грамматическими аффиксами, а именно, суффиксами *-e* и *-en*.

Суффикс *-e* используется в *Nominativ* всех трёх родов единственного числа, а также в *Akkusativ* женского и среднего родов единственного числа. Во всех же остальных падежах всех трёх родов единственного и множественного числа употребляется суффикс *-en*.

Немецкие имена прилагательные склоняются по сильному типу в единственном и множественном числах, когда они употреблены без артикля и без местоимения – это, во-первых. Во-вторых же, когда прилагательные употреблены во множественном числе после количественных числительных, а также после неопределённых числительных *einige, wenige, mehrere, viele*.

Приведём схему сильного склонения немецких прилагательных (*Starke Deklination der deutschen Adjektive*).

Таблица №15

Схема сильного склонения прилагательных

Падеж	Единственное число			Множественное число
	Мужской род	Женский род	Средний род	
Nom.	- er	- e	- es	- e
Gen.	- en	- er	- en	- er
Dat.	- em	- er	- em	- en
Akk.	- en	- e	- es	- e

Немецкие имена прилагательные принимают во всех падежах единственного и множественного числа окончания определённого артикля, кроме Genitiv мужского и среднего рода, где они принимают окончание *-en*.

Смешанный тип немецкого склонения прилагательных имеет место при их употреблении с неопределённым артиклем, со всеми притяжательными местоимениями и с отрицательным местоимением *kein* в единственном числе.

Приведём схему смешанного склонения немецких прилагательных (*Gemischte Deklination der deutschen Adjektive*).

Таблица №16

Схема смешанного склонения прилагательных

Падеж	Единственное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
Nom.	- er	- e	- es
Gen.	- en	- en	- en
Dat.	- en	- en	- en
Akk.	- en	- e	- es

Ещё раз акцентируем, что смешанный тип склонения имеет только одно – единственное число. В данном типе склонения как бы смешались окончания сильного и слабого типов, в Nominativ мужского и среднего рода, а также в Akkusativ среднего рода употребляются окончания сильного типа немецкого склонения прилагательных, а во всех остальных падежах всех трёх родов – окончания слабого типа.

Множественное число смешанного типа отсутствует по причине того, что не имеется множественного числа неопределённого артикля, который детерминирует тип смешанного склонения в единственном числе. Во множественном числе при отсутствии артикля прилагательные склоняются по сильному типу.

Однако языковая действительность показывает, что в разряде немецких прилагательных имеются три разряда слов, которые обладают несклоняемыми формами. Во-первых, это прилагательные на *-er*, образованные от названий городов, а также от названий стран: *die Berliner Einwohner, der Bischkekner Park, die Schweizerischer Messer*, а также образованные от количественных числительных типа *zwanzig, dreißig, vierzig* и др.: *von den zwanziger Jahren, die vierziger Jahren*. Во-вторых, это – «... некоторые заимствованные слова: *beige, lila, rosa ...*» [Абрамов, 2001: 256]: *rose Nelken, ein prima Kerl, ein lila Kleid*.

К этой группе неизменяемых прилагательных в немецком языке также причисляют и прилагательные, употребляемые только предикативно: *freund, feind, schmuck, schuld* и др.:

«... manche Adjektive, die nur prädikativ gebraucht werden: *angst, bange, feind, quitt, schade, schuld, untertan, zugetan* u. a.

Ihr war ein wenig bange vor der Unterredung. (L. Feuchtwanger)

„*Sie sind schuld, Herr Assessor, das es so gekommen ist!*“

(H. Mann)

Trotzdem ist es schade, das Käthe nicht da ist. Sie fehlt ihm.

(L. Feuchtwanger).” [Арсеньева, Зыганова, 2002: 87]

Можно полагать, что данную группу прилагательных, употребляемых только предикативно, можно было бы и не причислять к данной группе неизменяемых прилагательных, поскольку они никогда не выступают в препозиции к определяемому существительному, а только в постпозиции, и, следовательно, не являются элементами словосочетания: прилагательное- определение + существительное-определяемое.

Таким образом, в немецком языке преобладают изменяемые грамматические формы прилагательных, которые распадаются на три типа склонения, в которых эксплицируются грамматические категории числа, падежа и рода – слабое склонение, сильное склонение и смешанное склонение. Только небольшая часть прилагательных в системе немецких прилагательных обладает несклоняемой формой.

Что же касается кыргызских прилагательных, то, как уже отмечалось неоднократно, они являются неизменяемой частью речи. Они никак не сочетаются с именами существительными, с которыми они образуют сочетания, - они свободно примыкают к ним, и, следовательно, они не склоняются и никак не изменяются ни по числам, ни по падежам. Что же касается грамматического рода, то род отсутствует в кыргызском языке, и, соответственно, кыргызские

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ. СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В НЕМЕЦКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Синтаксические функции имён прилагательных в немецком и кыргызском языках

В предыдущей главе мы изучали в сопоставительном плане немецкие и кыргызские прилагательные с позиций парадигматического подхода, основанный на анализе языковых явлений в разрезе смысловой ассоциации по сходству. Синтагматический же подход предполагает изучение языковых явлений, в нашем случае немецких и кыргызских прилагательных, в разрезе смысловой ассоциации по сложности.

«Синтагматика – один из двух аспектов изучения системы языка, анализ особых – синтагматических – отношений между знаками языка, возникающих между последовательно расположенными его единицами при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте; этот аспект изучения языка противопоставляется парадигматике» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 447].

Исследователи Ч. К. Найманова и О. Нидерквель однозначно показывают на материале своих работ, что синтагматическая сторона прилагательных английского и немецкого языков должна включать изучение таких языковых явлений, которые проявляются через смысловые ассоциации по смежности, т.е. в линейном аспекте. Сюда должны быть включены, по мнению названных учёных, такие грамматические моменты, как: 1) синтаксические функции прилагательных в предложении, 2) падежное управление прилагательных, 3) предложное управление прилагательных, и 4) валентностные свойства прилагательных.

Исследователь Ч. К. Найманова изучает английские прилагательные не обособленно, а через сравнение их с соответствующими кыргызскими эквивалентами-прилагательными. Она отмечает, что для синтагматического подхода в таких сопоставительных исследованиях «...принципиальное значение имеет установление как структурно-функционального тождества (изоморфизма), так и структурно-функционального различия (алломорфизма) конститутивных единиц и отношений между двумя или несколькими привлекаемыми языками» [Найманова, 1995: 7].

Исследователь О. Нидерквель изучает материал лишь одного немецкого языка, да и то не литературную форму языка, а диалектную форму нижненемецкого говора немцев Сибири. Он указывает на взаимообусловленность синтагматической и парадигматической сторон немецкого прилагательного. По его мнению, только в синтагматике, в составе предложения, немецкие прилагательные, имевшие до того в парадигматике, «... грамматически невыразительную форму и не передающие грамматических значений имени существительного...» [Нидерквель, 1978: 17], могут выполнять лексико-грамматические функции после уточнения рода, числа и падежа данного существительного.

Таким образом, именно синтагматическое рассмотрение языковых средств и явлений, дополнительно к рассмотрению парадигматическому, даёт реальную и адекватную картину функционирования и употребления данных языковых средств – в нашем случае немецких и кыргызских прилагательных в лексико-грамматической системе языка [ср.: Гак, 1972: 369; Жакыпов, 1993: 39].

Начнем наше синтагматическое сопоставительное рассмотрение немецких и кыргызских прилагательных с изучения их синтагматических функций в составе предложения.

Немецкие прилагательные выступают в составе предложения только в двух функциях: 1) в качестве определения, действующего при существительном и согласующегося с ним в роде, числе и падежа, а также 2) в качестве именной части сказуемого, действующего в составе именного сказуемого и стоящего в так называемой краткой, или неизменяемой форме. Например:

1. *Unsere schöne Hauptstadt Bischkek ist das Zentrum des kulturellen Lebens in unserem Lande;*
2. *Unsere Hauptstadt Bischkek ist schön.*

Аналогичное наблюдается в кыргызском языке, где кыргызские прилагательные также выступают в составе предложения только в двух синтаксических функциях: 1) в качестве определения при существительном, грамматически примыкающего к данному существительному, и 2) в качестве сказуемого, всегда стоящего в постпозиции к подлежащему. Например:

1. *Менин жакшы досум бар;*
2. *Менин досум жакшы.*

Однако, в связи с реальным и непреложным фактом принадлежности немецкого языка к языкам германским и флективным, а кыргызского – к тюркским и агглютинативным, прилагательные

проявляют при исполнении означенных синтаксических функций порой совсем несходные семантико-грамматические экспликации, и такие несовпадающие экспликации, обусловленные в первую очередь языковой синтагматической, детерминированы также и языковой парадигматикой [ср.: Степанова, 1968: 171-172; Nagy, 1973: 6-7].

И потому, в целях достижения большей достоверности и адекватности исследования, необходимо изучать в сопоставительном плане синтаксические функции немецких и кыргызских прилагательных с привлечением грамматических критериев, присущих в качестве грамматических признаков форм означенных прилагательных.

Во-первых, мы будем привлекать критерий разбиения прилагательных в обоих привлекаемых языках на прилагательные качественные и прилагательные относительные. Это связано с удельным весом каждой из выделенных групп прилагательных в анализируемых языках. В немецком языке, несмотря на зыбкость границы между качественными и относительными прилагательными, удельный вес последних относительно низок. «Im Vergleich zur russischen Sprache sind die relativen Adjektive im Deutschen weniger verbreitet - По сравнению с русским языком относительные прилагательные распространены в немецком языке меньше» [Arsenjew, Gassilewitsch, Sambrishizkaja u. a. 1960: 72].

В кыргызском же языке «качественные прилагательные, особенно производные, часто имеют омонимичные им наречия, что не наблюдается у прилагательных относительных» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 159].

Во-вторых, необходимо привлечь для сопоставительного изучения немецких и кыргызских прилагательных при исполнении ими своих синтаксических функций понятия полных и кратких форм. «Полные формы качественных прилагательных в немецком языке употребляются преимущественно атрибутивно (*eine hohe Eiche*) и реже как предикатив (*Dieses Dreieck ist ein rechtwinkliges*)» [Абрамов, 2001: 251]. Что же касается кратких форм немецких прилагательных, то они употребляются в немецком языке как именная часть сказуемого – предикатива (*Diese Frage ist wichtig*).

В кыргызском же языке прилагательные различаются как с полной или краткой грамматической формой, поскольку такой категории полноты – краткости прилагательного в нем просто не имеется. Имеются, правда, производные прилагательные (чоң, оор, ак и др.), отличающиеся не - громоздкими грамматическими формами, и

прилагательные производные, отличающиеся более длинными формами (баласыз, үйдөгүлөрдөгү, жазындагы и др.), но они должны рассматриваться по грамматической линии производности-непроизводности прилагательных [см.: Орузбаева, 1994: 27-28].

В-третьих, в качестве грамматического критерия для сопоставительного анализа синтаксических функций немецких и кыргызских прилагательных должна являться грамматическая категория сравнения, которая, как мы показали ранее, не совпадает друг с другом в обоих языках. Если грамматическая категория сравнения в немецком языке трёхчленна (der Positiv, der Komparativ и der Superlativ), то в кыргызском она уже четырёхчленна (жай даража, салыштырма даража, күчөтмө даража и чамалама даража); и такое несоответствие на уровне парадигматики, разумеется, ведёт к несходству на уровне синтагматики. Так, к примеру, немецкий Superlativ (превосходная степень), образованный аналитическим способом путем прибавления к превосходной степени прилагательного в дательном падеже в препозиции частицы *am* (*Dieses Gebäude ist am höchsten*), никогда не употребляется атрибутивно [Arssenjewa, Zyganova, 2002: 88-89], чего нельзя сказать о степени күчөтмө даража (превосходная степень) в кыргызском языке (*Абдан сонун күндөр өттү*). Хотя и здесь есть в кыргызском языке исключения. В кыргызском языке одним из способов образования күчөтмө даража прилагательного является его образование.

«Путём синтаксического сочетания субстантивированного прилагательного в родительном падеже с основной формой этого же прилагательного с аффиксом принадлежности: *сары* (жёлтый) – *сарынын сарысы* (самый жёлтый), *ак* (белый) – *актын агы* (самый белый), *сулуунун сулуусу* (красивый из красивых, т. е. очень красивый), *мыктынын мыктысы* (лучший из лучших)» [Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975: 61], а такие грамматические формы прилагательных не могут быть употреблены в функции атрибута-определения. Они могут употребляться только предикативно, в качестве сказуемого (Алар болсо мыктынын мыктысы).

И, в-четвёртых, необходимо привлечь для сопоставительного анализа немецких и кыргызских прилагательных такие прилагательные, которые могут быть употреблёнными сразу в двух синтаксических позициях (определения и сказуемого), или же только в одной (или определения, или сказуемого). Например, в немецком языке имеются такие прилагательные, которые употребляются только в позиции предиктива:

«Die Cruppe... enthält Adjektive, die nur prädikativ gebraucht werden und weder flektierbar noch graduierbar sind. Es handelt sich um einige, zumeist aus Substantiven gebildete Adjektive wie *angst, einerlei, eingedenk, egal, entzwei, feind, gewahr, gram, schade, schuld*. Auf Grund ihrer Verbindungsfähigkeit im Satz unterscheiden sich diese Adjektive stark voneinander: *entzwei* und *schade* stehen ohne weitere Ergänzungen:

Meine Hose ist entzwei.

Daß er nicht komm, ist schade.» [Helbig, Buscha 1974:282].

Или: в кыргызском языке имеется тенденция, что «прилагательные, образованные при помощи аффикса – *луу*, выступая в роли сказуемого, обозначают такие объектные, предметные качества, которыми обладают подлежащие: Кыргызстандын жери тоолуу...» [Жапар, 1992, ч. I: 334].

Таким образом, для достоверности сравнения немецких и кыргызских имён прилагательных в составе предложения в синтаксических позициях определения и сказуемого, необходимо применить четыре критерия анализа части речи прилагательного, имеющих свою основу в собственно грамматической стороне языка:

А) Во-первых, это разбиение всего частеречного класса немецких и кыргызских прилагательных на прилагательные качественные и прилагательные относительные;

В) Во-вторых, это различие полный и краткой грамматической формы имён прилагательным в обоих сопоставляемых языках;

С) В-третьих, это привлечение форм сравнительных степеней немецких и кыргызских прилагательных для определения их употребительности в той или иной синтаксической позиции;

Д) В-четвёртых, это учёт грамматико-семантической способности тех или иных немецких прилагательных быть употреблёнными в той или иной синтаксической позиции: определения или сказуемого.

А) В нашем немецкоязычном фактическом материале качественные прилагательные встречаются большей частью в качестве определения при существительном, т.е. употребляются атрибутивно. Что же касается относительных прилагательных, то они представлены в меньшей степени в синтаксической позиции определения при определяемом существительном.

Например:

1. *Gib mir den **neuen** Code!* [Plenzdorf].
2. *Es ist ein **einförmiges** Ding um das Menschengeschlecht* [Plenzdorf].

В кыргызскоязычном же материале наблюдается сходная с немецкой – в функции определения при существительном – превалируют прилагательные качественные, в то время как относительные прилагательные представлены в данной функции несколько в меньшей степени. Например:

3. *Алымсынат адамзат **Кызыгы жок** өмүрдүн* [Токомбаев].
4. *Жайкы күн жаңы тийип келаткандай* [Токомбаев].

Что же касается синтаксической функции сказуемого (именной части, предикатива в немецком сказуемом), то здесь также наблюдается сходная в обоих языках тенденция: и в немецком языке, и в кыргызском в грамматической позиции сказуемого более задействованы и более употребительны качественные прилагательные, нежели относительные прилагательные. Например:

5. *Ich bin jetzt leider **nicht so schlank*** [Камардина].
6. *Das Volk zum Feind ernannt geworden. Wofür? Ist niemandem **bekannt*** [Камардина].
7. *A – a кудрети **күчтүү** Алла!* [Бейшеналиев].
8. *Антпе, Аманат экөөбүздүн жайыбыз **башка** го* [Бейшеналиев].

Такое превалирование качественных прилагательных над относительными в обеих синтаксических функциях – определения и именной части сказуемого (сказуемого в кыргызском языке) – обусловлено, видимо, сходными в обоих языках моментами: в немецком языке «... качественные прилагательные называют свойства предмета или лица непосредственно, без соотнесения с чем-либо» [Абрамов, 2001: 251], а в кыргызском языке «сказуемые, выраженные именами прилагательными, могут обозначать разные качества подлежащего в зависимости от их грамматических свойств, т.е. степеней сравнения и способа образования» [Жапар, 1992, ч. II:333].

Приведём количественные данные по нашему сопоставительному анализу немецких и кыргызских качественных и относительных прилагательных при практической реализации в синтаксических функциях определения и сказуемого (именной части сказуемого):

В) Грамматический критерий различения прилагательных по полной и краткой формам теоретически приложим к обоим

анализируемым языкам, хотя практически и методологически он адекватным образом действует только в отношении немецких прилагательных, в отношении которых он имеет релевантную значимость. Дело в том, что в кыргызском языке имена прилагательные не имеют ни полной, ни краткой формы, они всегда выступают в одной и той же форме, которая, хотя и имеют разные обозначения: «неизменяемая часть речи» [Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975:57], «тубаса сөз түркүмү» [Кыргыз адабий тилинин грамматикасы, 1980:223], «словарная форма» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987:156], но все же обозначают одну языковую реальность - нулевую грамматическую форму слова, которая не претерпевает никаких видоизменений при сочетании с главенствующим существительным в составе предложения. «При склонении имён существительных, к которым относят прилагательные, изменяется только существительное, прилагательное же имеет всегда одну и ту же форму» [Ахматов, Давлетов, Жапаров, Закирова, 1975:57].

9. *Кабар алган киши жок,*

Кайгылуу чалдын алынан [Кедейкан. Олжобай менен Кишимжан].

10. *Көзүнөн аккан кара жаш,*

Эки беттен тарады [Кедейкан, Олжобай менен Кишимжан].

В примере 9) словоформа «кайгылуу» является производным прилагательным, образованным посредством суффикс «-луу», а в примере 10) «кара» является непроизводным прилагательным. При любом видоизменении грамматических форм словосочетания «кайгылуу чалдын» - пример 9) и «кара жаш» - пример 10) изменяются только существительные, определения же «кайгылуу» и «кара» имеют одну и ту же, никак не изменяемую форму.

Грамматический критерий полноты-краткости грамматической формы полномасштабно действует в системе прилагательных немецкого языка. Во-первых, данный критерий различает качественные и относительные прилагательные. Последние не имеют в качестве определения краткой формы, в то время как первые имеют в качестве определения обе формы: полную и краткую. Например, полная форма качественного прилагательного в синтаксической позиции определения:

11. *Schöner, unberührter Garten!* [Colette].

А также краткая форма качественного прилагательного в синтаксической позиции определения:

12. ...*Kirschen, die ich mit einer Nadel anstach und deren rosa Blut in runden Tropfen Zitterte...* [Colette].

Относительные прилагательные в немецком языке, не имеющие в качестве определения краткой формы, реализуются в этой функции только в полной форме; например:

13. *Diese monatliche Schamhaftigkeit!* [Colette].

Что же касается синтаксической функции сказуемого, а точнее, предикатива (именной части) в составе именного сказуемого, то здесь и качественные прилагательные, и относительные не имеют полной формы, а реализуются только в краткой форме, например:

14. *Er zog in eine Ecke, die am höchsten war* [Courths-Mahler];

15. *Dieses Dreiecke ist rechtwinklig* [Deutsch -2000].

Лингвистический анализ с применением грамматического критерия полных и кратких форм прилагательных касался, разумеется, в основном в немецких прилагательных, поскольку в системе кыргызских прилагательных имеется только одна неизменяемая форма прилагательных. Данная неизменяемая форма может по своему морфологическому строению представлять как неизменяемые корневые словоформы, так и неизменяемые производные словоформы. Но данное членение никоим образом не пересекается с членением прилагательных, а именно, немецких прилагательных на прилагательные с полной формой и прилагательные с краткой формой.

Количественные подсчёты немецких, а также и кыргызских имён прилагательных в свете применения критерия грамматических полных и кратких форм выявил нижеследующие цифровые данные, сведённые в схематизированном виде в подобие сопоставительной таблицы:

С) Что же касается критерия степеней сравнения прилагательных в обоих сопоставляемых языках, то здесь следует напомнить, что в названных языках степени сравнения имеют только качественные прилагательные, относительные прилагательные степеней сравнения лишены. Как отмечается в этой связи в теоретической грамматике немецкого языка: «У качественных прилагательных ... есть собственная морфологическая категория. Это категория степеней сравнения» [Абрамов, 2001:252; ср.: Лабер-Шувамова, 1965:29], которая подразделяется на: *der Positiv, der Komparativ* и *der Superlativ*.

Таблица №17
Синтаксические функции прилагательных (в свете критерия полных - кратких форм прилагательных)

Синтаксическая позиция	Немецкий язык	Кыргызский язык
Определения:	полная форма- 1259	Нет ни полной, ни краткой формы,
Качественные прилагательные	полная форма	имеется одна неизменяемая форма прилагательного - 3000
	краткая форма-41	
Относительные прилагательные	полная форма-708	
	нет краткой формы	
Сказуемое:		
Качественные прилагательные	нет полной формы	
	краткая форма-608	
Относительные прилагательные	нет полной формы	
	краткая форма- 384	
Всего: --3000 ед.	----3000 ед.	

«Заттардагы сын-сыпаттык көлөмдүк жана башка белгилер бирдей боло бербегендиктен, сын-атоочтун даражалары деген түшүнүк келип чыгат. Даражалар заттардын арасында бир белги боюнча канчалык айырма бар экендигин билгизет.

Сын атоочтун даражалары төртөө: 1) жай даража, 2) салыштырма даража; 3) чамалама даража; 4) күчөтмө даража» [Давлетов, Мукамбаев, Турусбеков, 1982:144; см. также: Абдувалиев, Садыков, 1997:100].

Качественные прилагательные имеют в синтаксической позиции определения в немецком языке две степени сравнения: *der Positiv* и *der Komparativ*, а также одну форму на *der...ste* в *Superlativ*. Формы *Superlativ* на *am...sten* немецкие прилагательные в синтаксической функции определения не имеют:

16. *Ich wollte ein neues Gespräch mit Dieter anfangen* [Plenzdorf] - *der Positiv*;

17. *Mein jüngerer Bruder war dabei* [Plenzdorf]- *der Komparativ*;

18. *Der klugste Gesprächspartner war dieser Professor Goebler* [Courths Mahler] - *der Superlativ*.

Кыргызские же качественные в кыргызском языке реализуют в качестве определения все четыре степени сравнения:

19. *Арыков бугун кооз койнок кийип келиптир* [Жусубалиев] – жай даража;

20. «*Ооруураак ишти баштадык го биз,*» - *деди Арыков* [Жусубалиев] – салыштырма даража;

21. *Көгүш асман үстүбүздө...* [Токомбаев] – чамалама даража;

22. *Кирип келген кишинин кыпкызыл бети бизге кызык көрүндү* [Жусубалиев] – күчөтмө даража.

Аналогичным образом и немецкие, и кыргызские качественные прилагательные реализует степени сравнения и в синтаксической функции сказуемого (немецкие прилагательные – в качестве предикатива):

23. *Das Mädchen war hübsch, aber mager* [Courths- Mahler]- der Positiv;

24. *Der Zigeuner war besser im Tanzen hier* [Courths- Mahler]- der Komparativ;

25. *Dieser Name war am bekanntesten* [Камардина] - der Superlative;

26. *Анын тебетейи жаңы экен* [Бейшеналиев] – жай даража;

27. *Айыл үстүнөн караганда кичинерээк экен* [Бейшеналиев] – салыштырма даража;

28. *Кыздын көзү көгүлжүм...* [Бейшеналиев];

29. *Ал жигит болсо мыктынын мыктысы* [Кедейкан, Олжобай менен Кишимжан].

Д) И последний критерий для достоверного сопоставительного анализа немецких и кыргызских прилагательных в их синтаксических функциях определения и сказуемого предполагает рассмотрение данной части речи как лексем, употребляемых или атрибутивно, или предикативно, или же употребляемых и в той, и в другой синтаксической позиции.

Так, в немецком языке имеются имена прилагательные, употребляемые и атрибутивно, и предикативно, т.е. они могут занимать синтаксические позиции как определений, так и сказуемых (его именной части) [см: Helbig, Buscha, 1974:276-277; Arssenjewa, Zyganowa, 2002:92-93].

«Zu dieser Gruppe gehört eine Zahl qualitativer Adjektive wie: klein, fest, billig, allgemein, konkret usw» [Helbig, Buscha, 1974:276].

Например:

30. *Nock saubere wäsche lagen auf dem Bett* [Plenzdorf];

31. *Das Innere des kleinen Zimmers war **sauber*** [Plenzdorf].

Многие немецкие прилагательные употребляются только атрибутивно, т.е. в синтаксической позиции определения:

32. *Ihr **ehemaliger** Mann betrat den Saal* [Colette].

Другие же немецкие прилагательные употребляются в составе предложения только предикативно, а именно, занимают позицию предикатива:

33. *Der Autofahrer war an dem Unfall **nicht schuld*** [Colette].

В кыргызском языке прилагательные всегда употребляются в двух синтаксических функциях: атрибутивно и предикативно, т.е. каждое прилагательное может являться в предложении как определением при существительном, как и сказуемым предложения. Если прилагательное в синтаксической функции определения обозначает цвет, вес, качество, вкус, объём и меру и т.п. признаки определяемого слова, то такие же признаки, но только уже определяемого подлежащего, оно выражает в синтаксической функции сказуемого [см.: Жапар, 1992, ч.1:333; Жапаров, 2007:95].

Например:

34. ***Карагай** тоолор алдыда* [Кожожаш].

35. *Ал дарактар **карагай*** [Кожожаш].

Таким образом, наш сопоставительный анализ имён прилагательных немецкого и кыргызского языков с позиций синтагматики выявил, что их синтаксические функции ограничиваются в обоих языках синтаксическими ролями определения и сказуемого, это во-первых, а, во-вторых, для достоверного изучения языкового материала с позиций синтагматики релевантными являются четыре семантико-грамматических критерия: А) различения качественных и относительных прилагательных, В) различения полный и краткой грамматической формы прилагательных, С) различения соотносённости степеней сравнения с позициями определения и сказуемого, и Д) различения атрибутивно и предикативно употребляемых прилагательных.

Падежное управление немецких имён прилагательных и их соответствия в классе кыргызских прилагательных

Частеречный класс прилагательных в теории не должен и не может управлять падежами ни в немецком, ни в кыргызском языках, поскольку они входят в группу существительного в синтаксической функции определения или же являются предикативной частью

именного сказуемого. Но практика немецкого языка показывает, что в нём имеются некоторые прилагательные, которые могут управлять падежами: родительным падежом - *der Genetiv*, дательным падежом - *der Dativ* и винительным падежом - *der Akkusativ* [см.: Бергман, Натанзон, 57: 98 – 99; Helbig, Buscha, 1974: 283].

Так, немецкие учёные Хельбиг и Буша насчитывают в своём теоритико-грамматическом изыскании всего 20 немецких прилагательных, управляющих родительным падежом – *der Genetiv*, 55 прилагательных, управляющих дательным падежом - *der Dativ* и 14 прилагательных, управляющих винительным падежом - *der Akkusativ* [Helbig, Buscha, 1974: 283]:

(1) *Genetiv*

bar, bedürftig, bewusst, eingedenk, fähig, froh, gewahr, gewärtig, gewiss, kundig, ledig, mächtig, müde, schuldig, sicher, überdrüssig, verdächtig, voll, wert, würdig;

(2) *Dativ*

ähnlich, angeboren, angemessen, angenehm, bange, begreiflich, behilflich, bekannt, bequem, beschwerlich, böse, dankbar, egal, eigen, einerlei, entbehrlich, ergeben, erinnerlich, erklärlich, erwünscht, feind, fremd, gefährlich, gefällig, gehorsam, geläufig, gemeinsam, gewachsen, gewogen, gleich(gültig), gram, günstig, heilsam, hinderlich, klar, lustig, lieb, möglich, nahe, nützlich, peinlich, recht, schädlich, treu, überlegen, verbunden, verhasst, verständlich, verwandt, wert (= lieb), wichtig, widerlich, willkommen, zugetan, zuträglich;

(3) *Akkusativ*

alt, breit, dick, groß, hoch, lang, schwer, stark, weit, gewöhnt, los, müde, wert, überdrüssig.

Приведём некоторые примеры на употребление означённых имён прилагательных немецкого языка и представим их функциональные эквиваленты в сравниваемом кыргызском языке. Начнём с анализа управления прилагательными **родительного падежа – *der Genetiv***:

1) *Charlie war seiner Sache **sicher*** [Plenzdorf] –

1 – а) *Чарли ишим жакшы аяктайт деген **ишенимде** болгон.*

2) *Charlie als ein neuer Angestellter war dieses Lobes **würdig*** [Plenzdorf] -

2 – а) *Жаңы ишкер катарында Чарли мындай мактоого **татыктуу** болчу.*

3) *Die Tätigkeit von Charlie war der Auszeichnung **wert*** [Plenzdorf] –

3 – а) *Чарлинин жасаган иштери мындай сыйлыкка туура келген.*

Во всех трёх немецких примерах употреблены прилагательные, управляющие родительным падежом – der Genitiv: 1): *sicher*, 2): *würdig* и 3): *wert*. Все данные прилагательные выступают в синтаксической функции именной части сказуемого – предикатива: 1): *war sicher*; 2): *war würdig*, и 3): *war wert*.

Немецкому именованному сказуемому с прилагательным-предикативом в кыргызском языке также соответствует именованное сказуемое с прилагательным - предикативом:

- 1) *war sicher* – 1а) *ишенимде болгон*;
- 2) *war würdig* – 2а) *татыктуу болчу*;
- 3) *war wert* – 3а) *туура келген*.

Так, в первом кыргызском примере 1 – а) прилагательное – предикатив имеет в своём управлении причастную группу на – *ган*: ишим жакшы аяктайт **деген**, однако в последующих кыргызских примерах имеется тенденция к управлению кыргызскими прилагательными дательным падежом – барыш жөндөмө: 2а): мактоого и 3 – а): сыйлыкка. Такое управление дательным падежом – барыш жөндөмө обусловлено, в первую очередь, смысловым содержанием прилагательных 2 – а): *ылайык*, и 3 – а): *туура*, поскольку вышеобозначенные существительные, являясь косвенным объектом действия, поясняют именованное сказуемое, а точнее, его предикативную часть.

Дательный падеж – der Dativ:

1) *Meine Schwester ist ihrer Mutter ähnlich* [Colette]. –

4 – а) Менин синдим энебизге **окшош**.

1) *Renand und sein älterer Sohn waren in ihrer Verhalten einander gleich* [Colette].

5 – а) *Ренат менен анын улуу уулу өзүнүн жүргөн-турганында бири бирине окшоштой көрүнчү.*

1) *Ein Mensch von starken Willen ist jeder Aufgabe gewachsen* [Colette]. –

6 – а) *Мындай адам күчтүү эрки менен берилген тапшырманы аткарууга мажбур.*

Немецким именованным сказуемым с предикативом-прилагательным, употреблённым в дательном падеже - der Dativ, в кыргызском языке однозначно соответствуют в функционально-семантическом аспекте такие же именные сказуемые, которые таким же образом управляют дательным падежом – барыш жөндөмө.

- 4) *ist ihrer Mutter ähnlich – 4-a): энбизгге окшош;*
- 5) *waren einander gleich – 5-a): бир бирине окшоштой көрүндү;*
- 6) *ist jeder Aufgabe gewachsen – 6-a): тапшырманы аткарууга*

мажбур.

В означенных кыргызских примерах имена существительные при именном сказуемом являются косвенными дополнениями. В этом случае «дательный падеж имеет значение адресата, обозначая лицо или предмет, к которому направлено действие» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 14 0].

Таким образом, в случае с управлением дательным падежом - der Dativ со стороны немецких прилагательных мы имеем идентичную картину и в кыргызском языке, где функционально соответствующие немецким кыргызские прилагательные также управляют дательным падежом – барыш жөндөмө существительных.

Винительный падеж – der Akkusativ

- 7) *Das Kind war ein Jahr alt [Colette] –*

7-a) Бала бир жашта болчу;

- 8) *Der Fluß war in ihrem Strom hier 20 Meter breit [Courths –*

Mahler]-

8-a) Дарыянын кенендиги бул жерде 20 метрдей болчу.

- 9) *Der Berg am oberen Fluß war tausend Fuß hoch [Courths-*

Mahler]-

9-a) Тоонун бийиктиги суунун башында миң кадамдай болчу.

Самую меньшую группу составляют в немецком языке прилагательные, которые управляют винительным падежом – der Akkusativ – всего 14 единиц, которые обозначают различные меры измерения: длину, высоту, ширину, возраст, объём и др. Так, в немецком примере 7) прилагательное *alt* обозначает меру измерения возраста, в 8)- *breit* обозначает меру измерения ширины, а в 9)- *hoch* меру измерения высоты. Они все управляют винительным падежом – der Akkusativ существительных:

- 7) *war ein Jahr alt;*

8) *war 20 Meter hoch; u*

9) *war tausend Fuß hoch.*

В кыргызском языке немецким прилагательным соответствуют также прилагательные в 7-a): бир жашта, 8-a): кенендиги, т 9-a): бийиктиги. Однако, если в немецком примере 7) прилагательное *alt*, как мера измерения возраста, разведено с существительным обозначением *ein Jahr*, как собственно возрастным обозначением 1) *war ein Jahr alt*, то в кыргызском языке прилагательное «жаш» и собственно возрастное

обозначение «бир» посредством употребления аффикса –*та* сведены в одну группу прилагательного- предикатива 1-а) бир жашта болчу.

Что же касается функционально-переводных кыргызских соответствий 8-а): *кенендиги* и 9-а): *бийиктиги*, то они управляют именами существительными, имеющими при себе заключающий аффикс -*дай*:

8-а) *кенендиги* --- 20 метрдей;

9-а) *бийиктиги* ---миң кадамдай.

Всё дело в том, что данный аффикс – *дай* выражает обозначение меры чего-либо, схожести и подобия с чем-либо. «Аффикс -*дай* (- *дей*, - *дай*, - *дөй*, - *тай*, - *туй*, - *төй*, - *той*) свободно сочетается со всеми именами...Очень продуктивен и по объему сочетаемости сближается с формообразующими аффиксами. Образует лексемы со значением сравнения, подобия, сходства по качеству» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987: 162].

Именно кыргызский аффикс – *дай* (и его варианты) обуславливает функциональное сходство при передаче немецких прилагательных, управляющих винительным падежом – *der Akkusativ* со значением меры измерения чего-либо, на кыргызский язык.

Можно подвести промежуточные результаты по сопоставительному изучению падежного управления немецких прилагательных и соответствующих им явлений в кыргызском языке.

Самым основным выводом является то, что немецкие имена прилагательные могут управлять тремя падежами существительных: родительным падежом – *der Genitiv*, дательным – *der Dativ* и винительным – *der Akkusativ*, занимая синтаксическую позицию именной части сказуемого- предикатива; в функции определения они не управляют никакими падежами.

Таблица № 18

Немецкий язык		Кыргызский язык
I/. Родительный падеж- - <i>der Genitiv</i> – 55 ед.	——	I/. (в основном) Дательный падеж барыш жөндөмө
II/. Дательный падеж - - <i>der Dativ</i> – 20 ед.	——	II/. Дательный падеж- барыш жөндөмө
III/. Винительный падеж- <i>der Akkusativ</i> – 14 ед.	——	III/. (в основном) имена существительные с суффиксом меры – <i>дай</i> .

Предложное управление немецких имён прилагательных и соответствующие им явления в классе кыргызских имён прилагательных

Флективный строй немецкого языка предполагает, что некоторые прилагательные в синтаксической функции именной части сказуемого могут быть употреблёнными в сочетании с предлогами в составе предложно-именной группы. А употребленные же немецкие предлоги имеют свое управление – они управляют двумя падежами: дательным падежом – *der Dativ* и винительным падежом – *der Akkusativ*.

Такое употребление немецких прилагательных в составе предложно-именного сочетания в предикативной функции обусловлено тем фактом, что данные прилагательные некогда произошли от других знаменательных частей речи: существительного, наречия, числительного или глагола, - которые обычно употреблялись с соответствующими предлогами. «*Endlich fasst man als relative Adjektive oft solche auf, deren Grundmorphem nicht adjektivisch ist, sondern anderen Redeteilen entnommen ist* [Admoni, 1960: 133; ср.: Helbig, Busche, 1974: 283-284].

В системе немецких прилагательных имеются такие лексические единицы, которые употребляются с определенным предлогом и управляют вместе с ними определенным падежом сочетающихся с ними существительных. Представим их по делению на дательный падеж – *der Dativ* и винительный падеж – *der Akkusativ*, также по предлогам и в соответствии с количеством прилагательных, употребляющихся с тем или иным предлогом:

Дательный падеж – *der Dativ*:

für: *bedeutungslos, bezeichnend, charakteristisch, geeignet, genug, interessant, nachteilig, nützig, notwendig, passend, schmerzlich, verderblich, vorteilhaft, wesentlich zuständig* – 16 прилагательных;

über: *ärgerlich, beschämt, bestürzt, betrübt, entrüstet, entsetzt, erbittert, erfreut, erstaunt, froh, glücklich, traurig, ungeduldig, verstimmt, zornig* – 15 ед.;

zu: *bereit, entschlossen, fähig, frech, freundlich, geschaffen, grob, lieb, niederträchtig* – 9 ед.;

gegen: *empfindlich, gefühllos, gleichgültig, grausam, hart, mißtrauisch, streng, taub* – 8 ед.;

mit: *befreundet, bekannt, einverstanden, fertig, verheiratet, verlobt, verwandt, zufrieden* – 8 ед.;

von: *abhängig, frei, krank, müde, schläfrig, überzeugt, verschieden, voll* – 8 ед.;

vor: *barge, blaß, bleich, sicher, starr, stumm* – 6 ед.;

an: *arm, interessiert, reich, schuld* – 4 ед.;

auf: *blind, lahm, taub* – 3 ед.;

bei: *behilflich, beliebt, verhaßt* – 3 ед.;

aus: *gebürtig* – 1 ед.;

um: *besorgt* – 1 ед.

Винительный падеж – der Akkusativ:

auf: *angewiesen, aufmerksam, begierig, böse, eifersüchtig, eingebildet, gefaßt, gespannt, neidisch, neugierig, stolz, wütend, zornig* – 13 единиц;

an: *gebunden, gewohnt* – 2 ед.;

in: *verliebt* – 1 ед.

Таким образом, с предлогами, управляющими дательным падежом – *der Dativ*, употребляются 84 немецких прилагательных, а с предлогами, управляющими винительным падежом – *der Akkusativ*, - всего 16 немецких прилагательных [ср.: Бергман, Натанзон, 1957: 99-100; Helbig, Buscha, 1974; 283- 285].

Приведём некоторые примеры на употребление немецких прилагательных, совместно с предлогами, управляющими дательным падежом – *der Dativ* и винительным падежом – *der Akkusativ*, и представим их кыргызские соответствия.

Немецкий дательный падеж – der Dativ:

1) *«Lieber Gott, es kann hier nicht passieren – diese Gegend ist arm an Büschen [Courths - Mahler] –*

1-а) *О кудаё, бул жерде андай окуя боло алмак эмес – бул жерде кырчын талдар аз.*

2) *Unser Land ist reich an Bodenschätzen [Deutsch - 2000].*

2-а) *Биздин өлкө жер байлыкка бай;*

3) *Frau Annie war mit der Antwort ihrer Tochter zufrieden [Colette] –*

3-а) *Анни-айым өзүнүн кызынын жообу менен ыраазы болду;*

4) *Die Herde war von dem guten saftigen Gras satt [Plenzdorf] –*

4-а) *Койлор ушундай суулуу ширелүү чөптөн ток болуп калды;*

5) *Claudine wurde niemals von der großen und interessanten Arbeit müde [Plenzdorf]*

5-а) *Клаудина мындай чон жана кызыктуу иштерден эч кандай чарчачу эмес.*

6) *Die Straßen waren voll von jubelnden Menschen [Камардина] –*

6-а) *Көчөлөрдө майрамдап жүргөн адамдар көп* болчу.

7) Die Schüler waren an diesem Tag frei vom Unterricht
[Камардина] –

7-а) *Окуучулар ошол күнү сабактардан бош болгон.*

Сразу отметим, что предлоги – это грамматическая категория, присущая языкам индоевропейским, а среди них германскому немецкому языку, но отсутствующая в языках тюркских, а среди них в кыргызском.

Адекватное переводное соответствие немецкого прилагательного с предложным управлением предполагает передачу в кыргызском языке семантики как прилагательного, так и предлога. Наш сопоставительный анализ показывает, что немецкие прилагательные с предложным управлением передаются в кыргызском языке тремя способами. Во-первых, в кыргызском языке они выражаются описательным способом, главное в таком описании, чтобы выразить в кыргызском языке значение прилагательного, занимающего в немецком языке только синтаксическую позицию именной части сказуемого, а также чтобы выразить значение немецкого дательного падежа – *der Dativ*. Такое описательное выражение исходного немецкого прилагательного с предлогами, управляющими дательным падежом, мы имеем в примерах:

1) *arm an Büschen* – 1-а): *кырчын талдар аз*;

5) *niemals von der Arbeit müde* – 5-а): *мындай иштерден чарчачу эмес*;

6) *voll von Menschen* – 6-а): *адамдар көп*.

Во-вторых, в кыргызском языке немецкие прилагательные, имеющие предложное управление дательного падежа, переводятся посредством имен существительных, употреблённых в различных косвенных падежах. Данные косвенные падежи прямо передают не столько семантику прилагательного, а сколько семантику немецкого предлога. «Другими средствами, соответствующими предлогам немецкого языка, в кыргызском языке являются падежные аффиксы, которые как реляционные морфемы выражают отношение данного слова к другим словам в предложении или словосочетании» [Джолдошбеков, 1970:88].

Так, в кыргызских примерах мы имеем существительные в косвенных падежах, соответствующих немецким прилагательным с предлогами, управляющими дательным падежом:

2) *reich an Bodenschätzen* – 2-а): *жер байлыкка бай* (дательный падеж –

барыш жөндөмө);

4) *von dem Graß satt* – 4-а): *ушундай чөптөн* ток (исходный падеж –

чыгыш жөндөмө);

7) *frei vom Unterricht* – 7-а): *сабактардан* бош жөндөмө (исходный

падеж – чыгыш жөндөмө)

И, в-третьих, только в одном случае, в примере 3) – 3 – а) из всех наших примеров мы имеем более или менее прямое соответствие немецкого предлога в кыргызском языке, если за таковое признать кыргызский послелог. Обычно в сопоставительном кыргызском языкознании за приблизительный аналог немецкого предлога засчитывают послелог. Если предлог признается служебной частью речи, употребляющийся с существительными или словами, выполняющими роль существительных и показывающий отношение существительного (или другого имени) к другим членам предложения, то в сопоставительном языкознании отмечается, что такие грамматические функции в тюркских языках, а среди них в кыргызском выполняет послелог. «Близкими по значению к предлогам в кыргызском языке являются послелогии. В типологическом плане общим между немецкими предлогами и кыргызскими послелогии являются то, что они выражают синтаксические отношения, управляют падежом имён, управляются глаголами, являются служебными элементами и, наконец, участвуют в оформлении членов предложения» [Джолдошбеков, 1969: 20-21; ср.: Сагынбаев, 1969: 22; Ысакулов, 1995: 22].

Однако речь идёт в вышеназванных случаях с немецкими и кыргызскими лексическими единицами о том, что предлоги стоят перед (пред) существительными или субстантивированными словами, а послелогии после данных существительных, таким образом, считается, что немецкие предлоги и кыргызские послелогии отличаются друг от друга в основном позиционным размещением: перед – после.

Но в наших примерах немецкие предлоги употребляются в сочетании с прилагательным, вместе с которым они управляют немецким дативом и аккумулятивом. И, видимо, такое сочетание с прилагательным накладывает ограничения на их перевод с немецкого на кыргызский – только в одном примере мы имеем соответствием в кыргызском языке кыргызский послелог: 3) *mit der Arbeit zufrieden* – 3-а): жообу менен ыраазы.

Немецкий винительный падеж – der Akkusativ:

8) *Die Bewohner des hohen Nordens sind an das kalte Klima gewöhnt* [Deutsch - 2000] –

8-а) *Алыскы тундук жакта жашаган тургундар мындай суук климатка көнгөн*;

9) *Frau Annie war auf die Erfolge ihrer Tochter stolz*. [Colette] –

9-а) *Анни – айым өзүнүн кызынын уйгиликтерине сыймыктанган*;

10) *Berty war über diese Nachricht froh* [Courths - Mahler]. –

10-а) *Берти бул маалыматка сүйүнүп калды*;

11) *Vielleicht war ich damals in dieses Mädchen verliebt*. [Colette].

11-а) *Мүмкүн мен ал кызды сүйүп калгандырмын*;

12) *«Bin ich auf dich zornig?»* [Plenzdorf] –

12-а) *Менин жиним сага келип жатабы?*

Сопоставительное рассмотрение немецких прилагательных, совместно с предлогами управляющих винительным падежом - der Akkusativ, и их кыргызских соответствий выявило, что в кыргызском языке в качестве таких соответствий обычно задействуются два языковых средства. Во-первых, функциональным соответствием в кыргызском языке выступают описательные конструкции:

8) *an das Klima gewöhnt* – 8-а): *мындай климатка көнгөн*;

9) *auf die Erfolge stolz* – 9-а): *уйгиликтерине сыймыктанган*;

11) *in dieses Mädchen verliebt* – 11-а) *ал кызды сүйүп калгандырмын*;

И, во-вторых, немецким прилагательным, имеющим предложное управление винительным падежом – der Akkusativ, в кыргызском языке соответствуют прилагательные, имеющие при себе существительные в косвенных падежах, большей частью в дательном падеже – барыш жөндөмө:

10) *über diese Nachricht froh* – 10-а): *бул маалыматка сүйүнүп*;

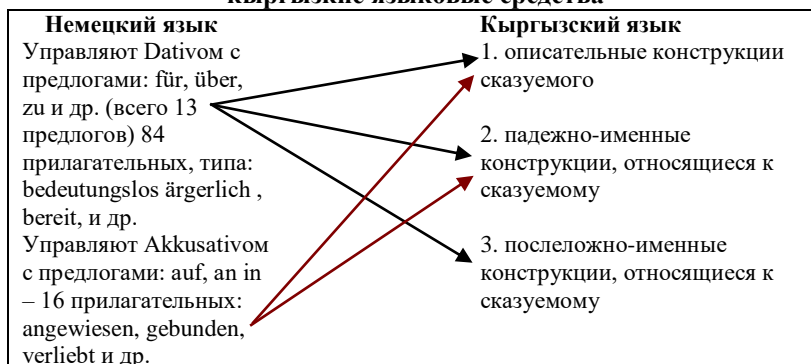
2) *auf dich zornig* – 12 – а) *сага келип*

Таким образом, предложное управление немецких имён прилагательных имеет место только в одном случае, когда они употребляются в синтагматике в синтаксической функции именной части сказуемого (предикативно), также все их кыргызские соответствия, которые эксплицируются через описание и другие падежно-именные или послеложно-именные конструкции, принадлежат к группе сказуемого и определяют предмет речи в той или иной связи.

В немецком языке предложное управление прилагательных имеет в своём распоряжении два падежа: родительный – *der Genitiv* и винительный – *der Akkusativ*. Они имеют функциональными соответствиями в кыргызском языке три способа. Во-первых, способ описания, во-вторых, способ сочетания прилагательного с существительным, употреблённым в косвенном падеже (обычно в дательном – *барыш жөндөмө* и в исходном падеже – *чыгыш жөндөмө*), и, в-третьих, в некоторых случаях кыргызские прилагательные имеют при себе существительные с послелогами.

Выразим всё вышеизложенное схематически:

Таблица №19
Немецкое предложное управление и соответствующее им кыргызские языковые средства

В данной схеме отсутствует отношение немецкого *Akkusativ* к кыргызским послеложно-именным конструкциям, поскольку таковое не обнаружено в процессе сопоставительного анализа.

Валентностные свойства немецких и кыргызских прилагательных

Термин «валентность» трактуется в современном языкознании как «... способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 79]. В русское советское языкознание данный термин впервые ввёл известный учёный-языковед С.Д. Кацнельсон, который определял его как «... свойства слова определённым образом реализоваться в

предложении и вступать в определённые комбинации с другими словами» [Кацнельсон, 1948: 132].

В языкознании имеются две точки зрения на проблему валентности. Первая имеет хождение в западноевропейской лингвистике и считает валентность только грамматическим свойством одной части речи – глагола. В соответствии с таким пониманием различаются глаголы безвалентные (типа: *вечереет*), одновалентные (*Карл считает*), двухвалентные (*Карл читает книгу*) и трёхвалентные (*Карл читает книгу вслух*) [Busse, 1974: 16-17]. Данное понимание валентности является, таким образом, узким, оно ограничивается валентными свойствами только глагола и оказывает в наличие валентности другим частям речи.

Но в современном языкознании имеется и другая точка зрения на проблему валентности, которая была обоснована в русском советском языкознании во второй половине прошлого века. На основе применения морфологического, синтаксического и семантического критериев анализа языкового материала, соотнесённых в комплексе, свойство валентности было выделено почти у всех частей речи, начиная от именных, знаменательных слов и заканчивая служебно-строевыми лексемами [см.: Степанова, Хельбиг, 1978: 56-57]. И, соответственно, такому широкому пониманию валентности прилагательные были выделены как слова, обладающие в системе языка полнозначной валентностью.

«Прилагательные в качестве ядерного слова в словосочетании сочетаются с существительными, глаголом, наречием. Наиболее продуктивными в адекватных словосочетаниях являются словосочетания с наречием – зависимым словом» [Найманова, 2004: 64; ср.: Рыскулова, 2008: 12-13; Айдыралиева, 2011: 14-15].

Исходя из вышеизложенного, мы присоединяемся ко второй точке зрения, так как имена прилагательные являются носителями полнозначной валентности. Такое понимание распространено и в германском языкознании [см.: Нидерквель, 1978: 24; Шендельс, 1988: 202-203; Найманова, 1995: 14-15].

Сразу отметим, что понятие валентности, широко разрабатываемое в германском языкознании, в сопоставительном языкознании распространяется и на кыргызский язык, на кыргызские части речи [см.: Найманова, 1995: 14; Рыскулова, 2008: 12; Айдыралиева, 2011: 15].

Явление валентности имён прилагательных, плодотворно разрабатываемое в основном в германском языкознании, имеет две

градуированные степени классификации, «... определяющие её реализацию:

1. Общий тип валентности: активная валентность (способность слова присоединять зависимый элемент) / пассивная валентность (способность слова присоединяться к господствующему компоненту сочетания). 2. Облигаторность валентности: обязательная / факультативная валентность (понятие, соотносимое с сильным и слабым управлением)» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 80; см. также: Степанова, Хельвиг, 1978: 200-201; Найманова, 1995: 15-16; Schendels, 1979: 194-195].

I. Валентностная по корреляции высокого уровня распадается, таким образом, на валентность активную, когда анализируемое нами прилагательное подчиняет себе соотнесенный с ним член словосочетания, и на валентность пассивную, когда прилагательное подчиняется с соотнесённым с ним членом сочетания. Рельефно и явно такая валентностная корреляция проступает в немецком языке, где активная валентность проявляется в синтаксической функции именной части сказуемого (предикатива), а пассивная валентность проявляется в синтаксической функции определения. И хотя в обоих случаях немецкое прилагательное выражает признак, качество или свойство обозначаемого предмета, но предикативное обозначение предполагает активную валентность прилагательных, а атрибутивное – пассивную валентность. Приведём в этой связи некоторые примеры из собранного нами фактического языкового материала.

Активная валентность немецких прилагательных:

1) *Charlie war seinem Vater bei der Gartenarbeit behilflich* [Plenzdorf];

2) *Ich dachte damals stets, daß Old Willi, obwohl er ein Junge war, seiner Mutter in Gesichtszügen ähnlich aussah* [Plenzdorf];

3) *Die linke Wand ist über vier Meter hoch* [Colette];

4) *Er war selber daran schuld* [Couths - Mahler];

5) *Unser Land ist arm an Bodenschätzen* [Deutsch-2000].

В немецких примерах 1) - 5) все употреблённые прилагательные обладают активной валентностью, поскольку они доминируют в предикативном словосочетании и управляют зависимыми от них языковыми элементами:

1) *behilflich* ⊃ *seinem Vater*;

2) *ähnlich* ⊃ *seiner Mutter*;

3) *hoch* ⊃ *über vier Meter*;

4) *schuld* ⊃ *daran*;

5) *arm* ⊃ *an Bodenschätzen*.

Символ [⊃] указывает, что языковой элемент, стоящий слева, доминирует (управляет) над языковым элементом, стоящий справа.

Доминирование и управление со стороны немецкого прилагательного обусловлено двумя факторами: с одной стороны, семантикой прилагательных, а с другой, грамматической формой и сочетаемостью данных прилагательных. Опускание многих сочетающихся с прилагательным элементов возможно, но даже без данных опущенных элементов структурно-семантическая природа прилагательных остается активной, доминирующей и в потенции управляющей [ср.: Гак, 1976: 80; Бекбалаев, 1990:35].

Пассивная валентность немецких прилагательных:

6) *Ich schüttle ihren mageren Arm, der unter dem blaßblauen Schlafrock nackt ist* [Colette];

7) *Ein verächtliches Lächeln huschte um ihren Mund* [Courths-Mahlers];

8) *Befehl den letzten Fruchten voll zu sein.* [Камардина];

9) *Die guten Dinge des Lebens sind alle Kostenlos* [Камардина];

10) *Einen italienischen Film sollten wir uns ankucken*[Plenzdorf].

Отличие пассивной валентности немецких прилагательных заключается в том, что активной валентности свойственно синтаксические функции прилагательных. Как было показано выше, при активной валентности прилагательные занимают синтаксическую позицию именной части сказуемого. В шестом и десятом примерах немецкие прилагательные занимают синтаксическую позицию определения, и являются пассивной валентностью. Так, во всех примерах прилагательные не доминируют, а напротив, являются зависимыми элементами в составе словосочетания:

6) *ihren Arm* ⊃ *mageren*;

7) *dem Schlafrock* ⊃ *blaßblauen*;

8) *den Fruchten* ⊃ *letzten*;

9) *die Dinge* ⊃ *guten*;

10) *einen Film* ⊃ *italienischen*;

Пассивная валентность проявляется в синтагматике, в составе адъективно-именного словосочетания. В парадигме, при склонении существительных, прилагательные выступают как зависимый элемент, так как склонение существительного определяет тип склонения немецких прилагательных. Так, во всех примерах немецкого языка можно наблюдать слабое склонение прилагательных: 7) *dem blaßblauen*

Schlafrock; 8) *den letzten Fruchten*; 9) *die guten Dinge* и склонение смешанное: 6) *ihren mageren Arm*; 10) *einen italienischen Film*.

Перейдём теперь к рассмотрению валентности прилагательных в сопоставляемом кыргызском языке, которая классифицируется в несколько иной плоскости. Здесь уже релевантным представляется только корреляция по синтаксической функции: кыргызские прилагательные в функции сказуемого и кыргызские прилагательные в функции определения. Такая валентностная корреляция выступает на первый план в связи с неизменяемостью грамматической формы кыргызского прилагательного, которое, с одной стороны, никак не управляет соотносительным с ним элементом в составе словосочетания, а с другой стороны, оно и не подчиняется данному элементу, поскольку находится с ним в синтаксической связи примыкание [ср.: Ахматов, Давлетов, Жапаров, Захарова, 1975: 57; Кыргыз адабий тилинин грамматикасы, 1980; 222-223; Найманова, 1995; 13-14].

Валентность кыргызских прилагательных в синтаксической позиции сказуемого:

11) *Чабандын ал сөзү бизге катуу эскертүү болду* [Жусубалиев];

12) *Кышкы суук бул тоолордо абдан катуу* [Жусубалиев];

13) *Кычан ичинде да, сырттында да убадага бекем* [Бейшеналиев];

14) *Бсакундун көңүлү жок эле* [Бейшеналиев];

15) *Бирок ал жол өтө узун жана коркунучтуу болор эле* [Бейшеналиев];

В вышеприведённых примерах кыргызского языка имена прилагательные в составе словосочетаний не являются доминирующими элементами, они являются по семантическо-грамматическому статусу равнозначными соотносительным с ним именами, а кыргызские прилагательные являются неизменяемой частью речи и сохраняют в словосочетании одну и ту же грамматическую форму (ср.: Сапарбаев, 1997: 87; Иманов, 2009: 42-43)

Валентность кыргызских прилагательных в синтаксической позиции определения:

16) *Чын кайберен мен болсом* [Кожожаш];

17) *Эрдигин мунун карачы,*

Эр Молдожаш баланы [Кожожаш];

18) *Кантти чыдайт сагынбай,*

сагынышкан балдарын [Кедейкан, Олжобай менен Кишимжан];

19) *Жаман айтып сөкпөгүн* [Кедейкан, Олжобай менен Кишимжан];

20) *Апакай ай нурунда жаш маралдай жайдары, жайбаракат жүрөр элең* (А. Токомбаев).

Во всех примерах употреблены прилагательные, которые занимают синтаксические позиции определения при определяемых существительных: в шестнадцатом *чын*, в семнадцатом *эр*, в восемнадцатом *сагынышкан*, в девятнадцатом *жаман* и в двадцатом *апакай*; *жаш*. Данные прилагательные (определения) семантически подчинены соотносимым с ними существительным, но на грамматическом уровне непосредственного подчинения не наблюдается, поскольку они являются в качестве прилагательных неизменяемыми словами и соединены с определяемым существительным посредством грамматической связи примыкания. «Примыкание (ыкташуу) – багыныңкы сөздөрдүн атайын мүчөлөрүнүн жардамысыз алган орду жана маанилик катышы боюнча багындыруучу сөз менен байланышы; мисалы: *темир жол*; *алтын саат*; *мыкты иштөө*; *досторго жолугушуу* ж. б.» [Орозбаева, 1972: 240-241].

Таким образом, можно полагать, что валентностные свойства кыргызского прилагательного в структуре синтаксического предложения не являются ни активными, ни пассивными, как это наблюдается в случае с немецкими прилагательными. Кыргызские прилагательные, в отличие от немецких прилагательных, которые являются грамматически изменяемыми частями речи, обладают грамматически неизменяемой формой, которая остается таковой не только в статике и парадигматике, но и в динамике и синтагматике. Прилагательные кыргызского языка в синтаксических функциях (сказуемого и определения) остаются грамматически нейтральными с позицией теории валентности, которые относятся к различным языковым элементам. Они в обеих синтаксических позициях (сказуемого и определения) проявляют предикативные и арибутивные функции, которые грамматически не являются ни активными, ни пассивными. Они являются как бы нейтральными, между прилагательным и соотносённым с ним языковым элементом можно поставить знак нейтральности и равенства:

В синтаксической позиции сказуемого:

11) *бизге* =катуу эскертүү;

12) *Бул тоолордо* =абдан катуу;

13) *Убадага* =бекем;

14) *Көңүлү* =жок;

15) *Ал жол=өтө узун жана коркунучтуу;*

В синтаксической позиции определения:

16) *Чын=кайберен;*

17) *Эр=Молдожаш;*

18) *Сагынышкан=балдарын;*

19) *Жаман= айтып;*

20) *Апакай=ай нурунда;*

Жаш=маралдай;

II. Валентность более низкого уровня, нежели чем корреляция активной и пассивной валентности, проявляется в германских языках, а среди них в немецком, в соотношении облигаторной и факультативной валентности. Почему это соотношение принадлежит низкому уровню валентности прилагательных, - так это потому, что облигаторность и факультативность (необлигаторность) является валентностным признаком прилагательных, а именно, немецких прилагательных, не всех прилагательных, а только тех, которые занимают синтаксическую позицию сказуемого (его предикатива). Проведем анализ в классической методологии лингвистического сопоставления – с применением сопоставительно-переводного метода.

Например: **Облигаторная валентность немецких и кыргызских прилагательных:**

21) *Annie war des Wartens überdrüssig [Colette] -*

22) *Анни күткөндөн жасагандай болду;*

23) *Die Schüler waren beschlagen in der Physik [Deutsch-2000] –*

24) *Окуучулар физикадан тын болчу;*

25) *Wir wurden dieses Mannes ansichtig [Plenzdorf]-*

26) *Биз ал кишини көргөндөй болдук;*

Факультативная валентность немецких и кыргызских прилагательных:

27) *Unser land ist reich (an Bodenschätzen) [Deutsch-2000]-*

28) *Биздин өлкө (казылып алынган кеңдерге) бай:*

29) *Sie war (in ihrem Beruf) füchtig [Deutsch -2000]-*

30) *Ал аял (өзүнүн кесиби боюнча) тын болчу;*

31) *Der Junge war geschickt (im Fußball) [Deutsch-2000]-*

32) *Бала (футболдон) кыйын болчу.*

В немецком языке в синтаксической позиции именной части сказуемого выступают зачастую такие прилагательные, которые требуют для себя зависимого валентностного партнёра, стоящего в определённом падеже или же требующего определённого предложного управления – в этом случае имеет место так называемая облигаторная

(обязательная) валентность. Так, в немецком примере 21) прилагательное – предикатив *überdrüssig* требует для себя обязательного существительного в Genitive:

21) *überdrüssig* ⊃ *des Wartens*.

Аналогичное наблюдается и в немецком примере:

25) *ansichtig* ⊃ *dieses Mannes*.

В немецком примере 23), однако, уже прилагательное *beschlagen* требует для себя валентностного партнера с предложным управлением:

23) *beschlagen* ⊃ *in der Physik*.

Однако наш переводно-смысловый метод показывает, что и в кыргызском языке в их функциональных соответствиях прилагательные также обладают облигаторной валентностью, поскольку они так же, как и в немецком языке, требуют для себя обязательных валентностных партнеров. Так кыргызское прилагательное в позиции сказуемого «жадагандай» требует для себя обязательного партнера, выраженного существительным в исходном падеже:

22) *жадагандай куткөндөн*.

Аналогичное наблюдается и в последующем примере:

24) *тың* ⊃ *физикадан*

А в примере 26) прилагательное – предикатив «көргөндөй» требует для себя обязательного валентностного партнера, выраженного существительным в винительном падеже – илик жөндөмө:

26) *көргөндөй* ⊃ *ал кишини*.

Сопоставительно-переводной метод позволяет утверждать, что факультативная валентность, присущая многим немецким прилагательным, присуща также и их кыргызским соответствиям. Так, в немецком языке прилагательные *reich*, *tüchtig* и *geschickt* обладают факультативной валентностью. Аналогичным образом и их переводные соответствия в кыргызском языке также обладают факультативной (необязательной) валентностью. Сравним:

27) *reich* (*an Bodenschätzen*) 28): *бай* (*казылып алынма кендерге*);

29) *tüchtig* (*in ihrem Beruf*) 30): *тың* (*өзүнүн кесиби боюнча*);

31) *geschickt* (*im Fußball*) 32): *кыйын* (*футболдон*).

Таким образом, сопоставление валентностных характеристик немецких и кыргызских прилагательных в их синтаксических функциях сказуемого и определения показывает, что немецкие прилагательные в функции сказуемого (предикатива) обладают активной валентностью, а

в функции определения (аттрибутива) – пассивной. В то время как кыргызские прилагательные в обеих функциях проявляют нейтральную валентность в связи с неизменяемостью их грамматической формы. Данная активная и пассивная валентность является высокой степенью валентностной корреляции, присущей прилагательным в обоих языках.

Валентностная же корреляция: обязательная - факультативная (необлигаторная) валентность – принадлежит к более низкому уровню валентностных характеристик прилагательных, поскольку в обоих языках такое коррелятивное соотношение проявляют прилагательные лишь в синтаксической позиции сказуемого (его предикатива). В обоих языках на этом уровне проявляются сходные свойства: обязательной валентности немецких прилагательных-предикативов соответствуют таковая у кыргызских, факультативной валентности немецких прилагательных предикативов соответствует таковая кыргызских прилагательных предикативов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целесообразность и необходимость проведенного нами сопоставительно - лингвистического исследования частеречной категории имен прилагательных в немецком и кыргызском языках подтверждается не только собственно лингвистическими научными результатами, полученными в ходе предпринятого анализа, но также и факторами внелингвистическими, связанными с возрастанием роли национального государственного кыргызского языка, а также с непосредственным контактированием носителей государственного кыргызского языка с носителями одного из самых значимых европейских языков-немецкого языка.

Можно полагать, что поставленная в работе цель сопоставительного исследования прилагательных немецкого и кыргызского языка является достигнутой, поскольку в ходе проведенного лингвистического анализа были полностью разрешены все заявленные для достижения означенной цели научно-исследовательские задачи.

1. Сопоставительное германо-тюркское языкознание, рассматриваемое как составная часть общего и сопоставительно-типологического языкознания, содержит ряд серьезных и фундаментальных работ по частеречной теории знаменательных слов, и среди них прилагательных.

2. Сопоставление немецких и кыргызских прилагательных на парадигматическом уровне показывает, что, конечно же, типологический строй языка влияет на содержательное формирование той или иной части речи, в том числе и на имя прилагательное. Если прилагательное флективного немецкого языка показывает четыре грамматические категории: рода, падежа, числа и степеней сравнения, то прилагательное агглютинативного кыргызского языка показывает только одну грамматическую категорию степеней сравнения, да и то не является полностью сходной с таковой исходного немецкого языка.

На парадигматическом уровне кыргызское прилагательное, являясь полностью неизменяемой частью речи, отличается от прилагательного немецкого, которое обладает тремя типами склонения (слабое, сильное и смешанное) ввиду флективной изменчивости своей грамматической формы.

3. Лингвистическое сопоставительное изучение немецких и кыргызских прилагательных на синтагматическом уровне показывает, что здесь они несколько уподобляются друг другу при исполнении

сходных синтаксических функций определения и сказуемого. Но и здесь в синтагматике высвечиваются парадигматические свойства прилагательного: его агглютинативная неизменяемость в кыргызском языке и его флективная изменчивость в немецком: ср.: *Биздин үйгө жакшы достор келди. Zu uns kamen ins Haus unsere guten Freunde.*

Однако и в синтагматике, даже при некотором уподоблении их синтаксических функций, сохраняется влияние языкового типа: во флективном немецком языке имя прилагательное занимает только синтаксическую позицию именной части сказуемого, предикатива, т. е. части сказуемого, в то время как в агглютинативном кыргызском языке прилагательное выступает собственно сказуемым, единолично исполняя синтаксическую функцию всего сказуемого; ср.: *Student ist eifrig-Ал студент тырышчаак.*

4. Лингвометодический аспект практического изучения прилагательных иностранного немецкого языка в условиях родного кыргызского осложняется не столько различием в типологическом строе языков, а, сколько явлением межъязыковой интерференции, когда признак неизменяемости родного кыргызского прилагательного индуктивно переносится на иностранное немецкое прилагательное; от этого студенты совершают все грамматические ошибки при употреблении данной иноязычной части речи.

Однако, исходя из основного принципа изучения иностранных языков - овладение иноязычной речевой деятельностью, следует при введении, объяснении, закреплении и автоматизации навыков употребления грамматические материалы немецкого прилагательного в условиях родного кыргызского языка предъявлять в такой системе ситуативно-коммуникативных упражнений, в которой доминирует критерии постепенного усложнения фактического языкового материала.

Все три теоретических положения, вынесенные на защиту, нашли свое подтверждение в процессе проведенного в работе сопоставительного анализа.

Во-первых, выяснилось, что тип языка - флективный немецкого и агглютинативный кыргызского - самым непосредственным образом влияет на сущность, природу и употребление частеречного класса прилагательных. Так, к примеру, в парадигматике языковой тип детерминирует в немецком изменяемость и, соответственно, систему немецкого склонения прилагательных; а в кыргызском прилагательное остается неизменным и, следовательно, не обладает никаким склонением.

Во-вторых, подтверждается всем ходом сопоставительного анализа, что именно в парадигматике выявляется больше расхождений между системами немецких и кыргызских прилагательных, чем в синтагматике; и это, вероятно, следует объяснять различием в их структурно-морфологической организации, проявляющейся в парадигматике, и схожестью их синтаксических функций в составе предложения в синтагматике.

И, в-третьих, типологическое различие между флективным немецким прилагательным и агглютинативным кыргызским самым непосредственным образом влияет на лингвистическую методику изучения данной части речи немецкого языка в условиях родного кыргызского. Данное влияние имеет большие отрицательные нюансы, чем положительные, поскольку структурно-типологическое отличие немецкого прилагательного от такого кыргызского осложняет процесс обучения в кыргызскоязычных группах.

Сходства между немецким и кыргызским прилагательным больше относятся к синтагматическому уровню языка, где они показывают сходные синтаксические позиции определения и сказуемого (его именной части). В самом общем виде эти сходства эксплицируются в синтагматике, но там же, на данном синтагматическом уровне, проявляются и несходства, заключающиеся в различном падежном управлении немецких и кыргызских прилагательных, а также и в наличии предложного управления немецких прилагательных, а предлоги отсутствуют в кыргызском языке, хотя в нем имеются функционально подобные послелого.

Несходства больше относятся и уровню парадигматики, где резко различаются сущностные грамматические категории, морфологические показатели и значения аффиксов, свойственных в обоих языках прилагательным. Однако и в парадигматике имеются некоторые сходства, например, некоторых суффиксов прилагательных, а также и грамматических форм сравнения.

Видимо, наличие большого количества сходств в синтагматике и наличие большого количества несходств в парадигматике обусловлено тем простым фактом, что в речевой деятельности складываются все ассоциативно-смысловые ассоциативные несоответствия, в нашем случае относящиеся к частеречной грамматической категории немецкого прилагательного, а также и прилагательного кыргызского.

В плане дальнейших перспектив исследования представляется полезной и адекватной разработанная в данном исследовании

методология и методика сопоставительного изучения и для других частеречных категорий, свойственных немецкому и кыргызскому языкам, а также и другим иностранным языкам-английскому, немецкому-при их сравнении с языком кыргызским, то есть методология сопоставительного изучения немецких и кыргызских прилагательных может быть применена и при изучении других частей речи: числительных, местоимений, частиц и др., и при этом может быть применена не только в сопоставительном немецко-кыргызском языкознании, но и в языкознании англо-кыргызском и французско-кыргызском.

Результаты, выводы и положения настоящей работы выявляют, что комплексные парадигматический (ассоциации по смыслу) и синтагматический (ассоциации по смежности) подход способствуют получению адекватности и достоверности исследования языкового материала, изучаемого в сопоставительном плане, особенно когда данный материал избран из языков разнотипных и генетически неродственных, каковыми являются немецкий и кыргызский языки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абдувалиев Н.** Кыргыз тилинин морфологиясы: «Кыргыз тили жана адабияты» адистиги боюнча жогорку окуу жайлардын студенттери үчүн окуу китеби. – Бишкек: б. у. и., 2008. – 284 б.
2. **Абдувалиев Н., Садыков Т.** Азыркы кыргыз тили: Морфология. Жогорку окуу жайлардын филологиялык факультетинин студенттери үчүн окуу китеп. Бишкек: «Айбек» фирмасы, 1997. – 296 б.
3. **Абрамов Б. А.** Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: Учебник для студ. вузов. – М.: Гуманитарное издательство. Центр ВЛАДОС, 2001. – 288 с.
4. **Адмони В. Г.** Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. – Л.: Наука, 1988. – 239 с.
5. **Азыркы кыргыз адабий тили.** – Бишкек, 2010. – 928 б.
6. **Айдыралиева Г. М.** Семантико-валентностное сопоставление кыргызских служебных имён и их функциональных соответствий в английском языке: Б., 2011. – 213 с. дис...канд. филол. наук
7. **Аракин В. Д.** Сравнительная типология английского и русского языков: Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Иностранный язык» – 2-е издательство. – М.: Просвещение, 1989. – 254 с.
8. **Арсеньева М. Г., Балашова С.П., Берков В. П. и др.** Введение в германскую филологию: Учебник для I – II курсов филологического факультета университетов – М.: Высшая школа, 1980. – 319 с.
9. **Аргюнова Н. Д.** О значимых единицах // Исследования по общей теории грамматики / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1986. – С. 58-116.
10. **Атакеева А. А.** Структурно-семантические особенности глаголов лексико-семантической группы чувства «любить» (на матер. английском, немецком и кыргызском языков): Автореферат диссертации кандидат филологических наук. – Бишкек, 2007 – 26 с.
11. **Атакулова М. А.** Инвариантное в прономинальной парадигме языка. Бишкек, 2010. – 65 с.

12. **Атлас языков мира:** Происхождение и развитие языков во всем мире / консультанты издания: Б. Комри, С. Мэттьюс, М. Полинский / перевод с английского / – Словакия: Лик пресс, 1998. – 224 с.
13. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов – 2-е издательство, доп. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 609 с.
14. **Бакеева Д. Х.** Сопоставительная фонетика английского и татарского языков. Учебное пособие Казань: Издательство Казанского университета, 1985. – 130 с.
15. **Балли Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка (перевод с французского) – М. Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.
16. **Баскаков Н. А.** Историко-типологическая морфология тюркских языков (Структура слова и механизм агглютинации). – М.: Наука, 1979. – 274 с.
17. **Баскаков Н. А.** Тюркские языки – издательство 4-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 248 с.
18. **Бейшеналиев Ш.** Тандалмалар. Повесттер. [тестиер балдар менен өспүрүмдөр үчүн] – Фрунзе: Мектеп, 1978. – 468 б.
19. **Бекбалаев А. А.** Синтаксическая номинация в современном немецком языке. – Фрунзе: Илим, 1990. – 132 с.
20. **Бекбалаев А. А.** Вопросы истории и теории синтаксической номинации (на материале немецком и кыргызском языков). – Бишкек: Илим, 1991. – 162 с.
21. **Беляева М. А.** Грамматика английского языка – издательство 6-е. – Учебное пособие для студентов – М.: Высшая школа, 1977. – 333 с.
22. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
23. **Бергман Н. А., Натанзон М. Д.** Грамматика немецкого языка. Пособие для учителей – издательство 8-е, исправление и дополнение – М.: Госучнедгиз, 1957. – 294 с.
24. **Березин Ф. М.** История лингвистических учений. Учебное пособие филологических специалистов университетов и педагогических институтов. – М.: Высшая школа, 1975. – 304 с.
25. **Бим Н. Л.** Подход к проблеме упражнений с позиций иерархии целей и задач // Общая методика обучения иностранным языкам / составил А.А.Леонтьев. – М.: Русский язык, 1991. – С. 99-110.

26. **Биялиев К. А.** Кыргыз тили окуу жайларындагы башка улуттардын студенттери үчүн окуу китеби. – Бишкек, КРСУ, 2002. – 272 б.
27. **Бондерман Д. А.** Семантическая характеристика некоторых французских прилагательных цвета, входящих в состав фразеологизмов // Труды Киргизского государственного университета: Серия: ром.- герм. филологических и методологических преподавателей иностранного языка – выпуск 6. – Фрунзе: КирГУ, 1972. – С. 111-115.
28. Обучение иностранному языку как специальности (для институтов и факультетов иностранного языка); Учебное пособие – 2-е издательство, испр. – М.: Высшая школа, 1982. – 255 с. **Бородулина М. К., Карлин А. А., Лурье А. С., и др.**
29. **Буранов Дж.** Происхождение и развитие полусуффикса – тап в английском языке: Автореферат диссертации кандидат филологических наук. – Л., 1963. – 28 с.
30. **Буранов Дж.** Сравнительная типология английского и тюркских языков: Учебн. пособие для педагогических институтов. – М.: Высшая школа, 1983. – 268 с.
31. **Бухбиндер В. А.** Основные типы уроков иностранного языка и их дидактико-методические модели // общая методика обучение иностранным языкам: Хрестоматия / сост. А. А. Леонтьев. – М.: Русский язык, 1991.– С. 137-139.
32. **Буянов А. П.** Субстактивные полусуффиксы в словообразовательной системе современного немецкого языка: автореферат диссертации кандидат филологических наук. – М., 1979. – 24 с.
33. **Гак В. Г.** Сравнительная типология французского русского языков. Учебное пособие для студентов факультетов и институтов иностранных языков. – Л.: Просвещение, 1976. – 300 с.
34. **Виноградов В. В.** Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М – Л.: Учгедиз, 1947. – 783 с.
35. **Витлин Ж. Л.** Обучение взрослых иностранному языку (Вопросы теории и практики). – М.: Педагогика, 1978. – 168 с.
36. **Гак В. Г.** К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики- 1971. – М.: Наука, 1972. – С. 367-395.

37. **Гак В. Г.** К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 73–92.
38. **В. Г.** О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск 25 – контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 2-17.
39. **Гапырова А. М.** Кыргызские конструкции и их функциональные соответствия в английском языке: Автореферат диссертации к.ф.н. – Бишкек, 2010. – 24 с.
40. **Гатиатуллина З. З.** сравнительная типология родного (татарского) и английского языков: Курс лекций. – Казань: Казанский государственный педагогический университет, 1979. –108 с.
41. Методика обучения иностранным языкам в средней школе: Учебник для студентов педагогических институтов по специальности «Иностранный язык». - М.: Высшая школа, 1982. – 373 с. **Гез Н. И., Ляховицкий М. В., Миролюбов А. А. и др.**
42. **Городникова М. Д., Розен Е. В.** Лексикология современного немецкого языка. Пособие для заочников (на немецком языке). – М.: Просвещение, 1967. – 166 с.
43. **Городникова М. Д., Супрун Н. И., Фитон Э. Б., и др.** Лингвистика текста и обучению ознакомительному чтению: Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.
44. **Горохова И. М., Филиппова Н. А.** Пособие по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков: Учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранного языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 191 с.
45. **Грамматика киргизского литературного языка.** Пособие I., Фонетика и морфология / отв. ред. О. В. Захарова. – Фрунзе: Илим, 1987. – 402 с.
46. **Грамматика современного башкирского языка** / отв. ред. А. А. Юлдашев. – М.: Наука, 1981. – 495 с.
47. **Грузинская И. А., Черкасская Е. Б.** Грамматика английского языка. – изд.16. – М.: Госучпедгиз, 1956. – 255 с.

48. **Давлетов С., Мукамбаев Ж., Турусбеков С.** Кыргыз тилинин грамматикасы. I бөлүм. Педагогикалык окуу жайлары үчүн. – Фрунзе: Мектеп, 1982. – 238 б.
49. **Давыдова М. А.** Деятельностная методика обучения иностранным языкам: Научно- теоретическое пособие. М: Высшая школа, 1990. – 176 с. 48.
50. **Денисенко В.Н., Рыбаков М.А.** Сопоставительно-типологическое языкознание: Морфология. – М.: РУДН, 2006. – 168 с.
51. **Дербишева З. К.** Теоретические основы контрастивной морфологии. - Бишкек: КГНУ, 2000. – 219 с.
52. **Дербишева З.К.** Сравнительная грамматика русского и турецкого языков. – М.: Флинта - Наука, 2015. – 296 с.
53. **Джолдошбеков А.** Предлоги немецкого языка и их функциональные соответствия в киргизском языке: Автореф. диссерт. к. ф.н. Фрунзе, 1969. – 23 с.
54. **Джолдошбеков А.** Немецкие предлоги и их функциональные соответствия в киргизском языке. – Фрунзе; Мектеп, 1970. – 92 с.
55. **Дыйканов К.** Кыргыз тилинин көрсөтмө куралдары. – Алматы: Кыргыз мамлекеттик университети, 1990. – 369 б.
56. **Жакыпов Ы.** Тилдердин проблемалуу маселелерин иргелген колдонмолуу жыйнак: Окуу куралы. – Бишкек: «Кесип», 1993. – 92 б.
57. **Жапар А.** Синтаксический строй киргизского языка. Учебник для вузов. – Бишкек: Мектеп, 1992, ч. I. – 430 с.
58. **Жапар А.** Синтаксический строй киргизского языка. Учебник для вузов. – Бишкек: Мектеп, 1992, ч. II. – 352 с.
59. **Жолдошбек уулу А.** Немис жана кыргыз тилдеринин салыштырма типологиясы. – Бишкек: Чуй университети, 1996. – 430 б.
60. **Жусубалиев К.** Муздак дубалдар. Повесть, романдар. – Бишкек: Адабият, 1991. – 430 б.
61. **Зеленецкий А. Л., Монахов П. Ф.** Сравнительная типология немецкого и русского языков. Учебное пособие для студентов педагогических институтов по спец. №2103 «Иностранный язык». – М.: Просвещение, 1983. – 240 с.

62. **Закиев М. З.** Татарский язык // Языки мира: Тюркские языки / отв. ред. Э. Р. Тенишев. – Бишкек: издательский дом «Кыргызстан», 1997. – С. 357-372.
63. **Зильберман Л. И.** Интерференция языков и методика преподавания иностранного языка на основе разного // Преподавание иностранных языков и его лингвистические основы / отв. ред. Базиев А. Т. – М.: Наука, 1972. – С. 20-33.
64. **Златогорская Р. Л.** В помощь будущему учителю немецкого языка. Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Иностранные языки». – Л.: Просвещение, 1978. – 152 с.
65. **Зулпукаров К.З.** Падежная грамматика: теория и прагматика. – Санкт-Петербург, Ош. – 1994. – 356 с.
66. **Зюзенкова О. М.** О роли родного языка при обучении иностранному языку // Преподавание иностранных языков и его лингвистические основы / отв. ред. Базиев А. Т. – М.: Наука, 1972. – С. 285-293
67. **Ибрагимов С.** О формах определительных словосочетаний из двух существительных в кыргызском языке (турецкий изафет) // Кыргыз тилин жана адабиятын окутуунун айрым маселери. – Бишкек: КРСУ, 2012. – 15-20 б.
68. **Иманов А.** Кыргыз тилинин синтаксиси. Окуу куралы: Жог. окуу жайынын филол. факультетинин студенттери үчүн. – II бас. – Бишкек: б.у.и., 2009. – 420 б.
69. **Исаев М. К.** Очерки контрастивной и английской лингвистике.- Алматы: Интер Пресс – К, 2009. – 238 с.
70. **Иванова И. П., Чахоян Л. П.** История английского языка. Учеб. пос. для студентов институтов и факульт. иностр. языка. – М.: Высшая школа, 1976. – 3 с.
71. **Калыгулова С. Ш.** Сопоставительное исследование наречий английского и кыргызского языка: Автореферат диссертации к. ф. н. – Бишкек, 2001. – 22 с.
72. **Караева З.К.** Перевод и семиотика. – Бишкек, 2006. – 330 с.
73. **Камардина (Зорина) Е.** Размышления – Überlegungen: стихи, переводы. – Бишкек: Турар, 2010. – 80 с.

74. **Камбаралиева У.Дж.** Темпоральная категоризация в концептуальной картине мира. – Бишкек, 2013. – 488 с.
75. **Карлинский А. Е.** Методология парадигмы современной лингвистики. - Алматы: Каз УМО и МЯ им. Абылай хана, 2009. – 352 с.
76. **Кацнельсон С. Д.** О грамматической категории // Вестник Ленингр. госуниверситета. Сер. истории, языка и литературы, №2. – Л., 1948. – С. 128-142.
77. **Кедейкан.** Олжобай менен Кишимжан: эпостор /А. Акматалиевдин жалпы редакциясы менен. Түз. Т. Казиев., 2 – тому – Бишкек: Шам, 1997. – 424 б.
78. **Керквуд Т. В.** Перевод как основа контрастивного лингвистического анализа (перевод с английского) // Новое в зарубежной лингвистике – вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 341-349.
79. **Кожожаш:** Эпос / А. Акматалиевдин жалпы редакциясы менен. - Түз. К. Кырбашев. – 1 – тому. – Бишкек: Шам, 1996. – 248 б.
80. **Кондрашов Н.А.** История лингвистических учений. Учеб. пос. для студ. пед. инс. по спец. № 2101 «Русский язык и литер-а». – М.: Просвещение, 1979. – 223 с.
81. **Кононов А. Н.** Турецкий язык // Языки мира: тюркские языки / отв. ред. Э. Р. Тенишев. – Бишкек: изд. дом «Кыргызстан», 1997. – С. 394-412.
82. **Косериу Э.** Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение (перевод с немецкого) // Новое в зарубежной лингвистике, выпуск XXV. Контрастивная лингвистика. - М.: Прогресс, 1989. – С.63 – 81.
83. **Креленштейн Н. С.** Интенсивные обучение чтению на немецком языке: Учебное пособие – М.: Высшая школа, 1979. – 128 с.
84. **Кубрякова Е. С.** О соотношении парадигматических и словообразовательных рядов в германских языках // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков – М.: Наука, 1972. – С. 172-188.
85. **Кубрякова Е.С.** Имя прилагательное // Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика категории имен. – М.: Наука, 1977. – С. 286-352.

86. **Кыргыз адабий тилинин грамматикасы.** – I бөлүм. – фонетика жана морфология – Фрунзе: «Илим» басмасы, 1980. – 539 б.
87. **Кыргыз тилинин сөздүгү** // Түз.: А. Акматалиев, А. Кадырмамбетова, М. Касымгелдиева ж.б.- Бишкек: “ AVRASYA JAYINCILIK” 2010. – 1460 б.
88. **Лабер-Шувамова А.И.** Адъективные сочетания с обстоятельственными наречиями в современном немецком языке // Вопросы теории и методики преподавания языка: сб.тр. фак. иностр.яз. вузов Киргизского ССР. – Фрунзе: Мектеп, 1965. – С. 28-32.
89. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. **В. Н. Ярцева** – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
90. **Мамбетова З. К.** Типологическое исследование временных форм глаголов в немецком и кыргызском языках: Автореферат дисс. к. ф. н. – Бишкек, 2008. – 22 с.
91. **Маккамбай У.** Английский артикль и его функциональные эквиваленты в кыргызском языке: Автореферат диссертации к. ф. н. – Бишкек, 2011. – 22 с.
92. **Маслова-Лашанская С.С.** Опрошение и другие морфологические процесс в германских языках // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков / отв. ред. В. Н. Ярцева – М.: Наука, 1972. – С. 144-157.
93. **Миньяр-Белоручев Р. К.** О принципах обучения иностранным языкам // Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия / сост. А. А. Леонтьев. – М.: Русский язык, 1991. – С. 43-53
94. **Мукарапова А. К.** Мультипликативные глаголы в английском и кыргызском языках: Автореферат диссертации к. ф. н. – Бишкек, 2010. – 24 с.
95. **Найманова Ч. К.** Сопоставительное исследование прилагательных английского и кыргызского языков: Автореф. дис. к.ф. н. – Бишкек, 1995. – 20 с.
96. **Найманова Ч. К.** Валентность и сочетаемость частей речи в разносистемных языках (на английском, кыргызском и русском) –

- Бишкек: Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына, 2004. – 182 с.
97. **Нидерквель О.** Некоторые тенденции развития прилагательных немецкого языка на основе адъективных парадигматических и синтагматических параметров в диалектологическом аспекте: Автореф. дис. к. ф. н. – М. 1978 – 29 с.
98. **Никкель Г.** Контрастивная лингвистика и обучение иностранным языкам //Новое в зарубежной лингвистике. – выпуск XXV-контрастивная лингвистика. - М.: Прогресс, 1989. – С. 350-365.
99. **Общая методика обучения иностранным языкам:** Хрестоматия/ сост. Леонтьев А. А.- М.: русский язык, 1991. – 360 с.
100. **Орузбаева Б. О.** Русско - кыргызский словарь лингвистических терминов. – Фрунзе: Илим, 1972. – 425 с.
101. **Орузбаева Б. О.** Кыргызский язык: краткий грамматический очерк.- Бишкек: Илим, 1994. – 72 с.
102. **Орузбаева Б. О.** Важнейшие проблемы кыргызского языкознания (сборник статей). – Бишкек: Илим, 1995. – 398 с.
103. **Орузбаева Б. О.** Киргизский язык // Языки мира: Тюркские языки / отв. ред. Э. Р. Тенишев.- М.: Ин-т языкознания, 1996. – С. 286-298.
104. **Орузбаева Б. О.** Сөз курамы. Жож-дун филол. фак.үчүн. – Бишкек: Мектеп, 2000. – 356 б.
105. **Поливанов Е. Д.** Избранные труды по восточному и общему языкознанию. – М.: Наука, 1991. – 623 с.
106. **Потье Б.** Типология (пер. с франц.) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 187-204
107. **Рыскулова Ч. Ш.** Сопоставительное исследование кыргызских послелогов и их функциональных соответствий в английском языке: Автореферат диссертации к. ф. н.- Бишкек, 2008. – 22 с.
108. **Сагынбаев К.** Французские предлоги со значением пространства и их соответствия в киргизском языке: Автореферат к. ф. н. – Фрунзе, 1989. – 24 с.

109. **Сапарбаев А.** Синтаксистик окуунун негиздери: Жогорку окуу студенттери үчүн окуу китеби. – Бишкек: «Кыргызстан-Сорос» фонду, 1997. – 248 б.
110. **Сартбаев К. К.** Кыргыз тилинин изилдениши. – Фрунзе: Мектеп, 1981. – 108 б.
111. **Севортян Э.В.** Из истории прилагательных в тюркских языках // Тюркологические исследования. – Москва-Ленинград, 1963. – С. 58-68.
112. **Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.** Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Изд.2-е, исправ. И доп. – М.: Наука, Главн. ред. вост. лит.-ры, 1986. – 302.
113. **Сканичка В.** Типология и сопоставительная лингвистика (пер. с чешского) // Новое в зарубежной лингвистике вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 27-31.
114. **Слюсарева Н. А.** История языкознания. Пособие для студентов – вып. V, ч.I. – М.: Моск. гос. пединститут иностр. яз. им. М. Гореза, 1970. – 66 с.
115. **Смирницкий А. И.** Морфология английского языка. – М.: издательство литературы на иностр.яз., 1959. – 440 с.
116. **Соссюр Ф. де.** Курс общей лингвистики (пер. с франц.). – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
117. **Степанова М. Д.** Словообразование современного немецкого языка. – М.: Издательство лит. на иностр.яз., 1957. – 375 с.
118. **Степанова М. Д.** Методы синхронного анализа лексики (на матер.совр.нем.яз.). – М.: Высшая школа, 1986. – 200 с.
119. **Степанова М. Д., Фляйшер В.** Теоретические основы словообразования в немецком языке (для филол. ун-тов и ин-тов иностр.яз.). – М.: Высшая школа, 1984. – 264 с.
120. **Степанова М. Д., Хельбит Г.** Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. – М.: Высшая школа, 1978. – 258 с.
121. **Степанова М. Д., Чернышева Н. И.** Лексикология современного немецкого языка. Учебник для ин-тов и фак.иностр.яз. – М.: Высшая школа, 1962. – 310 с.

122. **Сыдыков Ж. К.** Кыргыз жана англис тилдеринин салыштырма фонетикасы. – Фрунзе: Илим, 1984. – 188 б.
123. Типологическое и сопоставительное языкознание / Составитель **Д.М. Искандарова**. – Душанбе, 2013. – 387 с.
124. **Тагаев М.Дж.** Полипарадигмальное описание морфемики и словообразования русского и киргизского языков. – Бишкек: КРСУ, 2004. – 325 с.
125. **Тагаев М.Дж.** Диалог языков и культур (на материале культурно-языковых пространств киргизского и русского языков). – Бишкек: КРСУ. 2015. – 240 с.
126. **Токомбаев А. (Балка).** Токтолбойт толкун түбөлүк. Тандалмалар. - Бишкек: К Э Башкы ред., 1995. – 224 б.
127. Немецко-русские языковые параллели. - М.: Изд-во лит-ры на иностранном языке., 1961. – 303 с. **Федоров А. В., Кузнецова Н. Н., Морозова Е. Н., Цыганова Н.А.**
128. **Уметалиева Б.Д.** Имя прилагательное в современном киргизском языке. – Фрунзе: Мектеп, 1964. – С. 134.
129. **Филичева Н. Н.** Синтаксическое поле ориентации действия в немецком литературном языке XVI-XX вв. // Проблемы общего и германского языкознания. – Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 126-138.
130. **Фиш М.Ш.** Словообразование немецкого языка в сопоставлении с киргизским языком. – Фрунзе: Мектеп, 1967. – 98 с.
131. **Хелимский Е. А.** Английский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. - М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 33-34.
132. **Ходжиев А. П.** Узбекский язык // Языки мира: Тюркские языки / Отв.ред. Э. Р. Тенишев. - Бишкек: Изд. дом «Кыргызстан», 1997. – С. 426-437.
133. **Чарьяров Б. Ч., Назаров О. Н.** Туркменский язык // Языки мира: Тюркские языки / Отв.ред. Э. Р. Тенишев. – Бишкек: Изд. дом «Кыргызстан», 1997. – С. 412-426.
134. **Чокубаева А. К.** Лексико-синтаксический анализ движения в английском языке и их сопоставление с русским и кыргызским языками: Автореферат диссертации к. ф. н. – Бишкек, 2007. – 22 с.

135. **Чонбашев К. С.** Сопоставительная грамматика русского и киргизского языков: Синтаксис. Учебное пособие для студентов филол.фак.вузов и учителей средней школы. – Фрунзе: Мектеп, 1980. – 188 с.
136. **Шамурзаев А. Ж.** Сопоставительное исследование английских и киргизских местоимений: Автореферат диссертации к. ф. н. – Бишкек, 2000. – 19 с.
137. **Шекеева Ч. А.** Структурно-семантический анализ английского предлога to get и его соответствия в киргизском языке: Автореферат диссертации к. ф. н. – Бишкек, 2009. – 23 с.
138. **Шендельс Е. И.** Практическая грамматика немецкого языка: Учебник для институтов и факультета иностранных языков (на немецком языке). – М.: Высшая школа, 1988. – 416 с.
139. **Шепелева В. И.** Внеурочная работа по немецкому языку. Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1977.
140. **Широкова А.В.** Сопоставительная типология разноструктурных языков. – М.: Добросвет, 2006. – 198 с.
141. **Шрам А. Н.** Очерки по семантике качественных прилагательных (на матер.совр.русском языке). – Л.: Издательство ЛГУ, 1979. – 134 с.
142. **Шубин Э. П.** Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам. – М.: Просвещение, 1972. – 351 с.
143. **Щербак А.М.** Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. – Л.: Наука, 1977. – С. 190 с.
144. **Ысакулов К.** Английские пространственные предлоги и их соответствия в киргизском языке: Автореферат диссертации к. ф. н. – Бишкек, 1995. – 19 с.
145. **Эдельман Д. И., Поцелуевский Е. А.** Изафет // Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 172 с.
146. **Яблокова М. В.** Словообразование и семантика английских прилагательных // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Междунар.научн.- практ.конф. 17-19 марта 2006 г. –М.: ООО “Издательство Эллис”, 2006. – С. 158-165.

147. **Якушина Л. З.** Связь урока и внеурочной работы по иностранному языку. – М.: Высшая школа, 1990 – 102 с.
148. **Ярцева В. Н.** Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1986. –С. 5 – 57.
149. **Ярцева В. Н.** Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981. – 112 с.
150. **Admoni W.** Der deutsche Sprachbau. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache – для студ. пед. ин – тов – Л.: Госпедгиз, 1960. – 264 S.
151. Grammatik der deutschen Sprache. Lehrbuch für die Stud. der Fak. für Fremdsp., – М.: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960. – 436 S.
152. **Arssenjewa M. G., Gassilevitsch E. W., Sambrishkaja A. A., u. a.**
153. **Arssenjewa M. G., Zyganowa J. A.** Grammatik der deutschen Sprache – Sankt Petersburg: Verlag „Sojuz“, 2002 – 480 S.
154. Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini, - Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1975, – 306 S; **Bartschaft B., Conrad R., Heinemann W. u. a.**
155. **Busse W.** Klasse. Transivität, Valenz. – München; Fink, 1974 – 262 S.
156. **Bußmann H.** Lexikon der Sprachwissenschaft. – 2., völlig neu bearb. Aufl. – Stuttgart: Kröner, 1990. – 904 S.
157. **Colette S – G. Claudine** findet zu sich selbst. Roman. – Hamburg/Wien; Rowohlt. 1991 – 155 S.
158. **Courths – Mahler H.** Wenn Wünsche töten können. Roman. – Ulm; Baste – Lubbe, 1974. – 201 S.
159. Deutsch – 2000. Eine Einführung in die moderne Umgangssprache. – Band 1. – München; Max Hueber Verlag. 2000 – 168 S.
160. **Dirven R.** Von der Hörfertigkeit zum Hörverstehen. – Frankfurt/ M. – Berlin – Bern: Grujter, 1992 – 210 S.
161. **Eisenberg P.,** Grundriss der deutschen Grammatik. Stuttgart: Metzler, 2001. – 187 S.
162. **Edelhof Ch.** Authentische Texte im Fremdsprachenunterricht. - München: Verlag H. Böhlau Nachfolger, 1995. – 118 S.

162. **Helbig G., Buscha I.** Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht – Leipzig; VEB Verlag Enzyklopädie; 1974. – 629 S.
163. **Ineichen G.** Allgemeine – Sprachtypologie: Analyse und Methoden – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgestalt, 1979. – 211 S.
164. **Jung W.** Grammatik der deutschen Sprache. – 4, Verbes. Aufl. – Leipzig; VEB Bibliographisches Institut, 1971. – 516 S.
165. **Kleine Enzyklopädie: Deutsche Sprache**// Hrsg. von W. Fleischer, W. Hartung; J. Schmidt u. a. –Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1983, – 724 S.
166. **Knapp K.,** Angewandte Linguistik. Tübingen: Francke, 2007. – 647 S.
167. **Moskalskaja O. I.** Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Учебн. для студ. ин – тов и фак. иностр. яз. – М.: Verlag „Hochschule“, 1971. – 384 S.
168. **Magy G.** Abriß einer funktionellen Semantik – Budapest. б. им; 1973. – 124 S.
169. **Pittner K., Berman J.,** Deutsche Syntax. Tübingen: Narr, 2007. - 200 S.
170. **Plenzdorf U.** Die neuen Leiden des jungen W. Roman. – Rostock; Suhrkamp. 1976. – 148 S.
171. **Schendels E.** Deutsche Grammatik: Учебн. для студ. ин – тов и фак. иностр. яз. – М.: Vyssaja Skola, 1979. – 397 S.
172. **Stepanova M. D., Cernyseva I. I.** Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Учебн. для студ. ин – тов и фак. иностр. яз. – М.: Hochschule, 1975. –272 S.
173. **Jörg Roche,** Fremdsprachenerwerb-Fremdsprachendidaktik. Tübingen: Francke, 2007. – 655 S.

MONOGRAFIA

Kajkybaszewa Aizada Keldibaevna

**PRZYMIOTNIKI JĘZYKA
NIEMIECKIEGO I KIRGISKIEGO W
ASPEKCIE PARADYGMATYCZNO-
SYNTAGMATYCZNYM**

Subscribe to print 13/11/2023. Format 60×90/16.

Edition of 300 copies.

Printed by “iScience” Sp. z o. o.

Warsaw, Poland

08-444, str. Grzybowska, 87

info@sciencecentrum.pl, <https://sciencecentrum.pl>

ISBN 978-83-66216-86-0

